

2

2002

ТЭГГИН
ГЕРЛ

ТЭГГИН ГЕРЛ

СВЕТ В СТЕПИ

**НАРОДНОМУ ПОЭТУ КАЛМЫКИИ
Д. Н. КУГУЛЬТИНОВУ — 80 ЛЕТ**

Глубокоуважаемый Давид Никитич!

Трудно подобрать подходящие слова, вместившие бы всю мою сыновнюю любовь и уважение к Вам, великому сыну Калмыкии. Ваша судьба неразрывно связана с судьбой народа, и Ваш взлет к вершинам человеческого духа есть воплощение надежд народных и чаяний. Именно поэтому Ваш юбилей — это праздник всей республики.

От всей души желаю Вам здоровья и бодрости, творческого долголетия и неиссякаемого вдохновения.

**Искренне Ваш,
Президент Республики Калмыкия,
Президент ФИДЕ
Кирсан ИЛЮМЖИНОВ**

Теегин герл

СВЕТ В СТЕПИ

УРН УГИН БОЛН ОЛНА-ПОЛИТИЧЕСК ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Хальмг болн орс келэр
хурвн сард хойр дэжж харна
Выходит на калмыцком и русском языках
два раза в три месяца

1928 жилд эклж
барлгдснн

Издаётся с
1928 г.

2

ФЕВРАЛЬ
МАРТ

Элст
"Теегин герл"
журналын редакц
2002

Элиста
Редакция журнала
"Теегин герл"
2002

НАРГ	СОДЕРЖАНИЕ	НАРГ
	Поздравление	1
	Валерий ПЮРВЕЕВ. Величие личности	4
	КӨГЛТИН Дава. Шүлгүд . .	19
	О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА	
	Кайсын КУЛИЕВ. Почва и судьба	23
	Давид КУГУЛЬТИНОВ. Стихи	27
	ШҮЛГЧИН БИЛГИН ТУСҚАР	
	БАДМИН Андра. Цаган хатлсн шүлглэн	28
	Давид КУГУЛЬТИНОВ. Явление слова	39
	ПОСВЯЩЕНИЯ	
	Миханл ХОНИНОВ. Давиду Кугультинову	44
	НЕРӨДЛҮН	
	ЭЛЬДШӨ Эрднх. Алдр шүлгч	45

Главный редактор
Э. А. Эльдышев

Редакционная коллегия:
Е. А. Буджалов,
Н. Я. Бурулов
(ответственный секретарь),
В. Н. Лиджиева,
В. Д. Пюрвеев,
Н. Д. Санджиев

Технический редактор
В. Я. Поваева

Сдано в набор 06.02.2002 г. Подписано в печать 22. 03. 2002г. Формат 60x84 1/16. Бумага типографская №.2. Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,4. Усл. кр.-отт. 8,4. Уч.-изд. л. 9,45. Тираж 1100 экз. Заказ № 634. Цена свободная.

Адрес редакции: 358000, г. Элиста, ул. Н. Очирова, 4. Тел. 5-49-83, 5-37-85, 5-95-09.

Отпечатано в АПП "Джангар". 358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245. Компьютерная верстка Гашаевой Т. Г.

© Редакция журнала "Тегин герл" ("Свет в степи"), 2002, № 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ЙӨРӘЛҢН

Ач иктә Давид Никитич! 50

ПОСВЯЩЕНИЯ

Кайсын КУЛИЕВ. Давиду Кугультинову .51

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Ноги. Поэма 52

НЕРӘДЛҢН

БУДЖАЛА Егор. Күңкә шүлгә Көглатин Давад . 57

КӨГЛАТИН Дава. А. П. Чехов . 58

ПОСВЯЩЕНИЯ

Лия ПЕТРОВА, Валентина ЛИДЖИЕВА. Стихи 64

О ТВОРЧЕСТВЕ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА

Михаил ХОНИНОВ. О поэме Давида Кугультинова "Сар-Герел" ("Девушка-луна") 65

Валентин БЕРЕСТОВ. От составителя 74

НЕРӘДЛҢН

НУУРА Владимир. Даван планет дээр хавр 76

КӨГЛАТИН Дава. Алдр Гоголь хальмгудын тускар 77

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Обращение к словам 84

ПОСВЯЩЕНИЯ

Гарри РОКЧИНСКИЙ. Дава Кугультинов... 85

Воспоминания 88

ИЗ ИСТОРИИ ПРОШЛОГО

"Быть смелым не на словах..." 91

ПОСВЯЩЕНИЯ

Джангр НАСУНОВ. Стихи 95

КӨГЛАТИН Дава. Күндәтә үр Лижд. Шүлг 96

КӨГЛАТИН Дава. Экин-зүрки. Хурц ухата, хурди келтә Эрднә өвги. Туульс 97

Давид КУГУЛЬТИНОВ. Сказки . 102

Валерий ПЮРВЕЕВ,
председатель правления
Союза писателей
Республики Калмыкия

ВЕЛИЧИЕ ЛИЧНОСТИ

*Но все прошло: среди других орбит
Ты сам звездой сияешь лучезарной,
Ты можешь петь, ты выше всех обид
Людской молвы, толпы неблагодарной
И, слез не скрыв, потомок оградит
Тебя, поэт, от клеветы коварной.*

(Китс. К Чаттертону.)

В истории калмыцкой поэзии ни один поэт не показал так ярко своей духовной сущности и вместе с тем сущности вечного человека, как Давид Кугультинов. Раздвинув границы духовного мира нации, он заслужил право быть в ряду тех, чье поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству. Величием его личности возвеличиваются нация и человечество.

Уникальна жизнь поэта, которого называли вундеркиндом. 18-ти лет он издал свою первую книгу, получившую высокую оценку А. Фадеева, А. Суркова, Б. Басангова, Ц. Леджинова, его старших современников. Пройдя войну и 10 лет в государственном особом режимном лагере Норильске, он не менялся, как говорили в свое время,

вместе с линией партии, а оставался в нравственной сфере своих великих учителей — Пушкина, Толстого, Шолохова — т. е. защитником униженных и оскорбленных, к какому бы народу они не принадлежали. Удивительно, те идеалы, во имя которых он прошел через современный ад и чистилище, он продолжал развивать во всех своих многочисленных книгах, собраниях сочинений, изданных на разных языках после освобождения и реабилитации. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, членом

Президиума Верховного Совета СССР, в своих многочисленных выступлениях он был тем же, кем оставался, будучи автором сочинений, получивших мировое признание. В его выступлениях получали поддержку правозащитники народа А. Д. Сахаров и Д. С. Лихачев. Высокую оценку творчеству Д. Кугультинова давали и А. Твардовский, и К. Симонов, и С. Михалков, и Мариэтта Шагинян, и А. Вознесенский и мн. др. Произведения калмыцкого поэта получили самую высокую оценку признанных мастеров мировой литературы, таких, как лорд Чарлз Джонсон — выдающийся английский поэт, блестяще переведший "Евгения Онегина" А. Пушкина, поэт, профессор Токийского университета, пушкиновец Еникава и мэр г. Хиросимы Такеси Арака и мн. др.

Произведения Д. Кугультинова находят отзыв во многих видах мирового искусства. По мотивам его произведений созданы монументальные скульптурные работы из мрамора художниками России, Японии, Болгарии, Армении, а также музыкальные произведения композиторов разных стран. Его произведения изданы на всех языках мира.

Норильский никелевый комбинат, которому поэт отдал десять лучших лет своей жизни, физически работая в условиях вечной мерзлоты, на свои средства издал "Собрание сочинений" Д. Кугультинова, отдавая дань мужеству поэта и высоте человеческой нравственности. Самую высокую оценку жизни и деятельности Д. Кугультинова, как великого сына калмыцкого народа, одного из крупнейших поэтов-мыслителей современности, мудрого и мужественного человека, кто своей жизнью и творчеством утверждает незыблемость единства истории своего народа с историей великой России, высказали выдающиеся политические деятели М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, В. В. Путин. В одном из документов, подписанных Президентом России Б. Н. Ельциным, в числе писателей, внесших вклад в развитие российской и мировой культуры, названо имя поэта Д. Кугультинова. В числе немногих имен, таких как В. В. Путин, А. Акаев, Е. Примаков, он награжден золотой медалью Ассамблеи народов России "Дружба народов" — 1999 г.

Планета № 2296 под именем "Кугультинов", зарегистрированная в Смитсоновской астрофизической обсерватории (США), несет на себе знак большой российской Поэзии. Кугультинов Д. Н. является членом Совета старейшин при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе В. Г. Казанцеве.

Юбилей выдающегося поэта, яркого публициста и общественного деятеля, великого сына калмыцкого народа с большим подъемом отмечает вся благодарная Россия, отдавая дань глубокого уважения его неутомимой творческой деятельности. Многие годы Давид Никитич возглавлял Союз писателей Калмыкии, избирался секретарем правления Союза писателей России, членом руководства многих международных ассоциаций писателей, выдвигался депутатом Верховного Совета СССР. Он удостоен высших отличий страны и народа. Ему присвоено звание народного поэта

Калмыкии, лауреата государственных премий СССР и России, звание "Герой Социалистического Труда". Его стихи и поэмы звучат на многих языках мира, вошли в "Библиотеку всемирной литературы". В сотнях научных трудов, статьях, очерках, отдельных монографиях, дружеских поэтических посланиях, письмах, рассказах о жизни и творчестве поэта, а также произведениях и выступлениях самого Д. Кугультинова встает перед нами обаятельная личность поэта-гражданина, чья жизненная позиция всегда выражена ясно и четко. Нет границы между Д. Кугультиновым писателем и Д. Кугультиновым человеком: поэзия и жизнь, творчество художника и судьба калмыцкого народа слились в его сознании в одно целое, как и его общественные и эстетические идеалы. Его жизнь словно спрессована в один сгусток энергии, страсти и воли. Духовное наследие Д. Кугультинова составляет основу того, что мы называем нравственными принципами человечества. Словом и делом, личным примером, великой правдой своих идей, заботой о нуждах и интересах нации он заслужил авторитет в Калмыкии и России.

Жизнь Давида Кугультинова неотделима от бурного и грозного XX века, который стал для калмыцкого народа эпохой просвещения, эмоционального взлета, но в то же время и многих трагических разочарований. Своим громадным значением он обязан не только времени, но и своему исключительному, мощному таланту.

Давид Никитич Кугультинов родился 13 марта 1922 года в хотоне Абганер Гаханкин Западного улуса в семье сельского учителя. Он учится, работает над стихами, которые поставляет в многотиражную газету политотдела совхоза № 107 и республиканскую газету "Улан баһчуд". С 12 лет вступил на литературное поприще, всю силу своего молодого дарования он отдает поэзии, ей посвящает он все помыслы, все чувства.

Природа родной Калмыкии поражала воображение, очарование, он любит наблюдать жизнь людей, сидеть у их очагов, знать их скорбь, их мечты, жить их интересами, радостями и горестями. Стихи переполняют желание выплеснуться; в них есть и тишина, и радость, и мирный труд, и успокоение. Д. Кугультинов старательно учится наблюдать действительность, следить за сложными зигзагами ее развития, угадывать ее суть. Его зачаровывала свежесть открывающихся внутреннему взору явлений бытия; он находил успокоительную радость в созерцании природы и красоты родного калмыцкого языка. Природа наделила его чуткой душой и острой восприимчивостью к окружающему его миру. В глубине поэтического подхода Д. Кугультинова лежала прежде всего любовь к человеку и "жадное стремление жить удесyтеренной жизнью". Его мысль и чувство в потоке впечатлений легко находили словесное выражение и давали законные основания для юношеской гордости. Его национальное чувство с детства было свободно от фанатизма, нетерпимости, ненависти к другим народам и религиям. В ранних стихах поэта, чему бы они не были посвящены — природе, родине, любви, повседневной жизни — вновь и вновь возникает мотив жизни.

Мысль и воображение поэта насыщались ритмами нового времени. Тесная связь с народом составила прочную основу его духовного демократизма.

1940 год. Д. Н. Кугультинову 18 лет. Признание ему приносит уже первый поэтический сборник "Стихи юности". Он самый молодой член Союза писателей СССР. Казалось бы, радости нет предела. Но жизнь не всегда течет равномерно и она не всегда залита лучами благодати, радостного созерцания, покоя. И судьба преподносит поэту первые испытания на прочность. Началась вторая мировая война. Д. Кугультинов — офицер — политработник 252-й стрелковой Харьковской дивизии — участвует в освобождении Украины от немецких оккупантов.

1943 год. Насильственная депортация калмыцкого народа.

1945 год. Арестован за свои стихи, в которых осуждал несправедливость, геноцид по отношению к родному народу.

Судьба Д. Кугультинова потрясла выдающегося русского поэта М. Дудина, который посвятил ему очень искреннее стихотворение "Давид Кугультинов в Норильске", в котором писал, что "беспощадный Полярный круг очерчен Дантовым кругом", что "этих обид оплатить нельзя золотом и ураном".

Д. Кугультинов — личность на редкость сильная. Сколько яркого и благородного смелого содержит всего одна жизнь. Но какая жизнь!

Он выжил в огне сражений Великой Отечественной войны, дышал парами серной кислоты и гидрохлорида, отцеживая никель и кобальт за колючей проволокой Норильского государственного особого режимного лагеря в вечной мерзлоте Севера — и снова выжил.

Сталинская тюрьма — "Архипелаг Гулаг" — станет для Д. Кугультинова "университетом жизни". Но брошенный в застенки, познавший безжалостную несправедливость власти, он не отчаялся и не озлобился, а сохранил в себе душевную доброту, честь и благородство. Суровая жизненная школа закалила его характер, сделала ясным ум. Его имя всегда вызывает ассоциации не только с жизненным подвигом, но и непрерывными усилиями обновления калмыцкой культуры. Он сознательно поставил свой талант и общественный темперамент, свойства ума и потребности сердца на службу народу. И в этом был своеобразный гражданский подвиг во имя просвещения народа, которое станет смыслом всей его жизни. Сегодня само время высветило и подтвердило активность его жизненной позиции.

После долгих лет вынужденного молчания первый огромный успех принес Д. Кугультинову поэтический сборник "Стихи", выдвинутый на соискание Ленинской премии. В отзывах о сборнике стихов Д. Кугультинова повторялась одна важная мысль: удивительная духовно-творческая целостность, органическое единство творчества, личности, поведения, воплощенное в стихах.

Всякий человек, чтобы быть творящим человеком, должен быть внутренне богат, он должен выстроить собственную личность, чтобы обосновать собой смысл духовной жизни, свои идеалы и ценности. Культуру разумного мышления несет в себе философия, которая ведет в глубины человеческого бытия.

На образ мыслей поэта Д. Кугультинова оказали влияние и взгляды художников и философов Запада и Востока, чьи идеи соединились в его сознании с идеями народного демократизма. О братстве и любви он пишет

языком философско - исторических размышлений над судьбами человечества. Новые прозрения поэта овладевают человеческим сознанием, озаряют сердца людей новой надеждой и любовью. Когда заходит речь о поэтическом темпераменте Д. Кугультинова, всегда приходят на память большие слова, всегда хочется воспользоваться высокими понятиями: Человек, Природа, Вселенная, Космос, Век, Эпоха, Вечность...

Средства для решения многих проблем, которые принято называть "вечными", создаются в самых разных сферах культуры человечества — в мифологии и религии, в науке, литературе и искусстве.

В творчестве Д. Кугультинова обостренно звучит тема Родины, верность ей и чувствуется, что поэт всем сердцем, всей душой, каждой своей клеткой любит Родину. Она предстает олицетворенной в образе щедрой, дарующей счастье и творческие силы матери, которая ведет человека по "белой дороге счастья", в образе дочери, дающей человеку продление жизни". В стихах ("Родина", "Желание", "Счастье", "Голос Москвы", "День моего рождения" и мн. других) мы узнаем знакомый почерк большого поэта, свойственное ему одному оригинальное видение темы, неожиданный поворот мысли, освещающий душу читателей чистым, ласковым светом.

Чтобы выразить душу народа, поэт ищет опору в мифологии, оживающей в произведениях народного творчества, в жанрах ритуально - магической поэзии и великого народного героического эпоса "Джангар". Поэт использует различные формы художественной условности: притча, миф, легенда, формы заговоров, заклинаний, магталов, йорелов. Он стал первым из калмыцких поэтов, для кого фольклор стал не объектом подражания, но средством естественного выражения собственной индивидуальности через общее, национальное.

Справедливость, доброта, свобода, честность — вот идеал поэта. Он пишет о людях, птицах, и о цветах, но за всем этим — постоянная мысль о человеке, о его месте в космосе, в природе, в истории. Поэта волнует мысль о большой всечеловеческой, успокаивающей дух идеальной правде, о природе как подлинной колыбели человеческого существования.

В поэзии Д. Кугультинова природа изображается не как равнодушная к человеку реальность. Она — мать - земля, прародительница. Она располагает читателя к самосозерцанию, размышлениям о жизни, дает возможность яснее осознать свои человеческие духовные проблемы, Из любви ко всему живому и начинается формирование человеческих чувств, формирование гуманизма, понимание прекрасного. Лирика природы Д. Кугультинова обостряет привязанность к родной стране, малой родине. Апрельское пробуждение природы вызывает прилив новых сил, неизъяснимую радость, когда степь покрывается разнотравьем, ласкающим человеческий взор; красота мира пробуждает, воодушевляет патристические чувства, рождает возвышенные, благородные мысли. Лирика природы Д. Кугультинова открывает людям не только чарующую красоту родного края, но и красоту человеческих чувств.

Восприятие человека в вечном движении материи, в единстве мгновения и вечности, в полном слиянии с Природой составляет содержание стихотворения "Степные мелодии". Здесь есть и меткость наблюдений, и

самоанализ ощущений, и размышления над непостижимыми загадками бытия, и пантеистическое желание слиться с Природой.

Могу ль усомниться, однажды изведав,
В том чувстве, что с вечностью я неделим:
Быть может, оно от степных моих дедов?

А может, испытано мною одним?...
Не знаю... Но стоит мне выйти в просторы,
Увидеть, как падают звезды в траву, —
С сознания точно спадают затворы, —
И ясно мне: здесь я извечно живу.
Меж миром и мною исчезли границы.
Я — воздух. Я — ветер. Я с далями слит.
И кто различит — это мысль или птица
Над вольно шуршащим покоем парит.

Как тополь, я смысла постигаю высокий.
Как травка, и знать не хочу — что к чему...
Какие здесь могут быть счеты и сроки?!
Брожу и дышу... И никак не пойму,
Никак не решу я простую загадку:
Когда эти мысли ко мне притекли —
В моей только жизни — и брэнной и краткой, —
Иль, может, в начале всей жизни Зсмли?

Стихотворение "Степные мелодии" поражает нас тонкостью и точностью в передаче мгновенных ощущений и глубинных душевных волнений. Поэт пробуждает в нас то, что можно было бы назвать чувством вечности, которое подсознательно живет в каждом из нас и связано с эстетическими переживаниями. В этом стихотворении Природа не существует где-то в стороне. Она существует и как реальная действительность, и как отражение ее в чувствах и мыслях поэта.

Если бы Давид Кугультинов был автором одного только стихотворения "Степные мелодии", то и этого было бы достаточно, чтобы его творчество приобрело значение этапного явления, в котором столь полно произошли обогащение пейзажа настроением, отход от описательности к прямому выражению, при котором лирическое размышление слагается из тезисов, антитезисов, аргументов, силлогизмов, риторических вопросов и восклицаний, т. е. предметный мир осуществлен в лирической медитации. Читаешь, например, стихотворение "Затрепетали лепестки тюльпана" и видишь, как Природа одушевляется, обретает приметы человеческой жизни, черты человеческого характера:

Затрепетали лепестки тюльпана,
И развернулся медленно бутон,
Как будто вскрылась розовая рана,
Мне, кажется, я даже слышал стон.

Это не зеркально - мертвое отражение природы, а мысль о природе, выражение сложных переживаний рождения жизни. Поэт находит философскую глубину в обычности повседневного — это особое интеллектуально - обостренное ощущение природы и человеческой жизни:

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально - звонкий воздух, и простор,
И колокольчик - жаворонка трели!..

Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой - то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.
Как счастлив я, что голос твой пойму,
Что человек я, и душе все чаще

Доступна радость красоты щемящей...
Иль человек я только потому,
Что внемлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедра!.. Как хороша!..

Вчитываясь в то, как изображает Д. Кугультинов природу, мы поражаемся многообразию проявлений красоты: стрекот кузнечиков, пение птиц, шелест травы — все подчинено общим законам жизни, законам целесообразности:

Трепеща, купаясь в тепле,
Сыплет жаворонок свои трели.
— Для кого, дружок, на земле
Ты поешь в этот день апреля?
От дыхания ветерка
Шелестят еле слышно травы...
— Для кого, наклоняясь слегка,
Травы, шепчетесь вы лукаво?
Понимаю сердцем своим,
Что им нужно — траве и птице.
Видно, радость не в радость им,
Если не с кем ею делиться.
И, признав меня земляком,
Способ ищут они все вместе —
Бессловесным своим языком
Передать мне светлые вести.
Мне яснее их добрая цель.
Ведь не знают эти созданья,
Что меня одарил апрель
Древней силой всепониманья.

В эстетическом восприятии природы, в чувстве природы, с величайшей искренностью воплощенном в поэзии Д. Кугультинова, мы находим нечто

созвучное нашей душе, мы проникаем с уважением к чужой, даже самой маленькой и незаметной, жизни, образ природы порождает чувство любви к родной земле, ощущение красоты окружающего мира.

Д. Кутультинов бережно сохранил и обогатил национальную традицию моральной проповеди. Он сумел совместить общее с интересом отдельной личности, право на добровольность выбора соединил с непреложностью морального императива. Вот, например, стихотворение "Счастье и горе":

Когда как вестник торжества и славы
Ко мне пришел бы старец белоглавый,
Калмыцкой старой сказки чародей,
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал счастье.
Но если б он собрал в один комок
Все, что печально на земном просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить я мог
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег дотла,
Чтоб сделалась Вселенная светла!

Моральные принципы лирического героя настолько укоренились в нем, что стали самой сутью нравственного сознания, он готов в любой момент действовать благородно.

Лирика Д. Кутультинова освещает жизнь через жизненные ситуации конкретно, богато, многосторонне. Вот, к примеру, стихотворение "Я помню прошлое...":

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.
Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: "Спаси тебя господь!"

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: "Бабушка, родная!"
Хотелось петь, кричать "ура!",
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

Простой человеческий поступок русской старушки — проявление милосердия — вызывает в сердце героя живое чувство ответной благодарности.

Время неумолимо движется вперед, и человек держит ответ за каждый прожитый миг, день, за наполненность этого дня творческим трудом. Об этом стихотворение "Время и желание":

"Тик - так, тик - так..." — неумолимый звук.
Все кажется, что спрашивает кто - то:
Скажи, что сделал ты сегодня, друг?
"Тик - так, тик - так..." И списан день со счета.

И если даже оборвется жизнь,
Не прекратится смена дня и ночи.
"Тик - так, тик - так..." Приятель, хоропись!
"Тик - так, тик - так..." Стал отдых мой короче.

"Тик-так, тик-так..." — неумолимый звук" — это сочетание до крайности обыденного тиканья с неожиданно точной мыслью о скоротечности и необратимости бега времени создает поэтическое напряжение.

В стихотворении "Первый снег" мысль о скоротечности жизни развивается не рассудочно - холодно, а предстает как мысль - переживание, как выражение души:

Как бывало радость горяча,
Если на открытую ладошку
Звездочки садились, щекоча! —
Языком слизнешь их понемножку, —
Вкусен в детстве раннем первый снег.
Пахнет ожиданьем первый снег.

А сегодня глянул сквозь стекло:
Что ж это?! Кругом белым - бело!
Седина ветвей над крышей белой...
Да когда ж все побелеть успело?!
Стал напоминаньем белый снег,
Пахнет расставаньем белый снег.

В стихотворении "Первый снег" свободное ритмическое протекание "текста" позволяет ощутить силу поэтической мысли и чувства лирического героя. Очень точно, тепло и по-братски сказал о стихах Д. Кугультинова классик кабардинской литературы Алим Кешоков:

— Когда - то Гарсиа Лорка говорил, что миссия у поэта одна — дарить душу. Вот этой миссии служит Давид Кугультинов, этой миссии он посвятил всего себя. Его стихи одушевлены, они дышат, их можно трогать, если положить руку, то можно ощутить биение сердца. Если раскрыть первую страницу его книги, на тебя пахнет теплом человеческого сердца. Действительно, в поэзии Д. Кугультинова раскрылось богатство его души, исполненной гражданских чувств, взволнованной глубокими страстями. Отсюда — огромный психологический диапазон его лирики, использующей новую лексику, тропику, новый гармонический принцип организации поэтической структуры и обновление системы

версификаторства. Новаторство Д. Кугультинова проявилось в переходе от чувственно - практического созидания к смыслосозиданию. В высокохудожественном произведении, кроме описания самого факта, должна быть также душа факта, соотношенная с мыслью и духом, и постичь ее может поэт - мыслитель, который, исходя из самого простого житейского содержания, умеет создать целостную жизненную философию. Многие стихотворения посвящены теме быстротекущего времени. Поиски правильного ответа, философские терзания свидетельствуют не только об интеллектуальном накале, но также и о том, что сам поэт приближается к познанию истины в процессе рождения каждого произведения.

Глубочайшая связь творчества Д. Кугультинова с классической традицией русской поэзии XIX века обнаруживается в художественных исканиях в жанре философской лирики.

"Высота, возведенная классической русской литературой, — пишет Д. Кугультинов, — настолько велика, что она является маяком, может быть, для всех литератур мира, показывая, что можно достичь в этой области и, указывая даль, которую нужно постигать".

Подобно своему любимому поэту А. С. Пушкину, Д. Кугультинов всегда был на высоте, раскрывая глубины своей души, проникая в сокровенные источники жизни, воспевая скорбь и радости, которые эта жизнь несет человеку.

В одном из своих воспоминаний поэт Семен Израилевич Липкин пишет: "Я предложил А. А. Ахматовой перевести одно стихотворение Кугультинова, когда - то моего ученика, подкрепляя свою просьбу тем, что Кугультинов и Лева Гумилев были сокамерниками, знакомцами. Анна Андреевна согласилась. Это было незадолго до ее смерти. На оборотной стороне подстрочника она успела записать перевод первой строфы. Мне рассказывали, что одна из наследниц рукописей Ахматовой, найдя в архиве умершего поэта страничку с четверостишием, записанным хорошо известным ей почерком, передала эту страничку, как ахматовскую, в книгохранилище библиотеки имени Салтыкова - Щедрина. Если знающие люди решили принять строки калмыцкого поэта за ахматовские, то это еще одно свидетельство таланта Кугультинова".

В творчестве Д. Кугультинова нашли свое выражение все высшие достижения калмыцкой литературной традиции. Поэт создал свой поэтический стиль, яркий и современный.

Все понимают, что мастерству учиться можно только у мастеров. Широкие знания и эрудиция, почерпнутые из основательного знакомства с русской поэзией, способствуют появлению в лирике Д. Кугультинова новых оригинальных форм. Хорошее знание русской классики обогащает поэтику.

Именно Д. Кугультинову было назначено судьбой соединить разорванные нити утраченных традиций, благодаря его способности мыслить и ощущать мир как неустанное движение и как движение же поэтически воссоздавать его. Это сложное двуединство его поэтики (сочетание психологизма с понятием - символом и доверительностью тона) — ярче всего проявляется в циклах стихов о природе. Этот новый строй

поэтического мышления и соответственно новый лад культуры слова не мог бы осуществить поэт, будь он только художником - живописцем в поэзии.

Глубоко воспринимая новые общественные идеи, он вырвался из давно освоенных берегов калмыцкой поэзии и смело перешел к новой социальной, моральной и эстетической проблематике. По мнению ученых и критиков, поэзия Д. Кугультинова — это чувства - идеалы, входящие в состав основы человеческого общежития, утверждающие ответственность перед людьми за свои действия, восславляющие милосердие, любовь к ближнему, сострадание, жалость, терпимость, искренность, чувство собственного достоинства, чести, стыда, раскаяния, покаяния — чувства, которые рождают в нас духовное видение мира, его смысл и тайну.

Открыв для себя новый мир, Д. Кугультинов создал новую поэтику, которая творчески переосмысливает традиционные метафоры - символы, направляя свое воображение в более высокие сферы.

Главным переживанием поколения Д. Кугультинова стала война и депортация народа, оставившие о себе страшную память. Тема героизма и трагедии настойчиво звучит в творчестве поэта и позволяет нам проникнуть в сокровенную суть его личности. Искренность, горький трагизм, жестокая правда о себе и других обусловлены апокалиптической действительностью.

Поэтическое и гражданское дело Д. Кугультинова живет в сознании калмыцкого народа как память о пережитом, как образное, поэтическое воплощение творческого духа народа, его национальной философии, познанной и выраженной в поэзии.

Идея личной ответственности за состояние общества приводила к логическому выводу о необходимости социальной активности. Идея свободы, прав человека, достоинства личности наполняются реальным содержанием: он считал и считает, что не вправе отмахнуться, сослаться на то, что он не начальство и его дело маленькое. Свой долг он всегда осознавал так: самому или, если необходимо, с помощью властей сделать все, чтобы разрешить вопрос, устранить обиду, недоразумение, несправедливость.

Его личная жизнь складывалась из очень ярких поступков. Он говорил о судьбе своего народа с сильными, обладавшими реальной властью людьми и был услышан ими.

Он обращался с письмами к Брежневу и Горбачеву, в которых ходатайствовал о присвоении звания Героя Советского Союза Бадмаеву Э. Л. и добился восстановления справедливости. Всегда и везде выступал ярко, убедительно говорил не только от имени своей республики, но и от имени народов России и Союза будучи депутатом Верховного Совета СССР — такое дано не многим.

Письма и телеграммы Д. Кугультинову как народному депутату Верховного Совета СССР, умеющему принципиально отстаивать права избирателей, с коротким адресом "Москва, Кремль, члену Верховного Совета народному депутату Кугультинову", слали из всех уголков большой страны с огромной надеждой и верой.

Горячая вера в силы человека, его разум, его волю является для

Кугультинова тем нравственным стержнем, который определяет его стремления и поступки, отношения к окружающим — словом, его позицию жизни.

Единство слова и дела стало повседневной нормой поведения поэта, отразившееся в стиле человека, строго сверяющего свой труд, свои поступки с общечеловеческими нормами и моральными принципами жизни. И тогда стираются границы между складом ума, культурными вкусами и темпераментом.

Д. Кугультинов часто путешествовал. Он посетил многие республики ближнего зарубежья и многие страны Запада и Востока. Калмыцкая поговорка гласит: «Юноша, объездивший мир, мудрее столетнего старца, просидевшего всю жизнь у треножника». Поездки поддерживали его духовный тонус, помогали вырваться из тесной клетки сковывающей повседневности.

Человеческий и поэтический опыт Д. Кугультинова богат переживаниями и терзаниями современного художника - мыслителя, чей поэтический дух внезапно воспарил над ограниченностью мифологического сознания и открыл новое художественное бытие, освоил искусство воплощать действительность в обобщающих образах и в конкретных, земных, жизненно - реалистических картинах. Чтобы придать современному идеалу особую силу внушения, поэт старательно исследует глубины человеческой души. Интимный мир поэта сливается с находящимся вне его естественным миром великого бытия.

Кругозор поэта исключительно широк — от простых истин повседневной будничной жизни до порывов к идеалу, в котором реализуется творческая способность проектирующей мечты. Перед нами поэт - психолог, поэт - философ, в каждом стихотворении которого звучат сердечные струны человека, воплощаются в слова пережитое, и каждое последующее произведение поэта — это новое путешествие во времени, новое открытие человеческих истин. В его лирических рассуждениях звучит глубокая мудрость и неизменная любовь к людям.

Напряженный поиск новых способов эстетического освоения реальности реализовал себя в стремлении к обновлению жанровой системы.

Выдающихся успехов Д. Кугультинов достиг в жанре поэмы. Справедливы слова Мариэтты Шагинян о том, что жанр поэмы — «большое поле зрения» и создает большую перспективу в художественном творчестве крупных национальных поэтов, в том числе и Давида Кугультинова, чья поэзия по глубине и оригинальности, наряду с поэзией Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Мустая Карима, граничит с мировым искусством.

Поэмы: «Любовь и война», «Живая вода», «Танец Ситары Дэви», «Моабитский узник», «Воспоминания, разбужненные Вьетнамом», «Шахматист», «Бунт разума», «Явление слова», «Барсин Бадм» — различны по сюжетным основам, жанровой структуре, системе образов. Но их объединяет личность автора, его отношение к коренным проблемам времени. Сама жизнь входит в поэмы Д. Кугультинова во всех ее реально - героических и реально - трагических проявлениях.

Вопрос: что может отдельная личность в обществе и что — общество

в отношении отдельного человека? — для Д. Кугультинова не риторический. Это, что называется, испытано им лично. Не потому ли проблема личности и общества стала одной из самых наиважнейших в творчестве поэта. Ведь по сути и лирические циклы, и эпические произведения Д. Кугультинова — об этом. Везде и всюду один вопрос: личность и общество, человек и народ, в разные эпохи — в эпоху Чингисхана или в эпоху современную, на разных земных просторах — в Америке или в барнаульской церкви, или на сказочных просторах фольклорных поэм. В разных поэтических жанрах, в разных поэтических формах — единая авторская мысль: где нет гармонии во взаимоотношениях личности и общества, отдельному человеку худо. Но когда плохо отдельно взятому человеку, может ли общество надеяться на процветание?

Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь, и правду защитить —

эти программные строки из Сар - Герел и в других поэмах - сказках, и в поэмах на реалистической основе, и в таких сложных соединениях реалистического и фольклорного материала как мощная поэма - симфония "Бунт разума" и поэма - миниатюра "Явление слова".

Поэма Д. Кугультинова "От правды я не отрекался" прочно держит читателя в кругу возвышенно-героических чувств. Поэт заставляет нас ощутить общественно-историческую напряженность эпохи. Его сила прежде всего в драматическом переживании, выражающем протест против насильственной депортации, отнявшей у народа радость, убившей юные мечты поэта. Мощно звучат личные исповедальные мотивы, развивается тема героизма и трагедии. Запечатленный в поэме трагизм его личной судьбы стал выражением страданий растерзанного войной и депортацией народа.

Особенно напряженно звучат строки об отнятом человеческом счастье. Поэт сумел создать целостный образ - переживание народа, рвущегося вслед надежде. В едином хоре звучат мотивы жизни и смерти, мужественной силы и самопожертвования. Душевное напряжение поэта взрывается вихрями чувств. Жизнь осталась там, на изгнанной земле, в далеких, благословленных родных просторах, в видениях. Там осталось его сердце, "образ нецелованной любимой" и степь "в тюльпанах золотых", сердце, полное любви, непокорства, народного горя. Здесь мироощущение народа чувствуется особенно ярко. Образ лирического героя величественен, драматичен, светел и навечно останется в клетках национальной памяти.

Д. Кугультинов стал первым из калмыцких поэтов, для кого фольклор стал не объектом подражания, но средством естественного выражения собственной индивидуальности через общее, национальное. Фольклор, воспринятый творчески, обогатил эпическую поэзию Д. Кугультинова. Из него поэт брал сюжеты для философских поэм-сказок ("Золотое сердце", "Песнь чудесной птицы", "Равные солнцу", "Сар - Герел", "Время - повелитель", "Цветок, одолевший бурю" и др.) Поэт сближает сказочно -

условный фантастический мир с социально - временной основой оценок, и тем самым добивается более осязаемого воздействия. Философские поэмы - сказки Д. Кугультинова — новое возвращение к истокам. Но они содержат в себе, кроме живописности, идею - видение, которая очаровывает и волнует людей разных возрастов. Кугультинов талантливо использовал традиции восточной и европейской поэзии, переосмыслив их в свете ключевых проблем современности.

Поэзия Д. Кугультинова, выросшая из национальных корней, наиболее полно воплотившая в своем поэтическом гении духовное богатство калмыцкого народа и своеобразно преломившая наследие мировой культуры, несет в себе глубокие идеи, мысли и прозрения. Поэт создал новую неповторимую поэтическую традицию, которая представляет собой явление многообразное и одновременно целостное.

Все его творчество — это реализованное желание молодости, мечта о том, чтобы познать богатство и разнообразие мира. Поэт сохранил свою влюбленность в жизнь и сегодня, жизнелюбивое сердце поэта благословляет жизнь новых поколений, понимая трагизм и жестокость действительности XX века. В смелых и оригинальных его поэтических произведениях заключена главная мысль о том, что в человеке неизбежно побеждает доброе, а значит — и в истории, в конечном счете, восторжествует добро и справедливость.

С юных лет и до сегодняшнего дня Д. Кугультинов — великий труженик, всеми средствами художественного и философского познания стремящийся разгадать загадки природы и тайны исторического бытия человечества, чтобы посылить в будущее, когда свободное проявление высших духовных задатков человека стало бы нормой человеческого общежития.

Д. Кугультинов с удивительной легкостью и непостижимой мощью сотворил классику новой калмыцкой поэзии. Характеризуя лирическое творение Д. Кугультинова, Самуил Маршак писал в письме к поэту: *"Мысль у Вас воплощается в поэтическое слово полно и вещественно, без малейшего оттенка рассудочности"*.

Талант Д. Кугультинова обнаружил способность проникать в глубь явлений, улавливать идеальное в обычном, преодолевать универсум и прорываться к духовному абсолюту. Поэтическое, как выражение личного состояния автора, у Давида Кугультинова неотделимо от народного. Да, в своей поэзии Давид Кугультинов не только калмык, не только верный сын России, но и гражданин человечества.

Д. Кугультинов — личность ярко одаренная, обжигающая. Знаний и ума, душевной красоты и покоряющего обаяния хоть отбавляй. Его можно слушать бесконечно: каждое его выступление — это настоящий для республики праздник сердца и души. Вот что писал величайший украинский поэт Олесь Гончар об одном из выступлений Д. Кугультинова:

"Только что телевидение передавало твою встречу с читателями. Кроме тебя, крупным планом показали и сидящих в зале молодых калмыков и калмычек (думаю, что это были они): их лица сияли гордостью и счастьем. Как прекрасны человеческие лица, когда они одухотворены! Благодаря

тебе они становились такими. Ты преображал их силой своей души, своей могучей мысли, своего огромного дарования.

Спасибо тебе!

Умно и трогательно и очень кстати ты вспомнил Кайсына. Кстати, было и доброе слово о Семене Липкине (я его тоже очень уважаю) и то, что Бунин прозвучал — тоже здорово...

Я рад тому, что произошло сегодня. Думаю, что вся Калмыкия переживает этот день как свой национальный праздник..."

Вот что пишет Константин Симонов: "Любовь к Вам я имел возможность видеть во многих местах нашей страны, в разных уголках Советского Союза, в разных республиках. Я имел возможность видеть это и у Вас, в вашем родном крае".

Возраст почитателей таланта Д. Кугультинова не ограничен, среди них можно встретить и детей, и молодежь, и убеленных сединами учителей, ученых, академиков. Кто - кто, а уж Давид Кугультинов всегда на виду: каждое его слово и каждый поступок как бы высвечены обостренным вниманием многих людей. Его эрудиция тонко уравновешена интуицией, мысль — чувством; привлекают доверительность его слова, ирония, парадоксальность, афористичность. Его духовный демократизм не позволял ему смотреть и на собственное свое творчество только как на лично принадлежащее ему достояние.

Освещенные светом таланта, книги Д. Кугультинова обогатили духовный мир калмыцкой культуры, определили новые перспективы развития калмыцкой поэзии, стали лирико - философской энциклопедией малого народа. В этом и заключается их исключительное значение в истории мировой культуры.

Калмыцкая поэзия XX века выдвинула выдающегося художника слова, книги которого радуют читателей многих стран и континентов. Сердечная, мудрая, человеческая поэзия Д. Кугультинова надежно служит делу единения литератур и культур, делу утверждения дружбы и братства между народами.

Цаглари,

ики холас,

Ца - цааһасн асхрж,
Цаһаж, таниг күләсн
Цаас байрлулж дүүргж,
Шуугад герлтсн үгмүд
Шулуудж нанур ирит,
Шүлгин гегэрсн мөрд
Шүтж өтрлэд орит!

Кесгэс нааран таниһән,
Керүл - цүүтән угаһар,
Сән дурарн ирхитн
Санандан бэрж йөрөлөв,
Иньгүдтән таниг тоолж
Иткж, жилдән гилтә,
Жирһлин авлта жисәнд
Живринтн делслә күлөлөв!

Шүлгләни әрүн зокал
Шүрүн чидл үзүлсиг,
Үгмүд шүүрэд, күчәр,
Үүмүлж дараһарнь тәвсиг,
Таасдоһинь баһ наснасн,
Тааһад гилтә медләв,

Хальмг өвгдин чирө
Хәләж кесг шинжләв,
Хуучна цага келврмүд
Хурняснднь умшхар седләв.

Зут, теднә чирән
Зурань таңх - тагчг.
Тодлсн, үзсн хамгинь
Төрүц һазаран һарһхш.

Тегәд чигн таниг
Тевчхиг сәәнәр тодлав!

Өөгдснднь омг өгх,
Өлсснднь тежәл өгх,
Даарснднь дула өгх,
Дажргдснднь суддхвр өгх,
Үкл уга мөңк,
Үлгүрин үлмәд орх,
Үнни седвәр кәтлх,
Үүрмүд мини, үгмүд,
Жирһл таниг дууджана!

Жигтә хөв белглдг
Живрән холас деләд,
Жирисн сәәхн оларн,
Жиңсн айсан күңкнүлөд,
Жилвим тевчж талвалһад
Иньгүд, байрин үгмүд,
Ирж седклим хаңһаһит,
Цаһан, хөвтә хаалһар,
Ца - цааһасн асхрж
Цаасна цевр халхиг,
Цагла иньглж, дүүргит!

1968 ж.

Түрү үзләв гиж
Түңшж заячан харахш.
Баатр боллав гиж
Бахтж бийән буульхш.

Му, сәәг әдл
Мусхлзж тосдг өвгд,
Хальмг улсин авъяс
Хадһлж батар бәрнә.

1968 ж.

Делегаты съезда писателей РСФСР на встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым. В центре — А. Твардовский и Н. Хрущев. Слева крайний — Давид Кугультинов.

КҮСЛ

Жилмүд немгдх дутм
Жирһа эңкр болна.
Олн зүсн бээданы
Ончрж улам медгднэ.

Наргын бахмжга шууган
Насна то хэлэхш.
Медэтэ гиж өөгүрчн
Медмжэн угаһар давхш.

Эмдрлин жисэнэ үлмэд
Эмтн цуһар багтна.
Көгшн, баһ уга
Күцсн күслэн утна.

Болв, сансн тоот
Бээхд төрдг болвчн,
Күцсэрн байр үүдэж
Күмни седкл герлтхвчн,

Дарук күсл үүдэж
Даву неквр тэвнэ.
Цөкрлго түүг көөлдснэ
Цольнь дуудулж магтна.

Эмд күүнд күслн
Эмтнн сүүлнь уга,
Жирһа бөкснд зугл,
Жилв, күсл уга.

1969 ж.

Хаврин йиртмж герлэрн
Хальмг теегиг дүүргв,
Сергмжтэ көгжмлә селвж
Седклим услж диннрүлв.

Иткгдшго зургуд эндр
Илвэрн хавр белгвл.
Ивтркэ хэлэцтэ чамаг
Ишкдл болһндм үзүлв.

Жиңиж, байрин дууһар,
Жиргсн шовудын ээд
Чини ду соңсж
Чиңиж байсад зогсв.

Цаһан, кацкнсн үнртә,
Цацгудан шавшулсн модна

Күн болһн седклиннь гүүнд,
Күүрг, бат, һавшун, әмтәхн,
Аштнь, цагнь ирсн кемлә,
Адрж, һазаран һарад мандлх,
Далдлсн дуран харж хадһна.
Дараһарн сольгдсн жилмүдт,
тернь,
Эркн биш лавта ирх
Эврәннь эзән ицж күләнә.

Үүрмүд, йөрәл тәвтхә гиж
Үг һанд таанр өгәд
Үүмүлж зүркнм ода көңдәвт.
Байр зовлаң хойр үргләд
Батар холвата мет хамдан
Бәрләд кеж туужд йовла.

"Зөрсн — диилснлә
әдл!" —
Залу күүнә үг!
Зөвән олхар бәнчи?
Аль, әмтнд туслх
Адр йовдл күцәхәр
Арһан тоолж бәнчи?

Наснанм сән цагиг авсн,
Норильск, Норильск, — сонын
балһсн!
Хая бишт зүүндәм орад

Хамтхасн заагаснь чини
Хәләц, генткн, харв.

Хавр чи хойр
Хамдан зүркндм ниилвт.
Өргмжтә, жигтә өдриг
Өңгршго хөвд хүврүлвт.

1969 ж.

Худл, хар чидл, хуурмгиг
Холас медж хооран көөнә.
Сәәх, үнниг, зөрг, итклиг
Санана цевриг дурн дуудна.
Күн болһн седклиннь гүүнд,
Күмни нер өөдән өргсн
Дуриг кинж хадһлсн төләдән,
Делкән әмдрлин кеермж болла.

1969 ж.

Хальмг улсин күсл болсн
Хуучн йөрәлин үт келвв:
Гиичнрин һоснас бүргсн тоосн
Геринтн үүднәс бичә хөөһтхә!
Нигт керсң зарһин үүд
Нииһәр урһж мөңкд бүтәтхә!

Зөр! Тоолвр удхла
Зөргин ир шантраг.
Зугл, үни, худлыннь
Зааглад йилһж авн,
Зөвән зүркндән бәрн,
Зөр! Диилвр — өмнчн!

Халта киитәрн цогцим шатанач,
Ар үзгин тодлгдсн солһарн
Арм баһ насим сагулнач!

Жигтэ дурар чамдан дуртав!
Жирһд, дурго хойр күүг,
Күчэр ханьцулсна хөөн харсн

Күүкдтэн, харһснь, дурта мет,
Мини зүркнд чи энкрч,
Мөңкд седклим бийүрн татнач!

Кемр чини жирһлчн
Кемжэлж арһичн тоолад
Һанцхн нег эрдм
Һартчн бэрүлсн болхла —
Түрү гиж чи
Түүнэсн бичэ хаһц.

Өмтнд иргч зарлх
Элдэчин эрдм бөөхлө,
Һазр хадрж тарһлсн
Һахан керго хөвд
Үлү үзж бичэ
Үнтэ эрдмэн хай.

Налаж ормдан зогссн
Нуурин элвг усн
Намрин чилгч алднд
Нимгн мөсэр өрмтрв,
Невчк киитн чаһрхла
Негт чолуншң көрв.

Болв, нэрхн гүүртцэр
Бульгж зогслго тургласн
Булгин усн киитнд
Бийән өглго гүүв,
Ормдан эс зогссн
Олзтаһинь тер үзүлв.

Цаг селгэтэ гисн
Цал буурл өвгдин
Келсн үгин күңкл
Кезэ болвчн күцнө.

Сээхн хальмг үлгүр
Сана йовхла зокхмн.

Онъдин ормдан суухар
Омгласн зэрм улст

Түүт мартсн зэрмнь
Түргүр тусад одна.
Урднь эс ухалсндан
Уульн алдад һундана.

Үүрмүд, үүрмүд, кемр халундан
Үлү үг келж таанран,
Генткн, санлго һундасн болхлам, —
Гемим тэвж, бичэ өөлит!
Хар санатаһар зөрц намаг
Харшлв гиж бичэ санит!

Һанцхн таанран, таанран санж
Һаслң, зовлң дегц даалав,
Дээни һалд, үклин халд,
Дээсэн дарж; дарңхан дииллэв!
Генткн, хэрнь, һундасн болхлам,
Гемим тэвж, седклим тевчит!

Кайсын КУЛИЕВ

ПОЧВА И СУДЬБА

Помнится, скупой на похвалы Ярослав Смеляков называл Давида Кугультинова одним из крупнейших поэтов страны. И мы каждый раз с радостью соглашались с этой высокой оценкой творчества нашего товарища. С такой же похвалой отзывались о калмыцком поэте многие прославленные советские писатели — Фадеев, Федин, Шагинян, Смирнов, Марков, Айтматов. А еще любопытнее отношение больших ученых — физиков, математиков, медиков — к его поэзии. Тут достаточно сослаться на мнение академика В. П. Глушко. "С удовольствием читаю сборник стихов Давида Кугультинова, — говорит он. — Удивительная свежесть чувств и образности. И во всем глубокая мысль. Люблю настоящую поэзию"

Замечательный ученый сказал о поэте замечательные слова. Он уловил главное в его творчестве — глубину мысли и свежесть образного мышления. Эти бесценные свойства делают написанное поэтом настоящей поэзией.

На снимке (слева): Давид Кугультинов, Семен Липкин, Лиджи Инджиев, Анатолий Софронов, Бем Джимбинов в Элисте в дни съезда писателей Калмыкии. 1958 г.

Давид Кугультинов пришел к своему шестидесятилетию, прожив очень непростую, трудную жизнь. Век наш был суровым, и многим из его детей не всегда жилось легко. Если будем умалчивать это, то искадим образы современников, недооценим их мужество, сотрем героические черты с их лиц. На долю Давида Кугультинова выпадало много испытаний, но он выдержал все, не сломился, проявил большую стойкость, силу духа и характера. Испытания выковали из него мужественного, глубокого и мудрого художника. Таким мы и знаем поэта сегодня. В его книгах "дышат почва и судьба".

А это представляется мне чрезвычайно важным. Из всех испытаний Кугультинов вынес чистыми достоинство человека и художника, уважение к людям, к их жизни и труду, к уму и таланту, созидательному началу в них. Светом гуманизма освещено и пронизано его творчество.

Смотри, как люди на земле сильны!
Они штурмуют небо ежечасно,
В горах дороги пробивают властно
И добывают из морской волны
Сокровища, и, вдалеку устремлены,
Грядущее свое читают ясно...
Смотри, как люди на земле сильны!

Для советской культуры был и остается характерным гуманизм, наполненный социалистическим содержанием. Поэтому наша поэзия в годы Великой Отечественной войны, например, так мужественно сражалась против фашизма, веря в священность правого дела, за которое бились и погибали лучшие сыны Советской страны. Давид Кугультинов, ставший членом Союза писателей СССР восемнадцатилетним юношей, в годы войны находился среди тех, кто мужественно воевал с гитлеровскими захватчиками. Он выковал двойное мужество — мужество бойца и мужество художника. И дело солдата, и дело поэта он делал одинаково хорошо.

Сегодня, в день его шестидесятилетия, хочу сказать, что Давид Кугультинов — явление уникальное в советской поэзии. Это в одинаковой мере относится и к его личности, и к его поэзии. Это и вызывает у меня глубоко уважение к нему и даже восхищение. Из своей сложной судьбы он сумел высесть высокую поэзию. В этом я вижу мудрость, силу воли и даже черты героизма в его характере.

Писать грамотные стихи сейчас умеют многие. Творчество же Кугультинова мне представляется творчеством победителя. Поэтому я считаю Давида счастливым человеком, а его поэзию — героической. Таково мое восприятие жизни и работы моего товарища. И говорить о нем я могу только так, не боясь, что меня уличат в преувеличениях.

По существу, все советское искусство, рожденное революцией, является героическим, ибо оно призвано сражаться против всего злого и темного, отстаивать идеи добра, справедливости, человечности — то есть выполнять ту великую миссию, которая вообще испокон возложена жизнью на прогрессивное искусство. Такое у него предназначение от века и навсегда.

Творчество выдающегося мастера советской поэзии Давида Кутультинова всегда остается верным великим гуманистическим принципам революционного реалистического искусства. Он из тех художников, в которых счастливо сочетаются талант, ум, культура, образованность, энергия, мудрость и нежность. Давид Кутультинов хорошо понимает и знает, что поэзия существует на свете не как безделица и забава, а как одно из удивительных созданий человеческого таланта и разума, мудрости и совести. Служить она должна только интересам народа, добру и свету. Это всегда особо подчеркивалось нашими учителями — великими поэтами всех народов. Поэзия — враг злобы и братоубийственных, грабительских войн, всякого угнетения и унижения человека, враг несправедливости и жестокости. Так было от Гомера и до Твардовского, так и должно быть всегда. Лицо поэзии вечно освещено светом Прометеева огня — светом мужества, человечности и любви к людям. Этот Прометеев свет освещает и лицо кутультиновской музыки.

В этом смысле достаточно назвать такие его создания, как "Я помню прошлое...", "Дайте, дайте первую удачу!..", "Смерть сайгака...", "В цирке" и многие другие. В стихах Кутультинова резко и определенно, с мощной художественной силой выражен активный гуманизм, характерный для всей большой советской поэзии и лучших творений мирового искусства. Тут не прибавить и не убавить, как сказал Твардовский, кстати, охотно печатавший стихи Кутультинова в журнале "Новый мир". Великому советскому поэту близки народность, содержательность, мудрость, масштабность и гражданственность поэзии калмыцкого мастера.

Советская поэзия велика, многообразна, многоцветна. Давид Кутультинов — один из славных ее творцов, заслуживший признание и любовь читателей всей нашей великой Родины. Ему присуждены Государственная премия СССР и Государственная премия РСФСР имени М. Горького, присвоено звание народного поэта Калмыкии. Он один из широко издаваемых советских писателей, его книги выпускаются на языках многих народов страны, увидели свет собрания его сочинений в трех томах на калмыцком и русском языках. Подобной радости не знал до него ни один калмыцкий писатель. Такое признание поэта малочисленного народа удивительно. О такой судьбе предшественники Кутультинова могли только мечтать. Такое возможно только в нашем Советском социалистическом государстве. Об этом особенно приятно напомнить читателям в год шестидесятилетия образования Союза Советских Социалистических Республик.

Для поэзии Давида Кутультинова свойственны лирическая проникновенность и эпический размах, он мастер и маленькой миниатюры и эпической поэмы. Это говорит о широте его художнических возможностей. Поэтому он и смог написать наряду с лирикой и "Бунт разума" — большую поэму на актуальнейшую тему современности. Она считается одной из лучших поэм в советской поэзии наших дней. Так именно ее и оценивал столь признанный мастер эпического жанра, каким был Аркадий Кулешов. В этом крупном своем произведении Кутультинов с наибольшей полнотой показал умение глубоко мыслить и говорить о коренных вопросах эпохи, о серьезнейших явлениях действительности, о

сложных и трагических событиях, происходящих в мире. Обладание такими возможностями — это счастливый удел только крупных художников, мыслителей, к семье которых Давид Кугультинов имеет счастье принадлежать.

И теоретики, и сами поэты много писали и спорили о назначении поэзии. Высказывались самые разные мнения. Но чтобы не писалось и что бы не говорилось — главной задачей поэзии, по моему, остается быть голосом народа, его совестью. Поэзия должна стать поддержкой тем, кто в этом нуждается, даровать свет и надежду людям в трудный час, прийти им на помощь и быть опорой, вдохнуть в них мужество. Да, я убежден в том, что искусство должно быть именно мужественным и мудрым, ибо его главный долг — служить жизни и людям, тогда оно имеет возможность вдохнуть в людей жизненную энергию, быть необходимым для них, духовно обогащать. Такую светлую общечеловеческую силу я вижу и в поэзии Давида Кугультинова, при всей ее национальной самобытности и неповторимости.

Только поэт, действительно желающий людям добра, способен написать такое:

Дайте, дайте первую удачу!..
Чтобы гордость юную не пряча,
Человек, как молодой орел,
Прянул в небо и себя обрел,
Путь свой во вселенной обознача!..
Дайте, дайте первую удачу!

Я помню Давида — восемнадцатилетнего молодого поэта, а сегодня я пожимаю руку шестидесятилетнему мастеру Давиду Кугультинову, плодотворно работающему и мужественному. Его голова степного мудреца уже поседела, но его прекрасное лицо художника я вижу освещенным светом Прометеева огня.

*Чегем,
Кабардино-Балкарская АССР*

Газета "Литературная Россия", № 11 (999), 12 марта 1982 г., стр. 10.

Хальмг улс байн ут туужта, эврэ үндснн өвөрц сойлта, эврэ ке сээхн уул келтэ орчлнд нег сонын келн эмтн болжахиг билгтэ шүлгчин үүдэврмүдэс медсөн ода герчлжэнэв. Деер дурдсн поэм, "ЖҮирһл" (1960) гидг шүлгүд болн поэмснн хураңһу дегтр, "Цагин жисэн" (1963) гидг хальмг келэр барлгдсн дегтрмүд, "Заслужить бы друга любовь..." (Москва, 1961) болн "Стихи" (Москва, 1965) гисн орс келэр кевлгдсн шүлгүдин хураңһу дегтрмүд — цуг эдн жилвим хаңһаж, зүрким урсхала.

"Моабит гидг түүрмд" гидг поэм 1958 жилд салу дегтрэр барлгдсн зокъял. Дегтрин нүр халхдн "Мана цагин алдр баатр Муса Джалилд нерэдгджэнэ" гисн үгмүд минн оныгт тусла, зүг тер цагт Муса Джалиль гиснь кемб, ямаран баатр болжахинь меддго билэв. Поэмиг бүк долан хонит зөвэр түрж умшад, аһуһиннь сэн эс медсн бийнь, зөвэр нк чинртэ үүдэврлэ таньлдсан тодлж авлав.

"Моабит гидг түүрмд" поэм моабитск биш, советск түүрмин тускар бичгдлэ гиж ода ирж үннэн келж болжана", — гисн арви жил хооран Көглтин Даван герчлһн нанд йир тодрха цээһвр болла. Поэмнн нег дүрнь — Костас Густайнис — түүрвэчин өөрхн үр - иньгнь бээж; түүрвэчлэ эдл хөв эдлсн, хамдан түүрмд суусн Валентин Викентьевич Густайнис болна. "Минн бичсн цуг тоот жирһлэс авгдла, эврэн үзсэн, дааһад харсан олд медүлж бичлэв", — гиж Көглтин Дава цөөкн жил хооран идһнь медүллэ.

Советск түүрм — "сталинский гулаг", хар гөрин уршгар хальмг улсиг күчэр нүүлһэд, Советск орн нутгин булггудар таралһн — "сталинский геноцид"... — ямр ээхшгтэ, аврлг уга аюлта үгмүдвн? Хальмг улсин ут туужин хаалһд учрсн тер харалта жилмүд, цаг мартгдхий? Эс мартхин төлөд билгин дала болсн шүгглэндһн оршсн кесг шүлг, поэм тер туужин үннч герч болдгнь "Үннэсн цөкрсн угав...", "Барнаулын чонжд болсн алһн", "Сталинэ туск тууль", "Сүрдэлһн", "Көлмүд", "Ээмшгтэ гер", "Сталинэ харсачнрг", "Бийскин чолун уульнцар...", "Хальмг комендантһрас хөөһинь...", "Диилһннн байр өөрдсн..." болн нань чигн талдан зокъялмуд мөн.

Хэлэцим минн авлсн
Хурдн мөрнэ довтлһн;
Хэврһас генгкн үлэсн
Хаврин дулахн салькн;
Халун уурта шөлтэ
Хөөнэ махна үнр;
Холас герлэн асхсн
Харцһу сөөһин ода;
Теегт идшлсн хөөншц
Теңгрин нүүсн үүд;

Баахн үүртөһөн йовх
Байрта күүкнэ инэдн;
Сө болһн ордг
Сонын минн зүүдн —
Уханасм цуһар сөөхнэр
Урдкин бээдл татна.
Хама йовбчин, нанд
Хальмг Таңһч сангдна.
Өңгрсн, ирх жирһл
Өмнм бөөхэр үзгднэ...

Им кевэр Көглтин Даван зокъялмуд минн эмн наснд орж ирэд, тер төвдгч жилмүдэс авн, эндр күртл үүдэврмүдннь күлэвртэ болад, эмдрлдм дөт нөкр болна. Тер цагас кедү арвад дегтрмүд барлгдсннь тоолсн угав, тернь керг уга, зүг гүн утхта, нигт сурһалта, сүв-селвг болсн зокъялмудннь кергдгдж, сансн тоот-хамгт бат түшг болж, седклим байрлулна.

Встреча в правлении Союза писателей Каалмыкии с Д. П. Кугультиновым. Сидят (слева): Анджи Инджиев и Давид Кугультинов. 1982 г.

Хальмгин утх зокъялд, ури үгин үүд Көглгтин Дава жири жиддэн эрүн цеврэр церглэж йовата, эн цагин хуңцаңд биэлгин аһу ик зөөр хээрлэж, эрдмэн белгелсн бөөнө. Күңкл чсежин белг, биэлгин үүдэвр, товчлад келхлө, хальмгин ури үгин, ури биэлгин шин, өөдөн девсц мөн. Мини медсэр, Көглгтин Давад үчүки бээтхө, йир керг ута седв - төр гнх юмн уга: күмин ухан ямаран седв авана, тернь зокъялчин шүглэнд нэрнөр цөөлһгднө. Эн санаг орс боли хальмг келэр бичсн эгл умшачин, нертэ номт, шалһачин чигн статьяст, дегтрмүдг эрки биш оныт туссыннь, темдгэж цөөлһөд үзүлдгэр баталд амр, тернь бас зөвтө. Аһу ик биэлгтө үүдэврмүдин олн зүсн төр - седвиг бүклднь нег назрт диглэж хэлэхд дегд кецү, цугинь сергэж дурдад, келж күргдг арһ уга болсар (шүүж - шалһж, ури келнө күчинь үзүлх күсл уга) оныгтм үлдж тодгдсн, уха көндэсн, седк сергэсн хамгас цөөки шүлгэр бэрмгэлөд, чидсэриң соцсхвран нээрүүлснь эн болв.

Мана ахмад ури зокъялч шүлг бичлһнө берк күнд дааврин чиириң үлгүрлэж нээрүлдг авьяста биэлгтн.

Шүглэн гисигн
   ухана
 Шүүснэс чид авдми,
 Ухан
   жирилһин далаһас
 Ууж,
   көрһгэн хаһадми,
 Жирһа
   үрглэжд сетрө

Жисэнэс
   үүдэж цецгэрдми.
 Йөрөлтө жирһлин шууганас,
 Йиртмжин бөөдлин дүрклэнэс,
 Өдгэн цецн сөөхнэс,
 Өргмжгтө насна тачалас
 Урмдж, шүлгэн үүдэж,
 Уралан шүтж зүткти!

"Баһчудт" гидг шүлгин эн тасрхад түүрвэч бичэч, шүлгч болхар шийдсн баһчудт селвгэн өгсн деерэн, ямаран чигн күцэжэх керг - үүл ик дааврта болдгинь, олна өмн кен болв чигн хэрүтэ болдгинь зааж, шүлгэнэ холлгч берк күнд куслггин тускар медүлжэхнь ил. "Кесн үүл эзэн темцдг" гидг үгин утхнь, эн шүлгиг умшхла, сананд тодлгдаа, үүл, керг, көдлмш олар үйлддг зокалта, оln — хамгин нэрн зарһч.

Барлгдад уга шүлгин
Бадг, мөринь ясх,
Дүңцүлл, чимлһинь эврәннь
Дурарн зааж залх,
Дуршж делкэд үзүлх
Дууч эзнъ — бив.

Болв, кемр үүдэврм
Барас һарсна хөөн,
Байр, зовлң нанд
Шуугсн жирһлин теңсгэс
Шүүгүлэрн татж ирх
Шүлг — мини эзн.

Мел үнн, зөвтэ кемэц: кен чигн күн кесн көдлмшиннь эзн эс болхла, олна тоомсрт күршгонь лавта. Арвн хойр мэрэс бүрдсн шүлгт гүн ухана недр иддгднэ. Эдү мет үчүкн, төв товчта шүлгүд оln. Иим зокъял нээрүлхд билг, күчн кергтэ.

Көглтин Дава — гүн ухантн, нэрн бодлгч шүлгч, кетркэ билгтэ урн зокъялч. Күңкл чееж, цецн ухан, оюн - билг онц күүнд бээдг болв чигн, зуг тер оюн - ухан, эрдм билг онц бийэснь үүддг уга йоста, олна удандан ухалад туңһасн, зөөсн зөөр - медрлиг бийдэн шиңгэснэ ашнь мөн. Тегэд чигн оlnа күңкл онц һанцин күңклэс кезэд чигн даву гидг хэлэцэр болхла, оlnа күңкл ямаран чигн онц һанцин билгин булг, экнь. Өңгрсн, өдгэ, иргч (хөөт) — эн һурвн цаг залһддата, үрглжтэ, тиим учрар цаг, эмдрл чигн бас тасрхан уга, заг уга залһата, үрглжтэ. Гүн ухана номин хэлэцэр, цаг иим эңгэр диглгдхш, цаг үрглжин болж, негн болж негдэд, эмдрл бас мөңк болж тоолгддг. Иим кемэциг үлгүрэр батлдг арһ хээхлэ, Көглтин Даван шүлгленэс оln зүсн зүүл, кемжөһөрн ут, ахр, кев - кецэрн нэрн шагларта, ухан - санаһарн гүн, нигт недртэ зокъялмуд олхд амр, зэрмсинь нерэрнь дурдчий: "Көрэ һазрин көрсн дор...", "Таггин амнд күрсн...", "Йиртмжин зокъялд нег...", "Зурһан хонгт мең меңиж...", "Ээврлсн нарна толянд...", "Йиртмжин бээдлэс...", "Жирһл жисэнәннь эргца...", "Хөв", "Өлсжэтлм, жилмүд хооранд...", "Хальмг өвгдин чирэ...", "Жирһлин зокал хату...", "Цаһан мөңгн сав", "Өдгэ цагин бээдлэс...", "Үг болн үүл", "Негнэс то эклнэ", "Мес үт хойр...", "Ил һалзн худлыг, кергтэ болхла...", "Кимр", "боз", "шүүрмг"...", "Ө - һундл угаһар...", "Цогц ухан хойр...", "Ухана эс күрх...", "Туужин жисэ ухаһарн залсн...", "Цаг давх — цуг бидн...", "Көвөһөн цеңкр дольгаһарн цокж...", "Күн эврәннь насцдан...", "Төрлһн үкл хойр...", "Күүнэс чидл угань нарта уга!", "Күн эврәннь насцдан...", "Кемр чини жирһд...", "Арһнь чилжэхиг, жирһл бөкжэхиг...", "Ца - цааһасн цөврсн..."

"Хөв" гидг шүлгт иим мөрмүд бөөнэ:

Оlnас шүүж, хортн
Онц намаг хах,
Ончта дурарн үүрмүдм

Оошах ик хөв
Өмнк мини хаалһдм
Өршөж, жирһл, өгич!

Төвдгч жилмүдт барлгдсн эн шүлг түүрвэчин андһар үг болсн деерэн, урн зокъялчин күсл: олд туста болх неквр, медрл, серл, зөргэр бийән агс, уралһ, нүүрлгч бол, олд эрүн цеврэр цергл гих үзл - санан ил болчкад, зөвтә. Бийдән күсл эс тәвхлә, терүгән күцәхәр эс зүткхлә (цухрлт угаһар эс зүткхлә), кедү арһ, күчн, эрдм билг бәәсн бийһн, кех керг бүтшго, күцәгдшго, буйсхин темдг. "Онһдин дөрвн цагт олд сә кех, онцд сә кех ончта сана өскж, өргмжтә седклинь заль өрчдән, иньг, бадра!" — гиж, умшачан иткәд, шүлгч дууджәхн зөвтә.

Жирһл жисәнәнһ эргцд
Жигтә сәәхн зокалта.
Амулц, менд деерән
Асхар, унтхиһн өмн,

Өдрәр кесн хамган
Өрүнөс ора күртл,
Олз, һаруһинь диглж,
Олсан, геесән тоолнач.

Күүнә әмдрл сонһн жигтә болн сәәхн. Шүлгчиг эс иткдг санан уга, бичснһ мел зөвтә, үнн — онданар бәәдг, жирһдг зокал орчлнд уга ("серлц угаһар жисән йиртмжд уга"). "Күүнә жирһл — нооддан" — энүг эс медр күн бәәхий? Шүлг болһниг умшад, оньгтаһар давтад умшад (амрар умшж болхш), ухалад бәәхлә, хурц ухань илднә, зокъял улм өөрхн, дөт болж, чеежд үлднә.

Өлсжәтлм, жилмүд хооранд,
Орс эмгн нуувчинәр
Хар зүсм өдмг
Хавтхдм адһж дүрлә,
"Бурхн дөңһх", — гиж
Бурж, хооран һарла.
Байрлсн һарарн хавтхдан

Батар өдмгән атхж,
Эңкр цаһан саната
Эәжән үзсн боллав,
Хавтхдан өдмг атхж,
Ханад эмгнә седклд
Хәәр бәәдгиг үзлөв.

Арвхн һурвн мөрәр түүрвөч күмни әмдрлһнә һол зокалыг, йосыг үзүлж чадсиднһ өврмж кех кергтә, байрлж, омглх зөвтә. Керм күмни төрлтигә әмдрлд эн үчүкн шүлгт дүрслгдсн нерн уга эгл эмгнлә әдл нигүлсңгү саната, өршәцгү седклтә әмтн уга болхла, тер эмгнлә әдл күн нег - негән теувчж эс хәэрлж, түрү цагт чидсәрн эс туслхла, орчлңгин күмн әмтн кезәнә ширгж одд бәәсмн.

Шүлгиг умшх болһндан бичкндк цаган тодлив. Хәэрлт уга хату засгин күчәр туугдсн хальмгүд тәвн һар жил хооран киитн Сиврт (Шиврт) ю эс үзлә, юуһа эс харһла? Өлсәд харһисн үклин уршгар кедү миһнн күн хордсн болх. Зурһан - долан сарин кемжәтә үвл хәрәд, хаврин түрүн дуланд цасн хәәләд, түрүн хар һазр үзгдсн кемд совхозин шаһна һарудиг негждг цагиг мартж болхш — бәәж - бәәжәһәд сангдад, седкл төвкнүлхш. Өвдгцә бальчгар тер һарудт күрәд, намртнһ хурачкснас геедрәд үлдсн кәрә боднцгиг түүж авлһн амр билү? Хөв бәәхлә, зәрмдән өрәл суулһ кәрә боднцгиг түүж авсидан байрлад, гертән ирәд, уһаһад, әд - бод кәһәд, крахмалыһн шаһад, хальмг һуйр кевтә үмснд булад, эс гиж шарад, нег өдрт геесән цадхсн бәәдл икл хәәрн болдмн. Зәрмдән әәл бәәсн орсас боднцгин хальснһ эрж

сурад, терүг халуи цөөд шарад идхд басл тежэл болдг бээсми: ода эдлүүлхлэ, терги нам зөвэр нэрн хот бээжлм, одаһин “чипс” гисн ик үнэр хулдж аваа иддг шарси бодниг болж медгднэ. Шүлг гисн тиим нэри аһулһта, гүн утхта зокъял болдгнь бас нег дэжж ода нанд иддгдв. Одаһин баһ үйнрт Сиврт “эмдршсн” хальмг улсин һашута туужиг медүлхд иим шүлг, зокъял маһд уга тусх. Күүнэ өр - өвч седклин хээри эн шүлгт гүн ухана күчэр иддгдснь бас үнн.

Шүлгч — зөргтэ, эрүи шагшавдта зокъялч, энүиэ нигүлсцүг седкл, өр - өвч күцкл цаһан саһань ухалһнас биш, бодһнас биш, халуи цуста зүркнэснь бүрдси болжана. Күмни ухан, медрл йорал уга, зүг тер өр - өвдлһн, өөдән шагшавд ода бийнь делкөг эзлэд уга болсар күүг зовлңгас гетлгхд күчр күнд төр болдгнь чигн шүлгләнд элвгэр босхгднэ.

Төрсн агчминнь бөөдл
Тодлснь нарта уга.
Үксн агчминнь бөөдл
Үзснь нарта уга.
Хамдан Төрлһн Үкллэ
Харвгдад утань лавта.
Хоорндк заагнь үрглжд
Холвгдад утань лавта.
Цецн улс түүт
Цаг гиж нерэднэ.
Жилмүдэри дүүргж, эмтн
Жирһл гиж йөрөнэ.

Тер жирһлиг Күн
Туужд зааж белгнэ.
Үкл учрсн кемлэнь
Үдшэж тевчэд эрлһнэ,
Эк - эцк угаһар
Эврэн төрснь уга.
Бийиннь цогцан һазрт
Булснь бас уга.
Жилмүдин утд Күн
Жирһл һазрт үүдэнэ,
Үклин чирэ үзлөг
Үрглжд эмд бөөнэ.

Тасрхаһар биш, шүлгиг бүклднь буулһад, утхинь үзүлсн зөвтэ: кедү гүн ухан эн шүлгт оришси болх! Хошад мөрэр холвж, күүнэ күцэвр, күслиг, юуна төлэ эмд бээхиг иддкж медүлснь йир төв.

Мана гүн ухантн ут туужин цагин холыг ухаһарн ивтлэд, һаслңд авалдси орчлңгиг эрүи седклэри теврэд (“цуг эмтн мини цусн элгн болна”), делкө мини гисн делгр цаһан санаһарн күмни өвдкүринь чееждән багтаһад (“эс үзгдсиг — үзж чад, эс келгдсиг — соңсж чад”), харалта зөвүринь олһна келһәнн хурц үгин герлэр хөөлүнэ. Эн туст үлгүр болм кесг шүлг; тууль, поэмсэс хамгин түрүнд “Ухана буцлг”, “Сар - Герел”, “Барсин Бадм”, “Һалв диислн цецг”, “Моабит гидг түүрмд”, “Оонын үкл, эс гиж эвдрси эрүн”, “Барнаулын чоңжд болси алһни” гидг зокъялмуд зааж болна.

Эгл ухаһар, бүдүлг келэр эдниг шалһдг арһ уга, тегэд чигн деер дурдсгла өөрхн ирлцжэх зэрм нег шүлгүд буулһж үзүлснь деер болх гинһад, умшач бийнь терүнэ тускар ухалж, дөңнх гиж ицнэв.

Цаг давх — цуг биди
Цасн мет цагт хөөлхвидн.
Намрар идэһән үлдэж эгрси
Ноһан мет биди болхвидн.
Талдан үйир цугимдн сольж,
Таалга оддин хаалһар йовх.

Болв, тедн орнимдн эзлхлэри,
Бийсимдн хооран хайхн уга:
Седкл, күсл, сээхн хамгимдн
Судци, зүрки, ухандан шиңгөх.
Мана үкл болж биш —
Мөңкд жирһлимдн сүңһар ирх!

Орчлң алдр болвчн,
Онъдин дөрвн цагт
Орж, һазр түшх
Орм һанц негн, —

гиснд худл уга. Элстә, шората, цөлтә, хужрта тег маднд өөрхнәс өөрхн,
эңкрәс эңкр хәәртә һазр. Хальмг күн болһна седклин дурн энтн.

Эврә һазрас седклд
Эңкрнь лавта уга!
Нег цагт теегән
Нүдәнннь өмн агчмд

Хархин төләд толһаһан
Хармишго биләв, итктн.
Үзчкәд, ях гилго
Үкхдән белн биләв.

Шүлгәнә далад эдү мет гүн утхта, өөдән чинртә, әрүн шагшавдта,
төрскнч күсләтә сонън сәәхн шүлгүд элвг, теднә зәрминь энүнд нерәрнь
санулхд үлү болшго: "Төрскндән нерәдсн частр", "Төрсн һазрин тачал",
"Эәж көгшн теегтән", "Төрскн балһсндән", "Теегт", "Һәрд", "Хойр хавр",
"Нуурин көвәд", "Апрель сарин алтрсн сәәхн тег!...", "Цаһан сарин
түрүнд...", "Теегт ода хая...", "Делврсн делнд туһл дурта...", "Эңкр төрскн
нутг...", "Буурлдан үнр", "Хаврин эклц теегт...", "Нарн һазр хойрас..."

Шүлгчин хурц нүдн, сонр чикн, өр - өвч седкл, халун зүрки, күңкл
ухан ю эс үзнә, ю эс соңсна, юунд эс зовна — цугинь олһна урн келәрн
иткмжтә умшачд күргнә. Хәләһит, иим шүлгиг умшсн күн амр бәәхий:

Цевр, чилгр теңгрт дүңгәж,
Цецглсн модна бүчрт гилвкж,
Цонсн хаврин нарн мандлна.

Теегин үрн болһнд таньгддг зург, болв чигн, шүлгчин бичсиг дахж
үзий:

Күнд суулһсдт даргдж, өкәһәд,
Көөрк, дәәвлж, нәәмн наста
Күүкн, чирдәһәд, хәрж йовна.

Өргн теегин аһуд бәәршсн хотн болһнд одахн күртл иим зург харвгддг
бәәсмн, терүт үздг болв чигн, терүнд оньган икәр тусхадго — йирин бәәдл -
жирһл.

Шүлгч гисн урн зокъялч мөн, эгл күүнәс бодлһарн өвәрцтә, эрдм
билгәрн йилһрнә. Тегәд мөн шүлгин хойрдгч өрәлнь (бас зурһан мөртә)
ямаран:

Һарһсн экнь гемтә кевтхмби?
Һанцхарн аль өнчрәд үлдсмби?
Һазр хәләж, нар үзхш...
Ода нарн һанд чигн
Өлд бәрүлсн хатсн моһлцг
Өдмг болж, өмнм бөкв.

Умшх дутм зүркн менрнэ. Нарн бөххлэ, орчлц сохрх бээтхэ, эмн тасрх, амдрл буйсх. Шүлгчин ашлвр йорал уга.

Шүлгчин тоолврар, хэлэцэр, тег — эмтэ кинтэ, энтн эмдин гер. Зут түүрвэчин седкл амр биш, юцгад гихлэ, бичкнэснь авн чикнэ хужринь таалдг, цаһан сарин түрүнд "цасн - шуурһнас ээлго" цоонгасн нарч ирэд, хавр зарлдг зурмна ишкрлһн ("тер дун угаһар тег эжгорсн болна") ховрдж, аңхун бээдлтэ темэн чигн уга мана тег ("темэн уга тег — теегин чикнд өлгэтэ хойр синкин негинь холд геесн чинртэ") тег болдган уурх гисн ухан - тоолвр эндрк теггин бээдлг умшачд сергэхнь үнн эс болхий?

Көглтин Даван гүн ухалһн, билгин күчнь экиннь алтн шар уург амлсн хээртэ хальмг теегт үүсч эклэд, цагин жисэг семрэд, амдрл - үкл, жирһл — зовлц, үнн — худл, төвкнүн — һаслңгин кемжөг кедэд, йиртмжин сав - шимлин кеермж — Күүг дуунд тохраж, цагасн һатлсн шүлглэнэр урсад, нарт делкэн урн үгин зокъялд эврэ баг орман эзлчксн бээнэ. Билгин дала болсн эн шүлглэн өргн хальмг теегин булңд геедрсн һахан Авһнр гидг ээмгт эмэн авсн түүрвэчин нериг моһлцг һазрас өөдлэд, көк мөңц теңгриг ивтлэд, сансрин эң зах уга аһуд оршдг нег одар мелэгдэд, мөңкрүлсн бээнэ.

Үнни үндс меддг шүлгчинг үинэс салһж болшго, дурнас чигн бас зээлүлж болшго. Шүлгчд:

Өрүн болһн серснэс
Өөдөн байр уга.
Делкэн жисэнд бээснэс
Дээр кишг уга.

Зокъялчин намтр, амдрлин хаалһ - замнь, жирһл - зовлңнь шүлглэнднй оршсн учрар иим олар шүлүдинь буулһж сергэснд үлү уга гиж саннав. Эн эмн насна замнд, цагин жисэнэ эргд юн эс учрла, шүлгч ю эс үзлэ, ю эс даала?

Шүрүгтэ шахлһна үндсиг
Шүлгэрн шалһж зөрсндөн —
Мөңкрсн нер олж,
Мөңгэр байжсн угай,

Түүнэс үлү,
Талдан —
Туурсн күңкүмүдин күсл —
Мөрэ шүлгэрн олав,
Мөңц хөвтэ боллав.

Иигж үннэн келхд ик зөрг кергтэ, амдрлэн, жирһлэн зөв - чикэр эдлж, үннэ хаалһас эс хажисн күн келх зөвтэ. ЖҮирдгч жимүдин эклд эн шүлгинь умшж, зүркөн бэрж ядад, уйдад - гейүрэд, омглад - байрлад, нульмсан асхж, түүрвэчднй ханлав. Тер саамдан шүлгиг хальмгар болн орс келэр хамднй умшад, нег байрлав; түүрвэчинь эс таньдг болв чигн, итклатэ, ицдтэ мини үр - иньгм гиж тоолав. Эк бичг болн орс келнэ орчуллһн хоорндан салл уга ниилж ирлсн нег урн зокъял болжахиг медж авлав. Ода күртл эн шүлг мини седкл үүмүлнэ, зүрким бульгулһна гихлэ, дегд амрар медүлжөх кемэц. Шүлт йир дуртав:

Харалын цуста шовуна
Хар живр сахлын
Сталинэ догшин уурын
Сүүдр хальмгиг дэврхд
Хальмг болж төрсидэн
Хээрлт уга засгла
Көгшн баһ уга,
Көөркс, харһсн цагла,
"Хөөмиь" гихнх цөн,
"Хальмг" гихнх олин,
Көөгдэд, көрэд, өөгдэд,

Күндэр түңшн кемлэ, —
Билгэн дуудж, шүлгэн
Бадглад, уульж бичлэв,
Берэд, залус, көгшдт
Белгэд, уйдн умшлав.
Көгшн баһ уга
Кишгтэ төрскн теегүрн
Хальмгуд удлго таңһчурн
Хөрү менд ирхиг
Ээлдэж, седка саатулж,
Эмтнд иткүлж келлэв.

Иигж омгтаһар бичлһн түүрвэчин зөргэс, үинэс үүдснх лавта. Керцгэ догшин уурын сүүдр хальмг улсиг хээрлт уга засгла харһулсн аюлын шав ода чигн мини үйин улст бүрдэд угань лавта үин. Мини сананд тер күчр цагин зөрм йовдлмуд бөөж - бөөжэһэд тодлгдэд, седка үүмэнэ. Энүг кен худл гиж келж чадх? Шүлгин мөр болһн тер һашуга цагиг босхна. Негдгч класст орх жилдэн нег орс көвүнэ цохинь цоолж, толһаһинь цустасан маргад утав. Гени бичкн бээсн бийнь (долатада билэв), юцгад бидн Сиврт туугдсна тускар эс меддг болв чигн, зуг бийэн "калмык, калмык..." гиж наад бэрж, баслсн күүт тодлж авад, эрк биш өшөөһөн авдг арһ хөөһэд, цаг, эвтэ саам күлэдг билэв...

Юн гихв, хальмг күүнэ цус буслһдг күчтэ шүлг. Минийһэр болхла, һанцхн эн шүлгөрнх түүрвэчин нериг хальмг угх зокъялын туужд мөңкрүлж үлдэдг зөвтэ.

"Үинэсн цөкрсн утав..." гидг шүлг Көглтин Даван намгрин нег халх, харахта цагт баатр йовдл үзүлсн иткмжтэ нег халх. Тернх чигн баһ, юцгад гихлэ, тер зөвүртэ цагт хальмгтаһан хамдан харһуу талрхиг күлэсн шүлгч хара суусн уга — оцдан келн эмтнэ нерэр "хальмган сольсн уга", "цаас орулж, үүрмүдэн цаажла харһулсн уга", "яһдг болв чигн, яарсн эиллһнэ икин үздг болв чигн, үүлин күндлэ харһж үкдг болв чигн, — үинэсн цөкрсн уга" — насарн андһар тэвж, шүлгөрн үнниг иддкэд, олна седклинь төвкнүлэд, девтөһэд, ханлтын цевр нульмсинь цальгрлүлж, сулдхврриг лавлж зарлснн. Тиим болхла, эити мана хальмг улсин туужин нег тасрха. Эинь ода, мэдэрэд ирсн цагтм, шүлгчлэ таньдад, кесг дөкч оln зүсн харһлгин хурлданд орлцад, келсн үгинь соңсж, үзсн, мэдсэн ашлад санхла, тодрхаһар иддгкдлж, зөвтөһэр баталгдв. Күмни сэ хөөгч зүткдг билгтин һоллгч күслин цагт билршго урн үгин темдг. Тегэд чигн бийэн бас хөвтэд тоолнав.

Билгтин эрдмин һол күчнх — уул хальмг келн, экин келн:

Һазр деер, үктэм,
Һарлцсн мини келм,
Һаслц көтлэдг болвчн,
Һанцхн үинэ келн.

Эн дөрвн мөрин угхиг үлгүрт тохрсн "эврөннх келэн һолсн — экэн һолсна эдл" гидг үгөрнх үнлэд баталһн. Келнэ седвин тускар цөөлхх үлгүр заажахши, юцгад гихлэ, шүлгчин үгнх, үзл - санань мел чик, үни: келг

угаһар — күн уга, күн угаһар — күмн төрлти уга. Келн гисн тегш кемжэтәһәр цуггаднь бээдг, күмни күртәвр зөөр болдг. Уул келәрн келәд, үүдәврмүдән нәэрүләд, билгәрн Хальмг Таңһас һатлад, орс келнд орчулдсна күчәр дамжад, тер үүдәврмүдән орчлнд күргәд, күмн төрлтнлә таарч күүндәд, хальмг келн әмтнә нериг делкәд туурулад, шүлгч бийнь чигн аһу ик билгтнд мөңкрснь лавта үин.

Насн ирвәс, улм
Нарт эңкр болна.
Делкәһәс
сонь шиниг
Дамшлтта зүркн олна.
Ухаһим ода авлсн,
Урд эс соңсгдсн
Сонь жигтә айс
Сонртсн миини чикм
Өрүни маңһарас хавлж,
Өврж йиртмж магтв.
Үрглжд хәврһдм бәәсн

Үзмжтә сәәх хәләцм
Харж, бас байрлж,
Хәәртә жирһлд ханв.
Чикни соңсвр унтртл,
Чилгр хәләц бөктл,
Йиртмжин авл чилшгог
Йилһән сәәнәр мөдв.
Тегәд чигн оньдин
Теегән дуундан магтнав.
Цаараннь гүжрж жиссн
Цаган ханж йөрәнәв.

Цут келснә ашлвран зокъялчин "Насн ирвәс, улм..." гидг шүлгәр батлхар бүклднь буулахд сергәжәнәв, юцгад гихлә, мини бодсар, шүлгин мөрмүд Көглтин Даван байн шүлгләнә холлгч седвсиг илдкжәнә.

Көглтин Дава — улан залата хальмг улсин үндсни кетркә билгтә зокъялч, күмн төрлтни урн үгин бүтәлд герлтә билгәрн кесг сәәхн дурсхл көшә делдсн аһу ик шүлгч. Эндр найта насинь йөрәхләри, мана әрүн нерн, мана омг-бахмж — тоомсрта шүлгч ода чигн олн жилмүдт әрүл-менд бәәж, цогц-махмуднь өндр наснд агчл уга, мергшсн цеци ухань делгрж, күцәврин шин өрглд күрч, олн умшачд өөдән чинртә кесг олн шин бүтәл белглх ут завсрин цагиг Олн Деедс евәж хәәрлтхә гиж йөрәлин халуи дууһан хамт негдүлхиг олнас көсрн сөгдж эржәнәв.

10.02.2002 ж.

Москва. Давид Кутультинов (крайний справа) читает свои стихи делегатам съезда писателей РСФСР. 1958 г.

2

Да, я уснул. Но в медленном
круженье
И словно бы за матовым стеклом
Я вижу:
я, все в том же положенье,
Сажу за письменным своим столом.

Но стол теперь не в комнатке
тесной,
Где в папиросном я тонул дыму, —
Средь степи он — привольной,
поднебесной —
Стоит, и мне понятно — почему.

Он — на вершине древнего кургана,
И это тоже мне ничуть не странно.

Со всем вокруг я осезаю связь
И чувствую невидимые звенья,
Не удивляясь ничему, дивясь
Лишь, может, своему неудивлению.

И разум, снова отдохнувший,
свежий,
Свободно облетает даль и близь,
В пучины вод закидывая мрежи,
Вторгаясь в дебри, где года
сплелись.

И, бешеных коней моих желаний
Объездив, мне приводит в поводу..
И утреннюю вижу я звезду, —
Она мне лампой служит на кургане

Я заполняю белые страницы —
Блестящие, как снежные поля,
Поэзией, какая миру снится,
Которой наша зажалась Земля.

Откуда эта музыка святая?
Где я такой источник смог найти?
Слова рождаются, сказочно мерцают,
Подобно звездам Млечного Пути.

Они мерцают отблеском печали
 И радостью, что девственно - светла.
 Они поводят круглыми очами,
 Им нет начала, меры и числа...

И я, как равный, — в звездном их
 кругу.
 Свой тайный смысл мне открывают
 вещи.

Я и не знал, что так глубоко, вещь,
 Что так пронзительно писать могу!

Как будто лишь теперь я сбросил
 пути,

И я вожу пером по белизне
 Без низкой мысли нравиться
 кому - то,
 Лишь ради правды, что открылась
 мне.

Все люди станут чище и моложе,
 Когда увидят истины кристалл.
 О, как создание это не похоже
 На те стихи, что раньше я писал!

Стихотворенье это — словно пламя,
 Разбрасывает искорками смех,
 Рыдает настоящими слезами,
 Оно заденет всех, изменит всех!

Неужто мне — из племени
 людского,
 Мне, мне, кто не велик,
 не знаменит, —
 Достался жребий воплотиться

в Слово,
 Которое весь мир преобразит?!

В нем струйками горячими восхода
 Переливается живая кровь.
 Быть может, это гордое —
 "Свобода"?

А может, это нежное —
 "Любовь"?..

Не знаю... Только трепетность
 наитий
 Перебегает, искрясь, по стихам.
 Я это Слово людям передам:

— Вот, милые, любимые, возьмите!

И мужество и мудрость — в слове
 том.

Меж небом и землей блистая
 гранью,
 Оно всеочистительным огнем
 Избавит всю планету от страдания.

Оно, перелетая рубежи,
 Перегородки и границы руша,
 Освободит людей от груза лжи,
 Калечащего беспощадно души.

Да, это Слово, в мир придя
 со мной, —

А я на свет родился не за тем
 ли? —

Все злое вырвет, словно зуб
 больной,
 Теплом любви согреет нашу землю.

Оно, подобно тайному ключу,
 Лежало в глубине, на дне песчаном.
 Я ключ достал, и я его вручу
 Моей Земле, моим друзьям —
 землянам.

— Дарю вам счастье! Вот оно,
 друзья!
 Берите, овладейте им навеки!.. —
 И — первый в мире — мир
 увижу я
 Без горя, без единого калекки...

"Исчезнет подлость, клевета и
грязь.
Где кровь текла — там воссияют
розы..."
Я про себя шепчу... И, не стыдясь,
Струящиеся отираю слезы.

Восторгом чистым, умиленья
полный,
Средь степи я стою на крутизне,
А степь, высоко вспенивая волны,
По-матерински гладит ноги мне.

Со мной доверчиво ведут беседу
Цветы и травы, птицы, мотыльки
И поверяют просто, как соседу,
Секреты, что божественно легки!

Их тайны для меня сейчас открыты
И как бы поневоле входят в стих.
Душе моей, от суеты омытой,
Понятен каждый вздох и шелест их.

Мне мил и дорог склад их
своенравный:
Родство со всем живущим я обрел...
Крылом меня приветствует, как
равный,
С небесных круч спустившийся
орел.

И на листке затейливую вязь
Я вывожу и все не ставлю точку:
"Людского зла и бури не страшась,
Орел парит высоко в одиночку".

Причуды сна!.. Пишу строку во сне,
Но — странно! — в эту самую
минуту
Какой-то частью мозга мнится
мне,
Что это — сон и что не я как
будто —

Ну да не я! — людей обогатил
Одним из удивительных творений...
Нет, это сделал величайший гений,
Не я, не я... Но я при этом был...

И, этике привычной вопреки
(Конечно, и во сне мы красть —
не вправо!),
Мне хочется — пускай
по-воровски! —
Две-три строки заимствовать
для яви,

С собою что-то унести из сна,
Запомнить — ну, хотя бы рифму,
что ли...
И я хватаю рифму... Но она
Скользит из рук... Впился в нее
до боли

Ногтями, чтоб не смела убежать...
Умчалась!.. Утомившись от усилий,
Я просыпаюсь... Комната. Кровать...
Что с головой моей?! Землей набили

Или камнями она полна?!
Я так устал... Сдержаться не в силах
дрожи!
А в мыслях: строки, отголоски сна...
Но боже мой!.. На что они
похожи?!

Где музыка?! Что случилось с мудрой
сутью?!

Как будто там, где искрились
шелка, —
Там, на пожухлом стержне
стебелька,
Висят сухие, жалкие лоскутья!

Как будто строки затянул туман.
Почти не видно их за слоем пыли.
Они, как знаки инопланетян,
Тех, что когда - то землю посетили,
Чтоб подружиться с нами, вероятно,
Но стерт их след, заметы их —
невнятные...

И чувство темное гнетет меня.
Как будто я на скачках мчался
первый,
Но конь упал. Иль я загнал коня?!
И я лежу недвижно... сдали нервы...
Перед глазами — тусклая земля
И крови несколько багряных
капель...

...Иль будто вышел я из корабля —
Там, в космосе... Но оборвался
кабель,
И я болтаюсь в пустоте с такой
Невыразимо - тягостной тоской...

Но что ни говори, он все же был,
Тот сон... Стихи, исполненные сил.
Я видел их вот так, как солнце вижу.
Они со мной соприкасались ближе,
Чем это утро и его покой, —
Ведь я же их писал своей рукой!

Я и теперь могу поклясться снова,
Что это слово правда было Слово,
Способное всю жизнь украсить...
Но
Откуда все - таки пришло оно?

Себя позднее я спрашивал нередко:
Быть может, дивного творенья свет

Сиял когда - то в голове у предка?..
Тот предок гениальный был поэт,
Но ни письму, ни чтению не обучен
И не делился ни с кем твореньем
лучшим,
Безвестно жил, в мозгу его храня.
И память эта, сохраняясь в гене,
Прошла через десятки поколений
И озарила молнией меня.

А может, не стихотворенье это,
А неизвестная пока волна
С далекой и неведомой планеты?
Она была сюда занесена
И наполнилась глубоким смыслом
новым,
Пока еще не выраженным словом,

И этот смысл, что был мне
незнаком,
В моем сознание сделался стихом,
Как музыка далекая, донесся
В мой сон через пространства
и века.

Как? Почему?.. Ответы на вопросы
Я все ищу... Но не нашел пока.

И все же верю, верю в добрый нрав
Земли и человеческой природы.
Я верю: месяцы пройдут иль годы,
Но тайна сна предстанет, заблестав.

И, ускоряя времени течение,
Бессонная работница - душа
К ней все - таки поднимется, верша
Высокое свое предназначенье.
Ведь сон тот был!.. Не зря являлось
мне
Стихотворенье дивное во сне!

Не зря не позабыл я и сейчас
Моей рукой написанную строчку:
"Людского зла и бури не страшась,
Орел парит высоко в одиночку".

Михаил ХОНИНОВ

ДАВИДУ КУГУЛЬТИНОВУ

Калмыцкая мудрость сказала
 устами легенды своей —
 силач побеждает удало
 лишь равных ему силачей;
 но славно добыта победа
 над войском умом мудреца;
 не так ли и муза поэта
 пленяет людские сердца?

Вот снимок — тебе лишь
 пятнадцать,
 в глазах — отражение степей...
 Тридцатым годам подниматься,
 сверкая Калмыкией всей.
 Корчагинские идеалы
 так дороги нам и близки,
 мы молоды и не устали,
 мы резвые, как рысаки.

Я помню в саду перед школой
 твой юношеский баритон:
 — В колхозы, сыны комсомола!
 Скачите в отцовский хотон! —
 Мы, словно бойцы по тревоге,
 седлали мохнатых коней, —
 лишь пыль по песчаной дороге,
 лишь цокот от встречных камней.

А помнишь, фигурки отбросив,
 над шахматной пестрой доской
 мы спорим с тобой день -
 деньской, —
 ах, сколько пред нами вопросов!

И каждый, как старец Овлы,
 в своей правоте убежденный:
 — Чья мудрость достойна хвалы?
 Кто "Джангра" поэт
 просвещенный?

— Конечно, великий Алтан,
 умел он на сто лет без года
 предсказывать долю народа, —
 такой у него был талант!
 Ведь это калмыцкий Гомер,
 нигде ему равного нету,
 он доблести высший пример,
 и тень его бродит по свету!..

Товарищи возбуждены,
 острее наш спор час от часа,
 глядит Сулейман со стены,
 Гомер седовласый Кавказа;
 он смотрит на нас, как отец,
 а ночь подступает к рассвету,
 и кажется, он наконец
 вмешается в нашу беседу...

...Мой давний товарищ Давид,
 а может, сегодня поспорим
 о том, что на сердце лежит,
 поделимся счастьем и горем?
 Кумысом забрызгана прядь,
 но порох не тронут отменный...

А внукам поручим решать, —
 кто нынче Гомер вдохновенный?

1971

Перевод с калмыцкого
 О. ШЕСТИНСКОГО.

АЛДР ШҮЛГЧ

Үгин алдр билгтл, гүн, хурц ухата шүлглэнэ күңктл Көглтн Дава 1922 жилин моһа сарин 13-д Ик Дөрвдө нутгин һахан Авһнр гидг селэнд төрсми.

1931 жил Көглтн Даван аавнь эрк шилһилэ харһад, "кулак" гиж шоодгад, өрк - бүлэри Урал тал нүүлһгдсми. Даван эцкнь, Никита Эмке-нович, көвүһөн авад, "Таңһчин зэңг" гидг 107 тойгта совхоз тал һарад, багш болж көдлв. Эн совхозд Дава түрүн болж школд орла. Энд түрүн шүлгүдэн эклж бичлэ.

1940 жилд "Баһ насна шүлгүд" гидг түрүн дегтрнь Элстд барас һарсми. Тер жил "Жаңһрин" 500 жилин өөнин байр өргнөр темдглгдлэ. Элст балһснд СССР - ин бичэчнрин VIII Пленум болла. Эн Пленум деер келсн үгдэн СССР - ин бичэчнриин пилицэнэ толһач А. А. Фадеев баһ насга Көглтн Даван билгтэ шүлгүдинь темдглсми. Эн жил арви нээмтэ Көглтн Дава СССР - ин бичэчнрин нилицэнэ гешүн болсми.

Билгнь шиңкэн делвэн нееж, утдан сунж цецгэлжэсн цагла, дэн эклв. Цертг йовсн Көглтн Дава даруны гилтэ дээнэ гүргүд тусв. Фронт. 1941 жилд шүлгч, садас Көглтн Дава андһар тэвнэ:

Селмин болд бичэ
хээлтхэ —
Седклиннь өвдкүрэр
ханав!
Зүркм цухлас бичэ
хаһртха —
Зөргиннь халар дэврнэв!
Нартын зовлаңгас
зулшгоһар
Насарн андһар тэвнэв!
Үннэ төлэ бэрлдэнд
Үкэд чигн однав!

Болв аврлт уга цаг догшин сөрлт өмннь белджэсн бээж. 1943 жилин чилгчэр хальмгуд дегцдэн Сиврин киитн һазр талагшан хар гөрэр засгдж туугдцхав. Дээнд йовсн хальмгудыг цугинь гилтэ цөргэс бууһад, тууврин һазр тал йовуцхав. Тедн дунд Көглтн Дава йовсми.

Зөргтэ шүлгч тер харалта цагт, хальмг кели - улс зовлаңгин икиннь эдлж йовсн кемд, үнн ухан - седклэн нуусн уга.

"Хээмнь" гихнь цөн,
"Хальмг" гихнь олн,
Көөгдэд, көрэд, өөгдэд,
Күндэр түңшсн кемлэ —

төрхэрэ “хальмг” гисн нерэн эрүнэр хадһлж, талдан нер авч сольсн уга. “Нарн унтршго”, — гиж насарн андһар тэвж, үннч шүлгүдэн эмтнд умшад, омг, ноэлмж өгсмн. Тер шүлгүдэс көлтэ “үндд бийэн нерэдэж үлгүр болмар ноолдсн” Көгэтин Даваг “түүрмин аэмшгтэ бэрэнд” арвн жилэр суулһсмн.

1956 жилд КПСС - н ХХ съезд болв. Эн съезд деер Сталинэ эрк шилһн шоодггад, терүнэ йосна нарһсн күчр гилтэ харалта йовдлмуд илдкгдэд, хальмгудын нерн цеврлгдв. Көгэтин Дава Хальмг Таңһр босхлһнд шунһма кевэр орлцж, төрскн һазртан автономь бүрдэлһнэ комитетин гешүн болж үүдлэ. Хальмгин автономь хэрү тогтсна хөөн һарлцсн эңкр теегтэн ирсн шүлгчин дунь жиңнэд, сулдсн өргн седклэс шин дуд заядар асхрж, шүлгәнэ дегтрмүднэ Элста, Москвад олар барлгдж һарад бээцхэв.

Тер жилмүдт Элста һарсн “Цагин жисэн”, “Жирһлин йозур”, “Урһц” гидг дегтрмүд шүлгчин үүдэлтд эврэ онц чинрэрн йилһэн темдгтэ гиж би тоолнав. Хальмгин литературт түрүн болж тер харалта жилмүдт учрсн һашута йовдлмудын туск, эрк шилһнэ өмнэс шүлгчин зөрүлсн ухан - седкл медүлгч билгтэ үүдэврмүд эн дегтрмүдт олар өрсн бөөнэ.

1965 жил Москвад “Художественная литература” дегтр һарһачд “Стихи” гидг дегтрнэ барас һарв. Энд “Үннэсн цөкрсн угав” поэм, “Жирһ болн ухалһн” гидг нертэ философск учр - утхта шүлгүд болн талдан оһн, билгтэ, сонһн шүлгүд, поэмс түрүн болж орс келнд орчулггад барлгдв. Эн дегтр оһн - эмтнэ седкл авлв, Ленинск мөрэн төлэ марһанд орлца.

60 - 70 - ч жилмүд шүлгчин үүдэлтин туст ик олзта, өөдөн күцэмжтэ, гүн чинртэ болв. Эн жилмүд дотр “Ухана буцлт”, “Шатрч”, “Цаг - залач”, “Сар - Герл”, “Һалв диилсн цецг” гидг поэмс, “Жирһ болн ухалһн” гидг нерэр хамцулгдсн философск үндстэ оһн шүлгүд үүдэгдв.

1967 - жил “Я твой ровесник” гидг дегтр үүдэсн төлөднэ, Көгэтин Давад Эрэсэн М. Горькин нертэ Государственн мөрөн лауреатын нерн зүүлһгдв.

Көгэтин Дава үүдэж йовсн Цаг аэмшгтэ, догш бөөдлэрн, учрсн сүркэ йовдларн күмни туужд үлдв. Тиим учрас иштэ, шүлгчин санаһар, өдгэ цагт ни - негн бөөлһн, төвкнүн бөөлһн гисн — һазрин эмтн оларн өмд бөөлһн, төвкнүн бөөлһнэ учрин эрки чинр зүүжәнэ. Тегэд сөрүд ухата, деерлхк, селмин күчэр байжх саната зэрм делкән һардачир чигн, нартын эгл эмтн — цуһар серлтэ ухата болтха гиж Хальмгин шүлгч зальварна.

Жирһ зовлц хойрас үүдсн санан - седклэн билгтэ үүдэлтдөн багтаж үзүлсн, өргн, сарул седклдэн хээртэ Хальмгиннэ хөв - кишгинь болн зовлц - һундлын хувалцж хадһлсн, күңкл чееждән нар урһасн шүлгч болж Көгэтин Дава нанд медгднэ.

Хальмг урн үтин литературин делгрлтд ик тэвцән орулсн төлөднэ 1969 жил Көгэтин Давад “Хальмг оһн - эмтнэ шүлгч” гисн күндтэ нерн зүүлһгдв.

1970 - жил Москвад “Художественная литература” гидг дегтр һарһачд Көгэтин Дава хойр ботьта үүдэврмүдин хураңу барас һарв. Эндүд нүр үгинь С. И. Липкин бичв.

1973 жилэс 1991 жил күртл Көгэтин Дава Хальмг биччөчнрин залтын ахлач болж көдлв.

1976 жил “Зов апреля” гидг дегтр үүдэсн төлөдөн СССР - ин Государственн мөрөн лауреат болв.

Оһн күнд цагла үр —
иньгтөһөн

Өдмгин зүсмиг хойр эңглэ
хувалцлав.
Балһ усиг халун һаңла кәдәд
Бас үүрмүдтәһән ховдгл
уга хувалцлав.
Зутл, эс хувалцснас, негнь
бәәнә:
Зүркиндән зовлңан
һанцхарн би даалав.

Тиим баатр седкл — йосн уул хальмг күңклин седкл!

Алдр шүлгчин жирһлин болн үүдәлтин тускар ухалхла, хальмг келн - әмтнә төрскн таңһчин адрута туужин хаалһд учрсн бәәдл - жирһлин тус - кар сангдна. Юңгад гихлә шүлгч эврәннь жирһләрн, насарн андһар тәвж, билгән хальмг келн - әмтндән нерәдсмн.

“Герәсн” гидг шүлгтнь иим бадг бәәнә:

Зааж Төрским белгсн
Заячар һанд өгдсн
Мини эңкр Таңһчм,
Меңд амулң бәәһич!
Мануртсн йиртмжин үлмәд
Магталын кеермж болм
Маңдлгсн нарта хөвән
Мөңкиндән өскж эдлич!

Ач иктә күңкл шүлгчин келсн үтинь, шин үүдәвринь оһн умшачһр даңгин күләж, оньган өгч соңсна, байрлж умшна.

Көглтин Даван нерн, жирһлин хаалһнь, өдгә цагла, ХХ зун жилин эрчмтә туужла негн, батар залһдата. Тегәд чигн шүлгчин күндтә һернь оһнд хәәртә, үзмжтә.

“Мини цогц - маһмуд төрскн теегин өр дотрас үүдсинь би меднәв. Өвкирин сүмсн дурта теегән мөңкинд хәәрл гисн седкл һанд орулсн”, — гиж Көглтин Дава негт келсн. Тернь лавта үһн.

Таңсгсн дотр седклән
Таңһчдан һарһж келнәв.
Эрмгтә чигн бол,
Эрчмтә чигн бол,
Элстә чигн бол,
Эһлһтә чигн бол,
Һаңта чигн бол,
Һалвта чигн бол,
Һаслңта чигн бол,
Һашута чигн бол,
Өлсүлдг чигн бол,
Өөлүлдг чигн бол,
Һазр деер ор
Һанцһн чамаһан яахв.
Зүткж чамурн күдәлдг
Зүркиһән яһж хаңһахв?

Олн жилмүдин туршарт насн - жирһлэн эрвэлго, баатр кевэр уралан зөрж, бүкл таһһчдан, цуг Эрэсэд үлгүр болгч ик чинртэ көдлмш Көглтин Дава күцэв. Олн деггрмүд, хураңхус, статьяс мана орн - нутгт болн һаза - дын орлудар элвгэр барлгдхав.

Хальмг келэр һурвн ботьта үүдэврмүднь 1981—1982 жилмүдт барас һарв, орс келэр Москвад хойрдад һурвн ботьта үүдэврмүднь бас барлгдв. Энд нүр үт бичснь — нер туурсн бичэч Чингиз Айтматов. Шүлглэнэ урн, уха - ни билгтл Көглтин Даваң үүдэсн тоотынь шинжлхлэ — кемжэн ага өргн аһуһарн, философск гүн учр - утхарн, үгин элвг күчртэ эв - арһарн үүдэврмүднь йилһрнэ. Шүлгчин зэрм деггрмүдин нерднь: "Тээлвр", "Урсхл", "Һазр", "Эмдрһин зүүцэн", "Үрглж амслһн", "Нийһин недр", "Тоолвр", "Жирһлин хаалһар". Эн нерднь шүлгчин жирһлин туск ухалвринь, төрскн һазрин улсин бээдл - жирһлинь үзүлж, шүлгчин бийиннь гүн ухан - седк - линь ил медулчхэнэ.

1990 жил Эрэсэн урн үтин литературин делгрлтд күчтэ ик ач - тусан күргснднь Көглтин Давад "Социалистическ Күч - Көлснэ Герой" гисн нерн зүүлгдв. Тер жил Смитсоновск астрофизическ обсерваторьт (США) һаһ планетмүдин Цугһхэ 2296 тойгта планетд "Кутульинов" гидг нер өгсмн.

1997 жил Эрэсэн Федерацин Президент Б. Ельцинэ Зэрлгэр Көглтин Дава "За заслуги перед Отечеством" III степени гидг орденэр ачлгдв.

Көглтин Даваң олн үүдэврмүднь Хальмг Таһһчин зүркид герлтж олна седкдд оошагдж төөнрцхэв. Шүлгчин үүдэсн халун зальта шүлглэнд ик чинртэ, темдгтэ орман поэмснь эзлэнэ. Тедн цуһар гилтэ цагин ик төрмүдлэ залһдата.

"Ухана буцлт" гидг поэм — шүлгчин үүдэлтд хамгин темдгтэ, туурсн үүдэвр. Энүиә тускар Чингиз Айтматов иигж келсми: "Ухана буцлт" өөдөн болн нэрн бүрдэвртэ, ухана болн дүрмүдин олн давхрта, өргнэр делгрүлгдсн күчтэ урсхл бийдэн авсн үүдэвр. Эн поэмд "Төмр шовуна" туск тууль гиж нерэдгдсн ончта бөлгиг онцлж темдглх санатав. Фольклорас авгдсн эн гилвксн герлтэ - зург поэмн цуг панорамд айта чадмгар, зокмжтаһар оруулгж бичгдж. Эмтнэ келдгэр тууль сээһн, тежг утхта, дотр утхарн эвртэ гүн, ончта сюжетэри күүт тер авлсн деерэн, хамгин түрүнд делкэн ик чинртэ төрмүдэри, эмтни ухаг болн седккиг даңгин сүрдэһэд бээдг төрмүдэри, делкэг даңгин дээнэ болн каарлһна бээдлүр авч ирдг йовдл - мудын эмнэс сөрлцж йһж тесж болхми — гисн төрмүдэри күүнэ седкд авлаң".

Үг керг хойриг

Үүрлүлж дегцднь тевчнөв

— гиж шүлгчин бичснь мел үнн. Көглтин Даваң керг - үүдэврнь келсн үгинь оньдин илт герчлэнэ, тегэд чигн цуг Эрэсэд бийднь дурлж иткэд, дөң - нөкд, сүв - селвг хээдг эмтн оли. Билгтэ һаһчудт Давид Никитич даң - гин сүзгэн өгч, теднэ бичсинь хэлэж, дөңгөн күргнэ. Нердүд заахла, олн бичэчнриг темдглж болхми. Үлгүрнь — Новелла Матвеева, Абдулла Арипов, Танзила Зумакулова, Егор Буджалов, Жангир Насунов, Валентина Лиджиева, Владимир Нуров болн нань чигн.

Литературин хаалһд төлжхдм Давид Никитич наңд бас дөңгөн күрглэ. Нертэ шүлгч мини түрүн бичсн шүлгүдим хэлэһэд селвгэн өглэ, "Теегин герл" журналд орж көдл гисн селвг наңд өгч, журналд ирж көдлхдм хаалһ заала.

Түрүн диилвринь баһд
 белглтн!
 Тертн, шинхн живрэн өргж
 Аһарт өөдлж ниссн
 шовушң
 Арһан өврж, хаалһан олж
 Туужд эврәннь мөрән
 үлдэх...
 Түрүн диилвринь баһд
 белглтн!

Хальмгин күңкү бичэч кедү билгтэ баһчудт сүв - селвгэрн, бүлән үгэрн, кергэрн живр урһаж, үүдэлтин өргн хаалһ йөрәсн болх?

Давид Никитич оньдин олна жирһлин гүргүд йовна, өдр болһн эмтнөс дала бичгүд ирнө, эмтнд шүлгчин үнтэ селвгн, бүлән цецн үгн хээгднө. Көглтин Дава Эрәсән бичэчнрин залтын сегләтр, СССР - ин бичэчнрин залтын гешүн болж үүдэж йовсн. СССР - ин Деед Советин депутат, "СССР — Таилаңд" гидг обществин вице - президент, Эрәсән бичэчнрин медал бээсн Азин болн Африкин орн - нутгудын бичэчнрин ницэнэ Комитетин ахлач болж суңһгдла.

Правительственн болн үүдэлтин багин ханьд мана нертэ шүлгч США, Японь, Кита, Индь, Алжир, Тунис, Италъ, Моңһа, Болгарь, Польш, Ливан болн нань чигн кесг орн - нутгт одсн.

Көглтин Дава 70 һар дегтрмүд барлж һарһв. Дегтрмүднэ нарт - делкән оln келнд орчулгада, барлгдв.

Эндр Көглтин Дава — хальмгин нер туурсн шүлгч болн олна үүдэч, СССР - ин болн РСФСР - ин Государственн мөрәсн лауреат, Социалистическ Күч - Көлснө Герой, Хальмг Таңһчин медэтирин хүүвин толһач.

2000 жил Хальмгин оln - эмтнө шүлгч Көглтин Дава Эрәсән амн үгин зөөрин Академин һашгар болн "Ревнителю просвещения. В память 200 - летия со дня рождения А. С. Пушкина" гидг медаляр ачлгдв.

Эн жил Москвад Эрәсән оln келн - эмтнө Ассамблейин II съезд болв. Эн съезд деер Хальмгин оln - эмтнө шүлгч Көглтин Дава "Дружба народов — единство России" гидг Алтн медаляр ачлгдв. Эн ачлвр — Эрәсән оln келн - эмтнө Ассоциацин хамгин өөдөн ачлвр.

Ассамблейин хүүвин шиидврәс иштэ, 1999 жилин үүлдврин ашлврар, президентмүд В. В. Путин болн А. А. Акаев, урднь Эрәсән правительствин ахлач бээсн Е. М. Примаков эднлэ хамдан Эрәсән оln келн - эмтнө хо - орндк иньглал батлж, цуг Эрәсән орн - нутг ни - негн, бүкл өрк - бүләр бээлһнд, Эрәсән келн - эмтнө сойл делгрүлһнд аһу ик тэвцән орулсн төләдн, болн эвин төлә, буйнч седкләрн оlnд дөңг - тус күрглһнэ төлә үүдврт шунмһа кевәр орлцсндн Алтн медаляр Хальмгин оln - эмтнө шүлгч бас ачлгдв.

Нер туурсн шүлгч Көглтин Дава хээртэ Таңһчин седклин чивһц көндөж, эмтнө седкд күңкнсн аршана айс үүдэж, оlnа хөвлә насн - жирһлән негдүлсн баатр үүлдэч.

Хальмг Таңһчин билгтэ алдр үрн, гүн ухата шүлгләнэ урн Көглтин Дава нерн цуг орн - нутгин аһуһар, бүкл нарт - делкэд күңкнэд йовна, бас чигн оln жилдән Давид Никитич маңна тиньгр, сән - менд бээж, билгн оln - эмтнө седкд мөңкинд байр үүдэж бәэтхә!

АЧ ИКТЭ ДАВИД НИКИТИЧ!

Давид Кугультинов.

Та, мана алдр ууһи бичэч, насн - турштан төрскн олн - эмгилэһэн хамдан зовлц - байран хувалцж йовнат. Хээртэ таңһчиннь сулдхврин төлө догшн йосна эрк шиллһнэ өмнэс халта үни үгэри зөрөд, арм баһ насндан түүрмд орад, зовлцгин икиннь гүжрж дааһад, хальмг улсиннь лавта зөвиг иткүлж медүллэт.

"Теегин герл" журналд шүлгүднь барлгадад, кел ишкэд, живрэн делгхэр зөрсн баһчудт дөңгән күргж, сүв - селвгән өгч, төлжлтин хаалһднь батта түшг болж йовнат.

"Теегин герл" журналын редакц Таниг өлзэтэ өөнлэтн эрүн цаһан седклэри йөрөжөнө. Маңна тиньгр, эрүл - менд бээж, ут нас наслти гиж Танд дурджана.

"Теегин герл" журналын редакцин көдлөчир

"Поспешайте, работа вас ждет,
Для чего ж вас сюда поместили?!"
А у входа плакат мерзко врет,
Что свобода ударников ждет,
Что ударникам сроки скостили...

Знают все: это — подлый обман,
У "политиков" сроки — бессрочны!
А вот если бандит, уркаган,
Вор в законе, известный пахан,
Этот — выйдет. Проверено. Точно...

На морозе спокойно стоять
Для голодных, простуженных —
пытка.

Надо прыгать на месте, плясать,
Незаметно, не шибко,
не прытко ... —

Только так можно ноги спасти
В лютый стуже сибирского утра.
Пробирает мороз до кости,
Убивает все мысли попутно.

Уже щеки белеют, мертвы, —
Заполярной весны поцелуи
Не слабей поцелуев зимы.
Пойте, братцы, ну что ж вы
заснули?

"Зек в мертвецкой всю ночь
пролежал,
Геморрой его смерти причина.
А наутро привстал, побежал,
На работу пришел, дурачина!"

...Старой песни натуужливый юмор,
Впрямь, рассчитан на мертвецов,
Конвоиры глядят угрюмо,
Держат рвущихся к строю псов.

Конвоиры сегодня что-то
По-особому, хмуρο злы,
Словно мучают их заботы,
Донимают худые сны.

Вот один из них вдруг сорвался:
"Не трястись, — заорал, — стоять!"
Даже пес его испугался,
От хозяйского вопля сжался,
Перестал на людей рычать.

Конвоир, размахнувшись, с ходу
Дал кому-то прикладом в бок.
Пес, припомнив свою породу,
Натянул струной поводок.

Задыхаясь от душной злобы,
Он готов разорваться сам,
Ему только достать кого бы,
Только б волюшку дать зубам!

Вдруг по строю пошло:
"Он умер...
Сталин умер... Не может быть!..."
Строй гудит, как тревожный
зумер,
Свою радость не в силах скрыть!

"Сталин умер. Нас ждет свобода!..."
Строй качнулся... "А ну, стоять! —
Выстрел грянул, как гром
с небосвода, —
Я кому говорю, — молчать!" —

Кум' проворно бежит вдоль строя,
Его дело простое — бдить!
По-собачьи, визжа и роя,
По-собачьи, — хватать, следить!

"Кто сказал вам, что Сталин —
смертен?"

Да за Сталина я вас всех!..
Кто сказал? Отвечайте, черти!
Не вводите меня во грех!..
Вдруг из дальнего ряда смех

Истерический: "Ноги, ноги!
Возвратите нам, упыри!" —
Два калеки в снегу дороги
Воют, бросивши костыли:

'Кум — офицер-особист, отвечающий за соблюдение лагерного режима

"Вы, глодавшие наши кости,
Вы, сумевшие их смолоть,
Словно псы, что хрипят от злости,
И хозяин стола, и гости,
Возвращайте нам нашу плоть!

Отдавайте нам наши ноги,
Что сожрали вы в холодце!
Кто вас встретил на том конце,
В тех краях, на небесном крыльце?
Кто услышит нас?! Черти?! Боги?!"

"Ишь, по Сталину как горюют, —
На свой лад рассуждает вохра, —
Тоже — чувствуют, тоже — люди...
Знать, душа в них еще не сдохла!"

Неведомек им, о чем рыдают
Эти двое, о чем кричат.
Только старые зеки знают,
Но они, как всегда, молчат...

Это было в сорок девятом,
В декабре. Страна, индеева,
Вся жила в ожидании даты —
Дня великого юбилея.

Юбилея того, кто выше,
Кто сильнее всех на планете,
Чьи премудрые речи слышат
Даже малые в лолках дети!

Все подарки ему готовят:
Школы, фабрики и заводы.
Кто — шпионов успешно ловят,
Кто — рубает кайлом породу.

Музыканты шлифуют ритмы,
Чтобы звонче вождя поздравить,
И поэты тасуют рифмы —
Его семьдесят лет восславить.

Даже зеки в сибирской стуже,
Осужденные за измену,

Затянув пояса потуже,
Валят лес по две нормы в смену!..

...Два Ивана мотают сроки —
Двадцать лет им снега утюжить,
Но трудны, тяжелы уроки,
Норма — ох, велика! —
не сдюжить!..

Двадцать лет отмерзать, слабей,
Каждой клеткой живого тела...
Нет! Не выдержать!.. Есть идея:
В лютой стуже она созрела...

"Чтоб работать в тепле, в команде
Инвалидов — плести корзинки —
Ноги надо рубить нам, Ваня,
Вот посюда, поверх ботинка!"

"Это — страшная боль и мука,
Я никак не смогу, отстань же!"
"Да ведь сдохнешь в тайге, как сука,
Ведь не выдержишь! Надо, Ваньша!"

Тихий, яростный спор Иванов
Долго длился бы, но старшой
Вдруг нашел в одном из карманов
Своих ватных штанов небольшой,

Псиной пахнувший ломтик хлеба:
"На, пожуй, да пойдем пластать
Наши ножки, дружок, ведь бегать
Нам с тобой пора отвыкать!"

...Тем и кончился тягостный спор,
Отошли от своих и в сторонке,
У пенька, где палили костер,
Наложили жгуты, и топор
Дважды ухнул... и взвизгнули тонко

Два безногих уже мужика,
Опрокинулись навзничь, стеная,
Алой кровью пятная снега,
И судьбу, и страну проклиная!

БУДЖАЛА Егор,
Хальмгин охи - эмтнэ шүлгч

КУҢКА ШҮЛГЧ КӨГЛТИН ДАВАД

Күңка шүлгч,
олна үүддэч,
Өр өвч
Көглтин Дава
Герлтэ седклэн,
наси - жирхлэн
Лугиш цоклси
халуи зүркэн
Тацнчдан, Өрөсэдэн
тэкж церганэ.
Ицтэ, Үнич,
Зөргтэ шүлгч
Найта өөнэн
темдгж бөөнэ.

Догши хөрдгч
зун жилин
Аврт уг
дажрлн дааж,
"Враг народа" —
гнж гемшөгдж,
Ар үзит,
Норильскд хаагдж,
Дүүвр залу
насан давулла...

Ховчирин, хулхачирин,
үлү үзэчирин
Алхар, дархар
бичси худдыг
Лаад хайж,
недрэн байжана.
Умначиран күндлж
байсмж белганэ,
Нерэн мөцкүүлж
одид заална.

Мани сөөхи
шүлгүднэ, поэмснэ
Ецег айста,
Үнии зальта.
Наршиц герлтэ,
ноолданиц — халта!
Дурна саңгин
буйснго зөөртэ!

Давид Кугульгинов со студентами калмыцкой студии Ленинградского государственного института театра, музыки и кино им. А. Н. Островского. 1959 г. (Из архива Е. А. Буджалова).

А. П. ЧЕХОВ

Шар нарн дор бөөх күмнэ туужиг эргүлэд экнэс авн өдгэ цаг күртл харвхла — цеңкртсн цагин далад өндр алтн арлмуд болж, күңкөн гүн ухахарн күмни хаалх герлтксн, үкл уга мөңж, үрглжд үгин сөөнд үлгүрлгдж келгддг улсин нерд, сөөхин теңгрт чирмсн одудас йилһрсн дүүрңг арвн тавна сар мет йилһрж мандадг.

Теднэ седкл - ухани гүн хол үндснй үй - үй болһнд уха дасхж, жирһлиг у, сарул кеж, байр - хув, хөөртө дөңгөн күргдг мөн.

Күмни тууж кеерүлж, өмтнэ дуута нерн болгсн улсин тоод, алдр орс бичөч Антон Павлович Чехов, эврәннй цаган ивтркө хэлэцэр шинждж шалһад, олна сә хөөж, тоомсрта орм ээлсн мөн.

Антон Павлович Чехов 1860 жил, хуучн цагин тооһар январин 17 - д, лавкч, мещанин Павел Егорович Чеховин бүдд Таганрог балһснд төрсн мөн. Эцгнй шүрүтә, модьрувр күн болвчн, сурһуль - эрдмин аш медж, үрдүдтән медрл өгхәр зүткж йовснн. Тигэд чигн үрдүдтән шишлц багш нөөмөдлж, оln зүсн талдан кел дасхснн. Бичкн көвүн Антон ахнр - дүүнртәһән француз келәр сөөнәр келдг бөөж. Эднэ экнй, Евгения Яковлевна, ээлтә, жөөлн зүрктә, сөөхи цаһан саната күн бөөснн. Антон Павлович Чехов өсөд, нертә бичөч болчкснәнй хөөн: "Мана бүлин билг — эцгәс, жөөлн зүркн - седклнй — экәс" — гиж келдг бөөснн.

1875 жил, эцгнй угарад, эдл - ахунь ширтәд, арһ хөөһөд бүлтәһән Москва орад нүүснн. Антон Павлович һанцхарн, гимназиян чиләхәр, дасжах бичкдүдт күчр - күнд, зовлңгин икиг үзүлдг, бичкдүдәс хаана йоснд мухла болж үнн седкләрн церглх өмт өсгдг заведень бөөснн.

Таганрогин гимназяд сурчаһад, арвн хурвтаһасн авн Антон Павлович эклж урн үгиннй биалгән сөрснн. Гимназин дөрвдгч классд бөөхдән һарар бичдг журналд түрүн үүдәврән барлж, худл - хов, өмт даргч мууһин өмнәс эклж ноодаһан босхснн.

Гимназй чиләснәннй хөөн Москвад ирәд, Антон Павлович эмчин сурһульд орснн. Эн цагас авн йосндан бичөч болад, ахр шог - инөдтә келврмүд бичж, оln зүсн шог дамбрлһһна журналмудт барлснн.

Алдр орс бичөчин эклж үүдәврмүдән бүрдәсн цаг шинждж хөләһөд ашинь келхлә — икл өәмшгтә, ямр чигн сарул сулдхврин ухаңд дарцх болсн сүртә цаг бөөснн. 1880 жилмүдг народовольцнр II - ч Александр хааг алсна хөөн, түүг сольсн III - ч Александр хан ширәд сууж улм икәр эрк шиллж догшрхсн болдг. Эн цагин харцһу таңх кемлө ямр чигн прогрессивн татлһта бар, газет, журнал хамг хаагдж, үнииг харссн бичөчинр засгла харһж, Сиврүр туугдж, түүрмсәр зовлңгин икиг үзжәснн. Өрәсән өндр теңгрт өлгөтә, оln сай өмтнд өдгә цагин мууг илдкж, ирх цагин сөөг эәлдж келжәсн хоңх болсн "Отечественные записки" журнал хаагдж, түүнә

редактор, нер туурси Салтыков-Щедрин засгла харһси цаг бээсмн. Тигэд чигн, Петербург, Москва болн нань чигн талдан ик балһсдар кесг нимгн, шог- дамбрлһна, тер цагин хэлэцэр, ээмшг уга журналмуд секгдсмн. Тер журналмудт (үлгүрлэд, келхд, "Стрекоза", "Будильник") түрүн эврәннь келврмүдән баахн бичэч Антон Павлович Чехов, "Антоша Чехонте" гиж нерән төвж барлсмн.

Экн авгтан, эмчин сурһуль дасжах Антон Павлович, аштнь эмч болж көдлх күн болад, өдгэ цагин түржэх бүүдән дөңг болх хэврһин олзд литературн көдлмшән тоолжасмн. Болв, цааранднь аштнь шишлң бичэч болхан бийнь лавта медсмн. Эн кемлэ баахн бичэч өрүн гегән харснас авн асхн күртл нурһан тинилһл уга бичдг бээсмн.

Антон Павлович үүдэврмүдтән үзүлсн улснь — эгл, нерн уга эңгэ бичкн улс.

Түрүн авгтан Чеховин бичсн келврмүдиг тер цагт олн, нүл уга шог гиж кесгнь тоолсмн. Болв невчк бээжәһэд "Антоше Чехонте" гисн нертэ бичочин шогта келврмүд, гесндән гер шүдтә, тежг, дотр, ил эс келгдсн уха - сана бийдән бәрсиг шинжтә умшачнр медцхөв.

Бичкн ахр келврмүдтән Антон Павлович Чехов күүнә жирһлиг бүкднй, төрснөснь авн сүл өдр күртлнь дегтрин һурвн - дөрвн халхд үзүлж чадв. Эн ахр келврмүдин ашнь үзүлсн йовдлмударн, үндсн ухаһарн ик түүк, романла дүңгцхмн. Ахр келврт ик гүн уха үзүлдг арһ бичэч эврәннь бичсн келврмүдәрн олж үзүлсмн. Тер цагт Чеховин бийдән заксн законь иим бээсмн: "Билгин эгч - дүнь — ахрар бичлһн", "үүдәлһнә эрдм гисн — хасхин эрдм".

Ахр келврин урднь үзгдэд уга урнь Чехов болсмн. Эн, һазр - усна, йиртмжин бөөдл, пейзаж үзүлвчн, эврәһәрн үзүлдг бээсмн. Үлгүрлхд, Чеховин өмнк бичочир сарин сарул сө үзүлхин төлөд дегтрин бүкл халх эзлж бичдг билә. Тер бийнь умшач сарин сарул сөөг тодрха сәәнәр өмнән үздмн биш. Чехов эн сөөг үзүлхин төлөд игхмн гиж эврәннь ах Александрт бичжәнә: "тагт деер хамхрха шилин хол гилвкжәлә, теермин төгәһәс унсн сүүдәр харлжала".

Һазр - усна бөөдл үзүлхләрн, Чехов эврәннь келврин һол уха секхдән дөңг болһна. "Яһсн сәәхн моддв, иим айта моддин өөрхнд жирһл чигн ямр сәәхн болх зөвтөв!" — гиж "Эгч дү һурвн" гидг пьеса Тузенбах келнә. Орчлңг сәәхн, һазр - усн сәәхн, нарт - делкә сәәхн, тигхлә, күмни жирһл чигн сәәхн болх гисн санан эврән умшачд орна.

Урн үг, нәрн бичгин үүдэврмүдән эклж бичснәс авн хойрхн - һурвхн жилин эргдә Антон Павлович Чехов бичэчин эрдм - билгиг цүттнь ухандан шиңгрәж йосн цецн урнь болв. Баһ настадан Чеховин бичсн "Альбиона күүкн", "Злоумышленник" болн нань чигн олн келврмүд ода күртл яһж келвр бичхин үлгүр, сурһмж болад йовна.

Антон Павлович Чехов эврәннь келврмүд, түүксәрн алдр Гоголь, Салтыков - Щедрин хойрин болн нарт - делкән сатирин хаалһ улм цааранднь гүүдүлж делгүрлэд татсмн. Эгл улсин сәәхн цаһан санаһинь келврмүдтән үзүлж, тедниг дажрад, теднә көлсәр бээдг, залху, күмнд ямр чигн тус күргдгә капиталистнр, кувцнр, тергүтнә бөөдл зурна. Үлгүрлэд келхд, "Маска" гидг келвр авад хэләлтн. Бийән "либерал", суддхврин төлә ноолджахд тоолжасн ямтнр, аксмижасн әср согтуд, сай арслңг мөцгтә,

мөчгөнөн ашар ик чиддтэ кувциг таньчкад, хар - көлинь долаж цуһар зуһудна. Чеховин "Чиновникин үкл", "Тарһи болн эццн", "Справка", "Хамелсон", "Унтер Пришибеев", һань чини оһи келврмүд тер цага бөөдиг, зурт мет ил үзүлж, мууһиннь секнэ. Эн келврмүдтөн бичэч зөрц, аль - бис йовдиг хуридж гүүдүлэд немн цөөлһж, үндсиннь тодрхарульж, үзүлнэ. "Унтер Пришибеев" гидг келвр умшлгн. Түрүн зервк хэлэцд эн келвр нүл уга, аль - бис һазрт болдг йовдл үзүлсн болж медгднэ. Болв болһаж умшсн күүнэ нүднл унтер Пришибеев, турһһас һарсн утан мет өөдлж өсөд, өндргөн, өргндөн тарж, бүркг тер цага, Александр хаана Эрэсэн бөөдл авна.

"Дутуд бөөх күн" гидг келвр, цугас ээсн, цугас үргсн, "кен медхв, тигжәһэд, генткн хур чини орад одх биз" гиж тоолад, чилгр царта сөөхн өдрэр калош үмсж, чачр бәрж йовдг Беликовин бөөдл мөцк наснд келн болмар үзүлв.

Чеховин бичсн, дээр келгдсн келврмүд, хаана йосна өмнэс ноолдж йовх большевикүдт ик гидг дөңгөн күргсн мөн. Үкл уга мөцк, күцкэ Ленин, Чеховин үзүлсн героймүдэр эврәннь ноолданд харшлт болж йовсн эмтнэ дотр уха, бөөдлинн иддкхд олзсн мөн.

Антон Павлович Чехов өдгө цагиннь бөөдл эврәннь келвр, түүксдөн үзүлж, кен кенэ хортгннь цөөлһсөн баһд тоолад, шишлц бийнь эмтнэ жирһл ясуллһнд орлцхар шиндснн. Тер төлэд эн, 1890 жил, кесг миңһн дууһа холд бөөх Сахалин арл талагшан йовснн. Апрельн 19 - лә һарад июлин 10 - ла оч, дөрвн миңһн дууһанһин мөрн тергөр йовад, Сахалинд күрснн. Сахалин арл, тер цагт зовлцгнн икиг нурһн дээрөн бөрсн, һазрин нег зах бөөснн. Тенд көдлж засгнн болзган давулжасн эмтнэ жирһл, келж болшго күнд - күчр билэ. Тигэд чигн алдр бичэч, арһ чидлэрн тер арлин бөөдл шинжләд, түржәх эмгнд дөңгөн күргхәр шиндснн. Энд ирн Чехов, 5 час өрүнэ авн харһфуртл гилтэ көдлг бөөж. Нурвн сар арл дээр бөөһэд, бичэч күмни жирһлин зовлцг гиснэ икиннь эврәннь нүдәр үзж, харалта хаана йосна һөөг зүркөрн улм күцв.

Сахалин арлас ирснәннь хөөн, 1892 жил бичсн "Палата № 6" гидг келвртән, үзсн, медсн хамган, цуг Эрэсэг, адта улс орулдг эмилһни герлә, түүрмлэ дүңгцүлж бичснн. Алдр Ленин эн келвриг баһ настанан умшчкад: "Өцклдүр асхн би эн келвриг күцөж умшчкснам хөөн, дотр бийм ирвэтрэд, өәмһнтэ болад, гертән бөөж чадлго, босад, һазаран һарвв. 6 - ч номертэ палагд бийм оньслата болсн болж һанд медгдв", — гисн үт бөөдг.

1895 жил Чехов "Чайка" гидг пьес бичснн. Эн пьесдөн алдр бичэч, күп эврәннь төвсн күслэи хаалһднй харһсн харшлтас, ям берк күнд болвчн, ээж хооран цухрлго, өмөрөн зүткхлэ, — тигэд оч эн күпсән күсж хүвтэ болдг гисн уха үзүлжәнэ. Болв эн пьесән Чехов урдк драматургуд дураж бичснн уга. Шин кевәр, шин чимләр, шин авъястаһар, өмннй үзгдэд уга хаалһ драматургийд эклж бичгдсн үүдэвр гиж "Чайка" пьесиг гүн номтир тоолж, Чеховин "стиль" гиж нерэднэ. Эн пьесд орлцжах улс, кенй болвчн, сцен дээрэс хойрхн - нурвхн үг келвчн, тер күүнэ цуг жирһл, дотр ухань, келсн хойрхн - нурвхн үгэс, умшач болн хөлөжәх күүнд медгдхәр, алык классин, ямр кевәр бөөдгнй үзгдмэр Чехов бичж. Сцен дээр үзүлжәх йовдлмүдла хамдан, эс үзүлгдсн, болв хөлөжәх, умшжәх эмтн тер бийнь сөдклэрн күсж үзх йовдлмүд, Чехов билгәрн медүлнэ.

"Чийһин сад", "Дядя Ваня", "Эгч дү нурвн" гидг алдр бичэчинн үүдэсн

пьесмүд, кезэд чигн хуучрж чинрэн геешго, орс болн олн келн эмтнн лигтературин үнтэ зөөр болж үлдснн. Н. К. Крупская эн пьесмүдт Ленин ик дурта билэ гиж эврэнн Ленинэ тускар бичсн деитрэн темдгллэ.

"Дядя Ваня" гидг пьеснн чилгчд, бийн, иргч цагин жирхлин тускар ухалсан, Чехов, Сонян үгср игж келнэ: "тер цага жирхл сээхн, гератэ, эвтэ болх!". Эн пьесд келсн Астровин: "Күүнэ чирэ чигн, хувцн чигн, седкн чигн, ухан чигн, цуһар элдв сээхн болх зөвтэ" гисн үт баатршж нер туурсн Зоя Космодемьянская бийдэн тодлвр кеж бичж авснн.

Антон Павлович Чеховин жирхлинн чилгчд, 1900 жилмүдт, Эрэсэн туужд, сергмжтэ шин нег цаг ирв. Эрэсэд капитализм делгрлһнлэ хамдан түүнэ уцг таслгч көдлмшч класс өсэд чиддән авч, алдр Ленинэ Коммунистическ партин цөөлһврэр үнэн медж, эврэнн хүвин төлө ноолдаһан экллэ. Зах уга Эрэсэн аһуһар, Пиитр, Москва балһснас үлэсн, өөрдсн революцион аюлин салькн, өмкржөх хаана йосна ул көндөж дэвлүлжэлэ. Эн сергмжтэ революцион сальк Чехов күцкэн ухаһарн хавлж, эврэнн үүдөврмүдэрн мецдлж, деитрмүдинн халхсд үзүлснн. "Этч дү һүрвн" гидг пьесд 1905 жилэ революц өөрдлһн иим үгмүдөр үзүлгджөнэ: "Цаг ирв, цуг маднур бархлэсн ик баран аашна, кергтэ, чидлгэ сергмжин аюл белдгджөнэ, тер аюл көндрчкв, өөрдж одв, тигэд тер удлго мана обществэс залхуг, юм керглддог, көдлмшт дургог, өмкрсн уудьвриг үлэхэд уцһах... хөрн тавхн, һучн жилин хөөн цуг эмтн, кен болвчн көдлх. Кен болвчн!".

Алдр бичэч олн сай эврэнн умшачнртан цаг сольгдж, көдлдг улсин хүв ирхиг иткж үзүлснн. Күмни туужиг өмэрэн көтлгчн һанцхн көдлмш, көдлмшин аш, тер учрас көдлдг улс жирхлин сээг эдлх зөвтэ гисн ухан цуг Чеховин үүдөврмүдт холлгч, чинртэ гисн болна. "Көдлмшин ашиг, — культурина ул, түшлт гиж гүүнэр лавлж тоолдг Антон Павловичлэ эдл кү үзэд уга билэв... Чехов тосхдан, садмуд урһахдан, һазр кеерүлхдэн йир дурта болад, көдлмшин поэзы меддг билэ" — гиж А. М. Горький темдгллэ.

Жирхлинн сүүлэр Чехов, күцкэ Лев Николаевич Толстой болн Алексей Максимович Горькийлэ таньлдж үүрлэд, хүвтэ болснн. Толстой Чеховиг өдгэ цагин бичэчнрэс цуһараһасн билгтэ гиж, олнас йилж дурлад, бичсн келвр, түүксинь соньмсж умцдг бээж, "Нег дажж Антон Павлович паркин жим хаалһар йовж йовла... тингхд гөмтэ бээсн Толстой террасд креслд суужаһад, ардасн өндөһэд, арһул: — Ай, яһсн эцкр, яһсн сээхн күмб: һольшиг, ик санан уга, төвшүн, негл күүкн! Йовдлн чигн күүкн күүнэ. Аһрар келхд, — дөгд сээхн!" — гив гиж Горький билэ.

Горький бийн Чеховиг, олн эмтн медэд уга бээтл, түрүн болж алдр бичэчд тоолад, түүнлэ нег цагт бээһэд, нег аһар киилсэн бийинн ик хүвд тоолад. Чехов бас, Горькийн түрүн келврмүдэн эклэд барлхдн, энүнэс ик алдршсн бичэч өсх гиж алдл уга келлэ. Тигэд чигн, 1902 жил, II-ч Николай хан, Горькийн академьд шиидлһиг эс батлхл, Чехов Короленко хойр, зөрж, хаана шиидвриг буру гиж, бийсн академэс һарснн.

Чеховиг үзж — таньж йовсн, түүнэс сурһмж авчасн, нертэ орс бичэчнр Куприн, Бунин, Вересаев, Телешев, Елпатьевский, нань чигн олн улс нег дууһар Чехов мана багш билэ гиж бичцхөнэ. Терн учрта. Чехов һанцхн өдгэ цагинн бичэчнрт, умшачнрт биш, ирх цагин үй-үйнрт, күцкэн билгинн хурцар бичсн үүдөврмүдэрн багш болж үлдснн.

Антон Павлович Чехов 1904 жил, июль сарин 2-ла, Германияд, Баденвейлер гидг курортин балһснд, оошкин шалтгар өңгрсмн.

Чеховин "Чийһин сад" гидг сүл пьеса Трофимовин иргч цагин сөөхнүр Аняг дуудж келсн үгнһ иим: "Хүв ирхиг, Аня, би йорлжанав, тер хүвиг би үзжәнөв... Тер хүв өөрхн, йовж йовна, улм- улм өөрдж аашна, би хүвин ишкн сосжана. Болв, кемр мадн түүт эс үзхлэ, медхлэ, ямр हुнддлв? Тадан әмтс түүг үзх!"

Чехов бийһн тигж, эңгин олн эгл улст хүв өгх иргч цаг дуудж, эврән тер цаг эс үзвчн, хөөтндөн ирх талдан әмтн үзх гиж байрлдг у, сөөхн цаһан саната бээсмн. Тер, ирх хүвин төлө алдр орс бичэч эврәнһн кемжән уга ик билгән цутгһн өгсмн. Тигәд чигн алдр бичэчин үүдөврмүд, олн сай умшачнрин зүрк авлж эңдр өдр күртл теңд сурһмж болад, теңдә алтн ханлт дуудна. Антон Павловичин бичсн дегтрмүд цут Әрәсэн олн келн әмтнә литературмүдт болн нарта делкән литературмүдт эврәнһн чинрән шингәсмн.

Алдр Чеховин хурц билгин нилч, мана шин өсжәх хальмг литературин прозд чигн ик. Хальмг советск литературин проз эклсн Манжин Нимгрин келврмүд авад хэләлтн. Бас Чеховин авъясар Манжин Нимгр жирһлос эс йилһрсн, меджән уга нег йовдл авад, олн эңгин эгл улсин негнәнһн жирһл үзүләд, олнд сурһмж, үзмж болх келвр үүдәнә. Шогта, инәдтә келвринһн ашһн жирһлин бәәдл сольх, жирһл ясрулх уха умшачд орулна.

Басңга Баатр эврәнһн келврмүдтән бас Чеховин сурһмж олзлж, үлү үт угаһар ахр түүк, келвртән нег йовдл авад хурцлж илдкәд, олн жирһлд, олнд кергтә гүн уха үзүләнә. Чеховин нилч Басңга Баатрин пьесмүдт улм икәр үзгднә.

Цут мана өдгә цагин хальмг бичэчнр, Чеховин бичсн дегтр умшж, чинртә, өдгә цагин бәәдл үзүлгч үүдөврмүдән бүрдәнә.

Алдр орс бичэчин төрсн өдрәс зун жил давв. Эн зун жилә өөнинь темдгәж, байр кежәх цагла Чеховин бичсн дегтрмүд, пьесмүд цут нарт делкәһәр тарад туурж нерн болв. Өдгә цагт Чеховин бичсн пьесмүд Лондонд, Пекинд, Парижд, Каирт, һазрин аль захдһн болвчн сцен деер төвгднә. Һазадин ордин умшачнр яһж мана алдр бичэчиг тоолдгинь би эврән үзлөв. Эн үзснәнһн тускар нег хойр амн үт келсв.

1956 жил би Хар теңгсин көвәд бәәх Ялта гидг балһснд амрһнд ирлөв. Ирснәнһн маңдуртһн Чеховин музейүр одвв. Ирн гихнһ — музей секгдәд уга бәәж. Нанас эрт олн әмтн ирж хурад бас музей секхиг күләж, чолун хаша һатцас хойр давхр эвтә цаһан гер, өндр, савһр ацта модд заагур һәәжж хәләжәцхөж, Эдн заагт чирә- зүсәрнһн шинжлхнһ талдан ордудас чигн ирсн әмтн таньгдв.

Цагнһ болад, музей секгдв. Күләжәсн улсла хамдан герүр орад, экскурсовод дахж цәәлһвринһ соңсад, экспонат болһнинь болһаж, оньган өгәд хәлөвв. Өрә болнд зогсж цәәлһвр кеж йовад, экскурсовод, секәтә терз һатц бәәсн модд зааһад:

— Тер уласиг, тер харһа мод, тер кипарис Чехов бийһн эврәнһн һарарн суулһсмн, — гиж маднд келв.

Музей хәләж таньлдсна хөөн би экскурсоводас, Чеховин садт орж болхий гиж зөвшәл сурхлам:

— Музейин директор Мария Павловнас суртн, — болж хәрү өгв.

— Мария Павловна? Антон Павловичин дүй? — гиж өврэд, ормаж сурвв. Мини тоолварар болхла Мария Павловна ода пенсд бөөх зөвтэ билэ.

— Мөн. Мария Павловна эн музейин негчн экспонат үрэлго, немшин аэмшгтэ цагас авч нарад, мана правительствос орденэр ачлгдсми. Ода 93 - та. Болв тер бийнь заглюн, чиирг эмгн. Одахн мана нег сотрудник төрсн өдр темдглсн нээрт хурв дакж вальс эргв, — гиж инэмсж нанд экскурсовод хэрү өгв. Музейин директорин кабинетүр одвв. Өндр нурhta, олн юм жирhдэн үзсн цецн, жөөлн хэлэцтэ нүдтэ эмгн стoлын цааһас босж йовсинь үзвв. “Чехов, Горький, Куприн, Бунинлэ үүрлж йовсн күн өмнм” — гисн санан орв. Кергэн келхлэм:

— Чеховин суулһсн садиг удан бөөлххэр кү тиигэн орулхшвдн. Болв бичэчирт садин үүдн секэтэ. Тигжэхэд Чеховин суулһсн модна сүүдарт сэн чигн ухан орад бөөвзго, — гиж инэмсж хэрү өгэд, — хальмг келнд Чеховин ямр үүдэврмүд орчулгдв? — гиж соньмсж сурв. Мини өгсн хэрү сонсж, уха гунһаһад, — ахинм санж йовсн күсл ода күцв. Аль - бис келн улс эврәннь келэр Чеховин үүдэврмүд умшна, — гиж байссн бөөдлтөһөр келв.

Чеховин харар суулһгдсн садтнь орад, моддинь хэлэж, сүүдартнь амрад суувв. Чеховин, Горькийд “Күн болһн бөөсн назртан, көлсөн эрвллго, кеж чадхан, назр кеерүлж кесн болхла, мана назр ямр сөөхн болх билэ!” — гисн үг нанд сангдв. Үнн үг. Кедр күн болһн, Чехов мет, көлсөн эрвллго назр кеерүлж модд суулһсн болхла — мана назр шуутсн сөөхн парк болх билэ. Зүт Чеховин сад — һанцхн эн модд биш. Чеховин әмтни седклд төрсн цаһан санани алтн төрөн мөһлцг назр дүүрэд өсж урһад алдр ик сад болв. Тигэд чигн нарт делкөн Эв - Төвкнүни Хүүвин шиидврэр цүт назр деерк келн улс 1954 жил Чехов өнгрэд 50 жил болсн өөн темдгллэ. Игж ухалж садас нарч йовтлм музейин крыльцо деер кесг олн улс цулгрсн бөөж. Хувцарнь шинжлхнь — Иньдин улс болж харв. Иньдин культурин делегач, культурин министрин дарук Чанд гидг хардачта, Чеховин музей хэлэж, эврәннь ханлан келхэр ирцхэж. Тер делегачла Иньдин нер туурсн биич Ситара Дэви, музыкантнр Дурга Прашад, Кришна Прашад, нань чигн олн нертэ эрдмтэ улс йовла. Делегачин хардач Чанд келсн үгдэн Чеховиг Иньдд Рабиндранат Тагорла эдлэр тоолж, үүдэврмүдинь икэр дурлж умшна гиж келв. Хинди келнд орчулгдсн Чеховин дегтр белгав.

Өдгэ цагт Чеховин санж, күцж йовсн кем ирэд, ухалсн ухань күцж, дажргдж, даргдж йовсн эңгин эгл улс йосан хартан авад, сурһуль - медрлэри нарт - делкэ көтлж йовна. Нарт делкөн эгл улс алдр бичэчин төрскн СССР талагшан тачаж, дурлсн хэлэцэр хэлэж, атом - водородин аюлас әмд - меңд мөһлцг назран авад нарч, орчлңгд шуугсн нигт хамтхаста сад мет коммунизмән тогтах гиж ицжәцхәнә.

1960 ж.

Михаил ХОНИНОВ

О ПОЭМЕ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА "САР-ГЕРЕЛ" ("ДЕВУШКА-ЛУНА")

Эта поэма соткана Давидом Кугультиновым из народных слов, из калмыцкого богатого фольклора. Одним из первых слушателей ненапечатанной поэмы был я. Слушал ее спокойно, но старался ничего не пропустить. Постепенно во мне выиграло тепло, как огонь, загорающийся в печурке. Аппетит слушания приходит во время чтения: мне показалось, что все строчки поэмы длинной нитью потянулись прямо в мою душу.

Чтение окончилось.

— Ну скажи, дорогой друг, откровенно свои замечания, — промолвил Давид.

Я не сразу ответил. Потом широко улыбнулся:

— Феноменально!

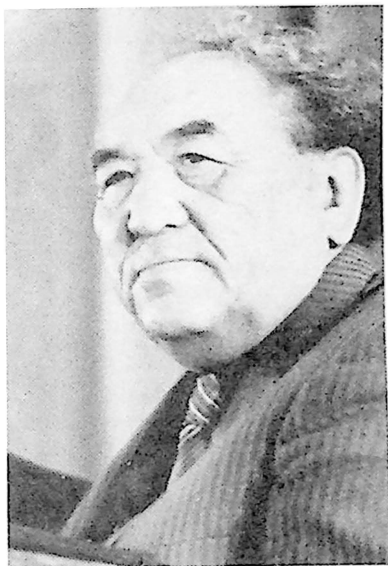
Чем меня поразила поэма? Сюжетом, образами героев. Калмыцкая девушка Луна, жертвующая любовью во имя народа. Так писал

А. Н. Островский знаменитую сказку о Снегурочке, сегодня наш калмыцкий поэт Давид Кугультинов написал калмыцкую Снегурочку.

Эта поэма рождает много размышлений: человек и общество, древность и современность, национальное и общечеловеческое.

В философской поэме "Сар-Герел" автор поставил проблему соотношения личного счастья и счастья народного.

...Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь и правду защитить!

Тогда у меня были некоторые опасения: а как зазвучит поэма на русском языке? Сумеет ли переводчик то, что сливалось воедино

Кутультинов? Вскоре выяснилось, что мои опасения не оправдались: "Сар-Герел" мастерски перевела Ю. Нейман.

Вот в степь калмыцкую пришел месяц коня (апрель). В это время степь благоухает разнотравьем, сыты овцы и коровы, в избытке масла и молока. И в эту пору в калмыцком хотоне:

Родилась под кошмами кибитки
Девочка чудесной красоты.

Потекли дни, недели...

Словом, не один промчался год
С той поры...
А девочка растет.

..
И в апреле, как - то утром рано,
Те, кто юн, и те, кто постарел,
Встретили негаданно - неожиданно
Взрослую красавицу Герел.

Со сказочной быстротой развивается действие поэмы от главы к главе. Поэт наделил свою героиню лучшими чертами и способностями:

Нет мастериц искусней у нас.
Лучшая наша швея — Герел.
Бархат пушистый, плотный атлас
Режет, смеется, кроя, Герел.
Шубу сошьет она или цегдек —
Преображается человек.

Герел — умница, хорошая советчица. Если человек в беде — пособит, если кто заболел — вылечит.

Самый застенчивый — с ней болтлив,
С ней неказистый и тот — красив.
Робкий становится храбрецом...

Сватаются к ней сто женихов, но ни один из ста сердца ее не задел.

Герел настоямя трав исцеляла больных. Однажды она ушла собирать далеко от своего хотона: "Эта — для сердца, эта — для глаза. Эта усталость снимает сразу..." Наполнив до отказа сумку, она уже возвращалась домой, когда над ней нависла страшная беда: за девушкой, грозно трубя, погнался свирепый бык. Мчится Герел, "сердце где - то у горла бьется отчаянно, как птенец..."

Спасение пришло от юноши - пастуха:

...И в последний миг,
Только нацелился грозный бык

Жертву на рог поддеть, —
С шумом перемахнув кусты,
Взмыленный конь упал с высоты,
Воздух рванула плеть...

Грозный удар угодил как раз
Между кровью налитых глаз,
Блеск их звериный на миг потух...

Битву пастуха с диким быком в духе устного народного творчества с большим накалом и умением передает автор:

...Снова удара с оттяжкой звук,
Вновь оглушен круторогий враг.
Юноша мышцы свои напряг
И, наклонившись слегка вперед,
Мертвою хваткой могучих рук
Комли обоих рогов берет,
Правый и левый сжимает рог...
Голову бычью к земле гнет.
Молча, жестоко идет борьба!
Кто одолеет — решит судьба.

.....
Голову бык опускает вбок,
Ниже и ниже — в степные травы,
Их орошая слюной кровавой,
Клейкий из них выжимая сок...
Кончена битва.

Бык лег.

И победитель - человек торжествуя произносит:

— Ты с человеком тягался, зверь!
Низко ему поклонись теперь!

Пастух вознагражден вниманием спасенной девушки:

— Имя мое, — говорит, — Герел, —
Имя твое мне скажи!

— Церен...

.....
— Храбрый Церен!

Отец мой и мать
Будут добром тебя поминать!

Восторжествовало добро над злом благодаря человеку. Здесь родилась взаимная любовь Церена и Герел.

Так получилось. Иначе и быть не могло:

Потолковали друг с другом отцы:
"Так уж оно суждено, видать...
Только начнется месяц Овцы,
Можно, пожалуй, свадьбу сыграть".

Каждому калмыку известно, что месяц Овцы (май) — самый благодатный из всех месяцев года: вдоволь и мяса и араки!
Ликует вместе со степью влюбленная девушка:

Ты приходи, любимый мой, скорей!
Стану я женой твоей смиренной.
Нарожу могучих сыновей
Для тебя, для моего Церена!..

Герел готова разделить свою радость со всем миром, даже с Солнцем за то, что "своею доброй властью радости дарует всем живым":

— Солнце!.. Опустись на землю к нам!
Погости у нас хоть миг единый!
Радости великой половину,
Огнеликое, тебе отдам!..

.....

Но внезапно чудо приключилось:
С неба
облако в огне спустилось.

.....

В гости к ней пожаловало Солнце.

Оказалось, что Солнце полюбил Герел, когда ее даже на свете не было ("Сквозь века я образ твой узрел"):

На крылах любви перелетел
Леденящие пространства эти
Для тебя одной, моя Герел!..

Девушка растеряна:

— Дедушка!.. Ой!.. Солнышко!.. Простите,
Слов таких я слушать не должна...

Солнце настаивает, что он не дедушка, а жених. Он находит много соблазнительных слов для нее:

Ты избежешь участи печальной
Горьких, смертных дочерей Земли...
Мой дворец, блистающий, хрустальный, —
От забот и горестей вдали.
И притом, Герел, хочу сказать я,

Пусть идет мне миллионный год, —

Я ж, Герел, в расцвете буйных сил,

Я — в зените, я — в разгаре...

Герел не хочет быть женою Солнца, она отвечает ему, что это невозможно:

Я... О Солнце! Я люблю другого!

.. . . . .
Человек, любовь свою теряя,

Человеком быть перестает!

..

Что там ни предписано на небе,

На земле иной мне выпал жребий:

Солнце, тут не может быть замен!..

Мой избранник, мой жених — Церен!..

Автор с неожиданной стороны раскрывает извечный конфликт влюбленных. Оказывается, у небесного Светила те же любовные безумства, что и у землян:

Ведь я,

Потеряв тебя, любовь мою,

Тоже перестану быть светилом!

Он заклинает Герел предотвратить великую трагедию:

На своей планете жизнь продли!..

А иначе я

лицо земное

Превращу в кладбище ледяное,

Отвратясь навеки от Земли!

Герел отвергла предложение Солнца, а его угрозу приняла за шутку. Заторопилась домой: "Перед свадьбой дома столько дела!.." Солнце же разгневалось, мрак покрыл Землю. "С плачем девушка идет к хотону". Люди встречают ее слезами, криками:

В барабаны бьют, стучат по жести,

Чтоб немедля убирался прочь

Араха — жестокий, черный дух...

По мнению стариков, чудовище Араха хочет пожрать Солнце в час затмения.

Герел догадалась, что случилось на самом деле. Кому сказать об этом, как не самому близкому человеку:

— О Церен! Из-за меня — беда! —
Девушка взывает, горько плача, —
Я, Герел, одна — всему виной!
Всех мудрейших созови сюда!
Пусть рассудят, что стряслось со мной,
И могла ль я поступить иначе?!

Земля окутана мраком. Господствуют стужа и ветры:

Ветер ледяной задул жестоко,
Словно тысячи холодных змей
Кольчато вползают под рубаху.

Но не покоряются люди злу. Зажглись повсюду кизячные костры, а матери:

Эта достает из сундука
Для детишек теплые пожитки,
Та дыру в кошме своей кибитки
Чем-нибудь пытается заткнуть...

Народный сбор состоялся у подножия горы вокруг костра. Каждый говорил, что думал. Хотон уже знал о свидании Солнца и Герел. Долго длился спор, а к заключению не пришли. И захотелось людям услышать мнение мудреца из мудрецов Земли — Цецена. Мудрец решил:

Подождем до завтрашнего дня
И смиренно возблагодарим
Солнце,
если Солнце возвратится...

Послышались голоса возражавших: "А загвоздка — лишь в одной невесте!.. Весь народ обречь на злую муку?.." Старец повторил: "Подождем до завтрашнего дня. Все примолкли..."

В этот самый критический момент автор переключает внимание на главную героиню, которая до той поры только ждала своей участи, через интересную деталь:

И как раз тогда к ногам Герел
Черный, трепетный упал комок.
Девушка очнулась...

Что такое
Шевелится возле самых ног?
.....
Ласточка замерзшая...

... отпали
Отмороженные коготки.
Крылья в воздухе обледенели...
Бьется слабо. Дышит еле-еле...

чем птицей оборотиться, девушкою она была. И ради спасения рода людского Ласточкой стала. "Лишь одного и не знала слова, как человеком сделаться снова. Птицей она навсегда осталась. А ведь с каким женихом рассталась!.."

Воодушевленные примером, люди закричали вразнобой:

— Пусть Герел пожертвует собой!

Но встает Цецен:

Верьте мне, народом нам не быть,
Если мы не сделаем попытки
И любовь и правду защитить!

Потому что подлинный народ —
Это справедливости оплот.
Разума и сердца торжество
Он осуществляет без помех.

Так завязывается крепкий калмыцкий узел конфликта. Герел должна стать судьбой для всех землян. Цецен снова предлагает подождать семь дней и ночей, пока не появится рассвет. Он считает, что народ не вправе требовать самоотречения, самозаклания от девушки.

Зло свирепствует: "скот пропадает без кормов", "плачут дети", "плачет земля о былом тепле. Когти ветров — остры". Дрогнули слабые. Сильных поддерживает труд. Люди ожидают рассвета, а его все нет. "Шесть дней — как шесть лет".

И Герел, рыдая, восклицает:

Если вправду вымрет все живое
И останутся на свете двое,
Уцелеем только мы вдвоем,
Разве счастье мы с тобой найдем
В ледяной пустыне на могилах
Матерей, отцов, подружек милых?

Жить или умереть во имя счастья людей?

В любой беде смог бы защитить любимую Церен, но он понимает: "на ледяном погосте прекращаются любви права: где иссякла жизнь — любовь мертва, страшно сердцу в этой бездне черной".

Это понимает и Герел.

Даже больная мать требовательно сурова:

— Слышишь, дочка, помоги другим!
Людам, людам надобно помочь.
Трудно людам... Помоги им, дочь!

Задумалась вновь Герел:

Может статься, чтоб светить и греть,
Надо, не щадя себя, гореть,

До конца сгореть, испепелиться,
Птицей - ласточкой оборотиться
И людей от гибели спасти.

И Герел вышла из кибитки. Стих буран, ослабел ветер. И в хотоне услышали ясно:

— Солнце! Солнце!.. Это я, Герел!..
Я решила, Солнце!.. Я согласна.

Волновались люди в ожидании Солнца: вдруг оно забыло путь к Земле? Прорицатели гадают, смотрят на косточки бараньи, держат над огнем лопатки и вещают: "Люди, все в порядке! День счастливый косточкой обещан".

Близок час рассвета. "С Меч - горы на утренней заре в небеса поднимется Герел!" О Меч - горе говорили, что она стала символом мира на земле по наказу богатыря, воткнувшего в землю свой боевой меч в знак прекращения войн.

Люди пришли к Меч - горе. На вершине ее предстала перед народом в красном свете костра Герел. "Подняла она руки ввысь и сказала: Страдание мое! — И сказала: — Желанье мое! Белым лебедем обернись!" Из - за облачной дали опустился к ней лебедь. Вот торжество человеческого долга:

Я от вас навек уйду,
Потому что вас я люблю...

Герел заклинает людей:

...Истерзала я вас, казня
Целых семь беспросветных дней!..
Вы простите, люди, меня!

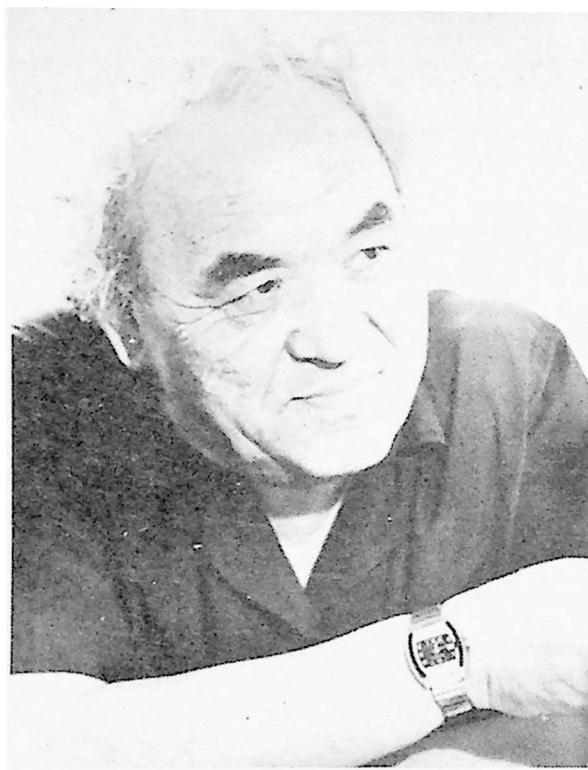
Потону я сейчас во мгле.
Будьте счастливы здесь, в тепле,
В нашем светлом краю земном!..
Помяните меня добром!..

И на лебеде умчалась Герел ввысь.
Земля засветилась во всей своей красе, когда

Обернулась Герел
луной,
Серебристой луною — Сар.
Меч - горе — стоять и стоять.
Сар - луне — сиять и сиять.

Так калмыцкий поэт Давид Кутультинов через сказочный сюжет выразил прекрасной поэмой свое отношение к жизни, свою философию.

12.4.1970 г.

Из всего написанного за долгий срок калмыцкий поэт Давид Кугультинов включил в этот сборник лишь свои лирико-философские двенадцати-стишья, над которыми он работает последнее время.

Читатель заметит, что во многих из них затрагиваются, так сказать, вечные темы. Эти стихи по праву можно назвать мудрыми стихами. Но мудрость мудрости рознь.

Иными премудростями прошлого мы подчас пользуемся по привычке, не соотнося их с современностью, с изменяющимся миром.

"Вам все простится, кроме превосходства Ума... Так прячьте разум!.." — произнес Философ хоть с улыбкой, но всерьез.

Знакомая изящная формула. Но поэт видит в ней "мысли горькое уродство" "Сделав скидку на судьбу и время", он пылко восстает против нее. В эпоху, когда человек прорвался в космос, когда на карту поставлена судьба цивилизации, "прятать ум, которым жизнь крепка?!" — возмущается он.

К книге "Давид Кугультинов" из "Библиотечки избранной лирики", 1966 г.

Немало книг встречать мне довелось,
Где воспевали руки и мозоли.

Это, конечно, прекрасно. Однако в век бурного развития науки, ее возрастающего влияния на все стороны жизни, "руки рабочей воспевая чудо, и голову бы вспомнить не худо..." — уточняет поэт.

Более того. Он спорит иногда и с народной мудростью. Восхищается ею, но спорит.

У стариков калмыков есть проклятье:
"Да станешь ты глупей, чем все собратья!
Когда же ты во всех хотонах шумно
Прославишься как редкостный дурак, —
Да прогневит тебя совет разумный!.."

Приведя блистательный каскад проклятий, поэт решительно утверждает: "Так да не будет!" — скажем мы сейчас".

Ведь сейчас такая ответственная, такая напряженная эпоха, что и врагу следует пожелать ясного разума.

Кугультинов воспевает разум и человечность не потому, что так принято, не потому, что это красиво и заслуживает уважения. Это жизненно необходимо, он иначе не может.

Избранная поэтом классически четкая форма не только не сковывает его, но скорее наоборот — делает книгу удивительно разнообразной. Она стройна и гармонична. Но дело не только в верности классической традиции. Дело в том, что сам Давид Кугультинов — поэт истинного душевного здоровья, мужественный, гармоничный и утверждающий гармонию. И разумеется, глубоко и не назойливо современный.

Валентин БЕРЕСТОВ

АЛДР ГОГОЛЬ ХАЛЬМГУДИН ТУСКАР

1959 жилин зунар, Москва балһснд Литературн институтд шүүвр өгчэх цаглам, орс шүдгч болн орчулач Давид Григорьевич Бродский, урднь төрүц барлгдад уга "Хальмгуд" гидг нертэ, Николай Васильевич Гоголин бичсн очерк олвв гиж зэңгав.

Давид Григорьевич Бродский дээнэ өмн, алдр "Жаңһрин" тавн зун жилэ өн өөрдж йовсн кемлэ, Элстүр ирж, хальмгин жирһл, бээдл, тееглэ таньдла. Эн тиигхд олн хальмг ду болн хальмг шүлгчһрин бичсн шүлгүд орс келнд орчулад, "Поэзия Калмыкии" гидг дегтр Москвад барлсмн. Хальмг келнэ олһна хурц чимлһинь алдло орс келнд орчулсн "Поэзия Калмыкии" гидг дегтр олн умшачһрт таасгдж, баахн хальмг литературин нер цуг Советин Союзар делгүрлэ. Тер цагас авн Давид Григорьевич хальмг тууж - түүкин, культурин туск зэңг - зэ соньмсж умшад, хэһэд чигн бээсмн.

Чикнэ хужр таалсн соньн зэңг соңссн, түрүн авгтан нам итклго, үнн болхв, аль тигжһэд, эндүрэд орксн болвзго гиж дотран маһдан санад, уульнд харһсн таксид сууһад, Давид Григорьевичин гертнь ирвв. Давид Григорьевич нанд: "Суутн", — гиж келн, хартан бэржэс дегтрэн өгв. 1910 жил Санкт - Петербург балһснд барлад, Георгиевскин цуглуулж диглэд һарһсн "Гоголин бичгүд" гидг нертэ, цагас зөвөр шарлад бээсн цааста зузан дегтр би үзвв. Урд цага нертэ орс болн һазадин орудин чигн, бичэчһр чигн хальмгин тускар бичсн дегтрмүдин тоог би баһ цагас авн седкдэн хадһлад йовдг билэв. Алдр Пушкинэ бичсн мөңк дегтрмүдин халхд хальмгитн нер умшхла, кезэ болчһн седкй байсад йовдг билэ. Өдгэ цагт уга, өңгрсн мана нертэ чигн гидг, билгтэ бичэч Басңга Баатр нарт делкэн бичэчһрэс, алдршһн нертэ улас, хальмгин тускар кен ю бичснь цуглуулж шишлц зузан тетрадьт буулһж бичж авдг бээсмн. Болв түүнэ чигн тетрадьт Гоголин нерн уга билэ.

Давид Григорьевич Бродский "Гоголин бичгүд", хуучн дегтрмүд элгнэс хулдаж авад, дакн хулдаг букинистһрэс олад хулдаж авч. 465 халхта дегтрин, 417 - с авн 432 - ч халх күртл барлгдад, "Хальмгуд" гисн очерк 14 халх бүкһднй эзлж.

Һартм бэргдсн үнтэ дегтр оньгтаһар умшж, би уха туңһавв. Акад юмн болхв, иим ик чинртэ очерк, орчлңд нер туурсн алдр бичэчин үүдэвр ода күртл яһад эс соңсгдл уга йовсн болхв? Яһад эн ода күртл даргдад йовсн болхв гиж би бийдэн сурвр тэвэд, хэрү олж ядад бээвв, эн тоот сурврмудан, бас деернь, кезэ ямр учрар эн очерк бичгдсмб гиж Москван гүн номгһрас би сурвв. Болв тедн чигн эн очеркин тускар тэвсн сурврмудт лавта хэрү өгсн уга. Санхнь, кезэнэ бичсн очерк олн жил давсн учрас мартгдад, геедрсн бээдлтэ болв.

К. П. Георгиевский "Гоголин бичгүд" гидг дегтрин нүр үдэн, эн дегтриг

шишлц Гоголин харар бичгдсн, кезэ чигн эс барлгдсн үүдэврмүдэс бүрдэвв гиж зэңглжэнэ. Зуг ханцхн "Хальмгуд" гисн очерк болн Палласиг Гоголь орчулсна тускар, 1896 жил барлгдсн Гоголин дегтрмүдин хураңхун VII томднь эрэ жирд гигэд зэңглж.

Күцкэ күүнэ харар бичгдсн аль бис мөр ачир - жичиртнь болн хөөннь ирх үйиртнь икл олз болх, — гисн кезэнэ алдр Александр Сергеевич Пушкинэ келсн үт бээдг.

Нер туурсн шалхач Виссарион Григорьевич Белинский, Гоголиг "литературин толхач, шүлгчирин толхач" — гиж нерэдсмн. Гоголин дегтрмүдиг "үүнэ үүлдврмүдг аврлгт уга үнн" гиж ашинь темдглсмн.

Тигэд чигн би Гоголин бичсн "Хальмгуд" гисн эн очерк бас мана нег хув гиж санад, дотран алдр бичэчд ханлт өргвв.

"Гоголин бичгүд" гисн дегтрт, Гоголин седкл авлжасн шишлң литературин туск болн Эрэсэн тууж, географин туск олн төрмүд тэвгдж.

Өңгрсн зун жилин һүдгчг жилмүдин эклд Н. В. Гоголь Патриотическ институтд профессор бээсмн. Тигхд нертэ бичэч географин төрэр дегтр бичхэр материалмуд бэлдсмн. "Хальмгуд" гисн очерк тер дегтрт орх нег хувнь бээж. Эн кем алдр Пушкинэ ниалчтэ өсжэх бичэч Гоголин седкл - санан боожад батржах цаг бээсмн. "Диканьд өөрхн күүтрин асхд" гидг нер туурсн дегтр биччксн Гоголь, өдгэ цагиннь географьд олн дуту - дуңд олж. Тигэд чигн баахн гүн номт профессор болн бичэч, географь дасхд дең болх "Һазр болн эмтн" гидг хойр эс гиж һурвн том күцх дегтр бичхэр бичхэр шиидсмн. Эн шиидвриннь тускар, 1833 жил, Гоголь, профессор Погодинд бичсн бичгдэн зэңглж. -

Болв эн шиидврэн цуг жирһлиннь туршт күцэхэр седклэрн зүтквчн — күцлэн күцэж чадсн уга. Эн эс күцсн шиидвриннь тускар, жирһлиннь чилгчд, Гоголь граф Орловд иим бичг бичсмн: "Олһа хурц үгэр бичгдсн утх - үндстэ, эрвэн бийнь келэд - кевшх, ки - эмн уга биш, киитэ - эмтэ, эмд - менд Эрэсэ үзүлх географь манд кергтэ... келн эмтнэ авъяс, жирһл - бээддиг чикэр межд тодрхаһар үзүлх, аль - бис һазриг олн зүсн өңгтөөрнь оньдин һүднд үзгдэд бөөм дүңгөһэр бичж чадх, бас аштнь цуг бичсн тоотан нег кеж ниилүлх билгтэ бичэч, тер дегтр бичж чадх һанд оньдин тигж медгддг билэ... эн дегтр, кезэнэс авн мини уха гүүлһнэ учр болв. Өдгэ цага мини көдмшлэ хамдан эн дегтр өсжэнэ, тигэд эн көдмшлэ хамдан нег цагт дуусгдж белн болх гиж ишжэнэв. Эн дегтр олңд таасгдх гиж эврэннь билгт дорхнь Эрэсэдэн өгсн дурндан ишжэнэв".

Деер, би, Гоголин эврэннь күцлэн күцж чадсн уга гиж келлэв. Кемр күцэсн болхла ода мадн икл чинртэ, туста, урнь хурц үгэр бичж Эрэсэг бүгдһн үзүлсн дегтр умшж байрлх билэвдн. Болв дегтр эс бичгдвчн, эн дегтр бичхэр Гоголин цутлулсн материалмуднь, белдж биччкксн дегтрин эңг — тасрхань мана хувэр үлдж.

"Келн эмтнэ авъяс, жирһл - бээддиг чикэр межд тодрхаһар үзүлх" Гоголин билг, Паллас гидг гүн номтин "Эрэсэн аль - бис провинцэр йовлһн" гидг олн томта дегтриг Гоголь эврэннь харар орчулж авхар буулһлһнд сөөнэр үзгднэ. Үлгүрлхд, Паллас хальмгүдин тускар бичсиг Гоголь игж буулһж:

"Цуг гилтэ хальмгүд дундин нурһта, башкирцнр, киргизмүд мет махта, лагһр биш, сэн урһцта, чирэ - цогцдан дутута эмтн эдн заагт уга, учирнь юмб гихлэ бичкнэсн авн ханцхн һазр - усн, һарн - аһарин үлмэд өсж босна. Сөөхн бэрцтэ, ил цаһан, хар ухаң уга саната, тевчһү, сарул сергәлг - дерләң улс — эн тоотиг эднэ сөөнднь тоолхмн, дутунь гихлэ ханцхн —

татвр уга, цевр биш. Талдан улса эдл биш, залху уга. Эднэ сэн седклэр хэдлэхлэ — хальмгуд кедлмшт дурта гиж келж болхмн. Нам күүкд улсиннь кедлмш дегд ик. Түлэн болн хуасн иктэ, малд хот олдх цасар эс даргдсн ил назрта, Көк теҗсин көвөнөр үвлин цагла нүүнэд, хавр ирсн кемлэ эдн, Ижлин усар услгдсн өвстэ, өндр өөдмтэ, булгин усн, элвг элстэ, зегстэ — хулста назр ээлхэр ар үзг темцж нүүцхэнэ”.

Алдр бичэч эврэннь шиндврэн күцэхин төлөд ямр кевэр седкл, чидлэн нөлгө кедлжэснэннь тускар “Гоголин бичгүд” гисн дегтрт орсн материалмуд манд цөөлхж келжэнэ.

Һанцхн “Хальмгуд” гисн очерк бичхин төлөд Гоголь эврэннь цагт бээсн хальмгин тускар бичгдсн цуг дегтрмүд умшиснь медгднэ. Хальмгин туск дегтрмүд тер цагт элвг бээсмн, юнҗад гихлэ, баһ келн эмтнэс шишлц Эрэсэн назрт бөөһэд, орс келн эмтнэ җирһл туужднь арһарн орлцж йовснь хальмгуд. Гоголин тавта цагтнь, 1814 җил, хальмгуд түрүн орс цергтэ хамдан Парижин Вандомск площадьд орад, цуг Европар нер туурсмн. Петр хаана цагт хальмгуд Полтавск бэрддэнд болн нань чигн Эрэсэһэн харсж дээлдснэ тускар, Екатерина хатна сурввар бичсн тууждан алдршсн нертэ Вольтер бичсн бээдг.

Тигэд чигн Гоголь хальмгин җирһл — бөөдлэр соньмсж, теднэ тускар очерк бичж үлдэснь учрта.

Китд, Моңһл, Өөрдин тууж — түүк, культур, җирһл — бөөдлин йилһн сэн медг, нер туурсн гүн номт Никита Яковлевич Бичурин “Хальмгуд” гисн очерк бичхднь Гогольд авта дөң болсн гиж санж болхмн. Эн күүнэ селвг Гогольд ик кергтэ бээсмн. Бичурин эврэннь цага нертэ улса цуһаралань гилтэ сэн тань үр бээсинь тууж манд келнэ. Пушкин, Крылов, Одоевский, Гоголь ахтала үүрлж, үзлцж күр төртнь орлцдг бээсмн. Бичуринэ эврэннь дегтртэн һаран тэвэд белгдсн дегтрнь Пушкинэ библиотекада ода чигн бээнэ.

Гоголин “Хальмгуд” гисн очерк умшхла — алдр бичэчин цугиг үзж тодлаа, олһна хурц келэри олн төрөс онцлж чинртэ гисн һол төринь мергн ухаһарн шүүж шалһад үзүлдг билгнь дегд сээнэр медгднэ. Дегтрин арвн дөрвхн халхд багтсн очеркдэн, XIX зун җилэ хальмгудин җирһл — бөөдлиг тодрха сээнэр үзүлэд бичж. Орсин нертэ күнкл бичэч ики тер цагла Эрэсэг, олн келн эмт нег кеж ниилүлсн государств гиж тоолжаснь “Хальмгуд” гисн очерк лавлж батаҗана. Тер учрас Гоголь, кен эс болвчн эврэннь орн — нутган, назр — усан болһамҗта сээнэр хэләһэд медж, Эрэсэн үлмэд бөөх олн келн эмтнэ бэрц йос тодлж тоолжатха гиж зүткж йовснн. Эврэннь эн хэләцөн Гоголь иим үгмүдэр цөөлһснн:

“Арһ чидлэри, авьса — бөөдлэри эн келн эмтнэс алыннь ю кеж чадхинь нилх бичкнэснь шинҗлж медәд... нег — негнэннь бөөдлин йилһл тодлж теднэ назра һарһсн йос — бәрдинь тоолж, нег назрт сэн, талдан назрт му болхинь кирцж, тер назрин чидл — арһар төр сурһмж тэвхиг эмтнд дасххмн” (Георгиевский, “Гоголин бичгүд”, 211 халх).

Эрэсэг, үлмөднэ орсн олн келн эмтнлэ хамднь бүклднь үзүлх, “һазр болн эмтн” дегтриннь нег эңг — хувнь болхнь “Хальмгуд” гисн очерк бээсмн.

Эн очеркиннь эклцд Гоголь хальмгин тег, һазрин бөөдлиннь иим кевэр үзүлжэнэ: “Эднэ ээлжэх теегин һазр элстэ, давста болн моңһл шаврта. Альд эс болвчн һазр дор усн бээсн бөөдлтэ, болв тер бөөдлин эргмүд гидг нертэ өндрмүдүр өөрдхлэ геедрнэ. Ар барун үзгэр тасрлг угаһар татлдна. Эн эргмүдин ташу дор нуурмуд харһна, болв теегт усн хатяр. Харһсн бичкхн һолмуд элснд орад уга болж одцхана, наадксиннь усн һашун, давста,

болв тиим уста бийнь хаврар тургдж гүүхэд, намр шидрдэд ирхлэ ширгж одна”.

Цааранднь Гоголь хальмгин теегт бээсн аңг-адусн, шовун, хорха-меклэ — эмтэ тоотин тускар бичж. Хальмгин жилин дөрвн цагин бээд үзүлж. “Хаврин цагла, заһсар хот кедр шовуд, хар уста теңгисн көвө олж авад, тасрлт угаһар даралдж авад, олтн зүсн дууһар хөөкрлдж, живрэн сажад шууга татж заһс үргөһэд, көвө талагшан көөж һарһад, бэрэд иднэ. Теңгст, көвө талнь заһсн элвг, болв хальмгуд заһс бэрхш”, — гиж Гоголь бичжэнэ. Тер цагт хальмгуд заһс бэрдг бээж. Моңһа тохмта улс урд цагт заһс олзлгд бээж. Ода сахлаа акад болж медгднэ.

Тер теегт хорта аралжн, моһа элвг. “Төвин сумн (Гоголь эн аралжнә нер хальмгар “Табин-сумун” гиж бичж) элвг болсн төлөд, “зуна цагт һаза унтхларн тергн деер ишкә делгж, төгөһинь дөгдәр лашж, хөөнә арсар эс гиж хөөнә ноосн ишкәһәр бийән саглж хучхмн” — гиж селвг өгчөнә.

Бийләнһ дүңгүүлм бичөч уга, эврәннь цага шалтг, дуту-дунд, муут, мөңкд мартгдшго Чичиков, Ноздрев, Собакевич хамгин бээдд хурц үгин мергн ухана эрдмәри зурж, хаана цага Әрәсә үзүлсн Гоголь, хальмгудин туск очеркдән бас, угатьнриг дажржасн хальмг нойн-зәәснүд уга болмар шалһж, теднә үндсн үзүлж. Гоголь игж бичжәнә: “Нойдуд, ики кезәни-кезәнәс бәәһә, нер, йосан үрдүдтән өгнә, цусч догшн улс, үлмәдн бәәсн әмтнә жирһлднә эздүд болцхана. Болв орс правительств эднә йосинь невчк татв”. Зәәснүдин тускар игж келжәнә: “Зәәснүд, нойдуд дор бәәх, теднә үлмәд ордг вассалмуд. Эдн бас нер, йосан үрдүдтән өгнә, әәмгүд ээлж, теднәс алв цутлулна, эгл улсар яльчнр кенә. Вассалмуд бас нойдуд мет, цаһан ястгирт нерәдгднә, болв, нойдуд эдниг закад, цокад чигн орқдгж”.

Харңһу олтн көдлмшч хальмг улсиг меклж толһаһинь эргүләд, теднә күч-көлсәр өлкәдж хара бээдг геләңг, хуврг, ламһрин тускар Гоголь, ик гидгәр дамбрлад, шалһж игж бичжәнә: “Бурхн багшин йосар болхла хуврг улс гер авх йосн уга, хурлмудтан номдан шүтәд суух зөвтә. Болв тигхин ормд эдн андрж делкә кедед, әл хәәж, мек, худл-хуурмг йовдл һарһад, муһин икинь кенә. Аля-әср һарһад йовсн эдн, дакад хулхад чигн орлцна, тонулчнр заагт чигн харһна, нам ашинь келхлә, эднә эс орлцсн нег чигн му, зарһин йовдл уга... Деед гелңгүд болн ахлгч лам урд цагт эврәннь нерән Түвдин Дала-Ламас авдг бәәснн, болв ода, һизр хол болад, орс правительствәс авна”.

Хальмгуд бас, хаана Әрәсән үлмәд ордг наадк баһ келн әмтн мет, Гоголин цагла хойр холван дажрлһнд бәәснн. Көдлмшч улс һанцһн “эврәннь” нойдуд, зәәснүд, гелңгүдт биш, тедн деер хаана ямтнр, кувцнр арсмчнрар меклгдж, дажргдж, түрж йовснн. Эн ямтнр, кувцнр, мекч арсмчнр, мөңг олхин төлөд ямр чигн му йовдл һарһад бәәснн. Хальмгт “арслңгин ә соңсхла, арсмчин һуй чичрнә” — гидг үлгүр бээдг. Теегин хальмгудиг меклхәр эдн көзр нааддгиг дасхснн. Теегт хабуур-чабуур гүүүлгд негн-хойр арслңгар хулдсн көзринь, гертән көзр келгүлдг байн хальмгуд 5—20 арслңг күргәд, көзрт халучрхсн улсд дам хулддг улм байждг бээж. Тер цага үн авад, 20 арслңг тоолтн! Угата күн шуд нүцкн үлдх болхгов!

Хальмг улсин жирһл тигхд ода цагт санж болшго түрү күнд бээж. Тер цага хальмгудин бээдл үзүлж Гоголь игж бичжәнә: “Хальмг ишкә гер дегд киитн. Нүцкн бичкн күүүд эәм деерән хувцн нертә хайрха, халаста юм көдрж һултм төгөлж сууһад, әрә гиж дуладцхана. Һашун хар утан нигт будн болж гер дүүргнә”. Эинь — угата күүнә гер. Гоголь, дарунь, үүһлә дүңгүүлж, байн күүнә герин бээдл игж үзүлнә: “Эздүдн болхла негн биш

кесг ишкэ гертэ. Бийдэн, гер-бүлдэн, яльчиртан салу-салу гертэ. Гер дотрнь цевр-цер болчкад нам ке сээхн: уньн, терм, ишкэ халхлси, өнгтэ сээхн торһн көшгөр герин дотрнкн татата. Баран, орндгнь бас көнжл, көшгөр бүркэтэ, пол деернш ширдг, кевс делгэтэ, хэврһөрнь даралдад авдр, үкүт хуралһата". Угаты байн хойрин гер теңгр һазр хойр эдл талдан эсий?

Нег ормд зогслго оньдин нүүһэд йовдг жирһл хальмг улст икл гидг харшат болж йовсмн. "Хавр, зуни, намрин туршарт (февралин эклцэс авн ноибрин дунд күртл) хойр долан хонгас үлү хальмгуд нег ормдан зогсхш. Икнкднь, тег дүүргсн цаһавр, давста һашун уста, асхн шидр уснь утхгдад чидг хугдудин өөр бүүрлцхэнэ. Нарнд шатад шимән геесн малын идг чилж йовхлань, эзн, эврәннь үлмэд бээх әмтнд талдан һазрур нүүхинь медүлнэ" — гиж Гоголь бичжэнэ.

Гоголин бичсн "Хальмгуд" гидг очерк өдгэ цага баһчудт урд, өңгрсн цага хальмгудин жирһл медхд ик чинртэ, туста. Өңгрсн бээддин харһнүт эдр өдрин герлэ дүңцүлхлэ ямр ик хүв хальмг улст Советин йосн өгснь тодрха сөөнөр үздэнэ.

Сурһуль-медрл тату болсн учрас; хурл-хувргин мекин һарт орсн учрас, нег ормдан зогслго, һазр соляд нүүһэд йовдг учрас, цевр-цер тату болад, гем-шалтг ик бөөсмн. "Хальмгуд дегд татвр уга, — гиж Гоголь темдглжэнэ, — бийән уһахш, дотр хувцан сольхш, үвлин цагт болхла, нам деер хувцан, махлаһан чигн тээлхш. Хойр минут хоорнд мах чансн хөөсндән даруһ цэ чанна. Усән бузр, ноха доладг арсн савд хаһлла. Альчуриһ ормд өөрән бөөсн хөөнэ арснд, эс гиж нохан нооснд һаран арсна. Тоомсрта гиич ирсн цагла эврәннь цеврән үзүлхэр, хот кеж өгчөх аһан үчиннь хормаһар арсна".

Хальмг күүнэ бөөддиг Гоголь игж бичж: "Тату-таргт, бузрар бөөдг болвчн, хагсу урһц баһ теегт бөөдг болвчн, хальмг күн бат, чиирг, урһцнь сән, көгшд олн. Шар күрңг бөөдлтэ, хар үстэ, өргн талькта, манжуур, китд улсин дүрстэ. Уутхн хар нүдтэ, икнкнинь хамр хавтхавр. Шүднь бат болн цаһан. Хэлэцнь шулуһ, һуалгин утан нүдинь идвчн, холд үзнэ. Теглг, дундин нурһта, мөрн деер һавшун, зуг йовһар эвгоһар йовна, учрнь юмб гихлэ — оньдин мөр үндг төлөдән көльневчк мээһг. Чидлтэ, чидль агчмин зуур биш, — цөкрлт уга. Эдәрхнэ губерньд Ижд деер көдлмшт нээмэдлгдхлэри, кесг өдр дараиднь оңһин хөөвэр амрлго көдлэд, хот уга гилтэ, салкн, усна урсхлин өмнэс, бөкүн, батхнд оньган өглго йовна. Бөкнрнь баатрмудин нер зүүнэ, бөк ноолдан элвг. Хальмг күн, ямр согту болвчн, мөрнэс төрүц уншго. Увлэр хөөнэ арсн девлтэ, зунар кеңчр бүстэ бишмүдтэ. Гиич күүт тевчгч, харм угаһар хувацгч бөөдлтэ".

Хальмг улсин нердин тускар бас игж Гоголь зөңглжэнэ: "Үрн һарсн даруһ эцгнь эс гиж эмг экнь ишкэ герэсн һазаран һарад нүдндән харһсн юмна нер өгнэ. Ижд, Сүк, Ноха, Ухр, Эмги, кемр эн кемлэ нааран ирсн орс ямт харһхла — түүнэ нер, эс гиж ямарнь нер өгнэ, үлгүрлхд: Майор, Сенатор".

Өдгэ цагин баахн экирт, Гоголь яһж хальмг улс бичкдүдән өсгдгиннь тускар, дора келсн нам өврмж болх:

"Бичкн күүкдиг һарм даруһ кеңчрэр орачкна, үвлин цагт болхла хөөнэ арсар ораһад бурһсн өлгэд тэвөд, амндн болн ардн нүк үддөһэд, шидмсэр татад боочкад, амндн түүкэ өөк дүрэд, цааранднь бурхн хэлэтхэ гигэд үлдэчкнэ. Көкэр хая цадна, болв һун күртлнь көкнэснь салхш. Эн наснд күрхлэри үрнь тэмкд орна. Хойрта күртлнь бичкн күүкдиг нүцкэр, толһаһинь кирһлго өскнэ".

Хальмг эгл улсин жирһл хату-күчриг, оньдин дөрвн цагт цадтлан хот идлго өлн йовдгиг Гоголин иим үтмүд үзүлжэнэ: "Мах хатяр идцхэнэ, ик

нэр - наадн болсн цагла хө ална, наадк цагтнь цэ болн чигэн - бозар хот кенэ"

Алдр орс бичэч Гоголь хальмг тууж - түүк, тууль, үлгүр умшж ик ховдг келтэ, цецн ухата гиж темдгжжэнэ. Гоголь "Жаңһрин" тускар чигн соңссн бээж, ямр кевэр хальмг шүлгүд бичгддгинь бас меддг бээж. "Хальмгуд соннь - жигтэ йовдлмудин туск келврт бахтж тууль соңсхдан үлү дурта. Зөрмдөн һурвн өдр дараңднь тер туулин баатрмудин бээр - бэрлдөнэ тускар соңсхдана. Олна дур авлсн келмрчир, келндэн урн үгин билгтэ улс. Керитэ цаглань тууждан айс олад дуулж, нүд - амарн, цогцарн келжэхиннь угх медгдхд дөң болж, зөрмдөн, кергтэ цаглань аң - адусна ду дурана. Туулин баатрмуднь өңдрөрн кесг дууна күңж, балтаг хариннь дайллһар миңһодэр хортдан өсргж унһаһад, мөрөн һэрэдүлэд, теңгс, уулмуд һатһна. Цуг туульмудас соннь - жигтэ алдр Жаңһр баатрин туск түүк икэр таасгдана. Аль - бис йовдл хальмгудат ду учрана. Даршһна ормд мөр болһнь эдл үзгүдэр эклэ", — гиж Гоголь бичж.

Эн, "Хальмгуд" гисн очеркдөн Гоголь зөрм хальмг үлгүрмүд, цецн, гүн ухата үтмүд орулж; "Өөрхн улсиннь кенднь чигн бичэ деегүрд, му үт бичэ кел. Хөөннь төрчн сэн болад, туста чигн болх. Бас, кенэ чигн сэн седк, бэрц дегд бичэ өөдлү: эн хамгиг меддх күчр".

"Цуг соңссн хамган лавта үинд бичэ тоол, бийчн бийлэһөн оньгтаһар шалһж ухалад үнинь мед".

"Нег лавта гүн - номт, сурһульта медрлтэ күн эн орчлаңд нарн мет мандһна; болв оһн медрл уга теңг улс ниислн бийнь оддла чигн дүңгцхш".

"Моңхг билгэн келдэн бэрнэ, ухата билгэн дотран хадһна".

"Үкх хуаһн, мисин сүл зууж наадна".

"Нег темэнэ хорһснд миңһн темэн хальтрдг".

Профессор В. М. Сидельников одахн "Литературн газетд" игж бичлэ: "Келэр келддг поэзы (фольклор) оньдин цагт келн - эмтнэ культурун нег хүв - эңгн бээсмн. Келэр келддг поэзин үүдэврмүд, эн келн эмтнэ эс бичгдсн тууж, эднэ туужин тодлвр бээсмн".

Гоголин "Хальмгуд" гисн очерк яһж тер мана хальмг улсин "туужин тодлвр" медж, ик чинр өгчосинь үзүлжэнэ. Болв эн мана "туужин тодлвр" Гоголин цагас авн Октябрьск революц күртл лавта дор орж йовла. Кесг, келэр келддг урн үгин произведенесь мартгдв.

Кезэнэ, Октябрьск революцин өмн, хальмг фольклор сэн меддг күн, ики 1899 жил, яһад хальмг фольклор дор орж йовхин тускар зөвэр зөргтәһэр, учринь игж цөөлж бичлэ:

"Хальмг хуучн туужс оньдин дөрвн цагт нүүлдэнд йовдг болн нань чигн талдан учрмудас көлтэ, оһн - эмтнэ уханас һарад мартгджана. Өдгэ цагт үүдэврмүд хая харһна, юңгад гихлэ өдгэ цагт, хот - хол хатар, өлслһн - харһлһн, даарлһн, седклар дарсн яду болн нань чигн талдан оһн учрас хальмг фольклор цааранднь делгрж өснэ гидг берк". (Хальмг туульмудин хураңһу. 1899 ж., 3 халх).

Һанцхн Октябрьск революцин, Советин йосна күчэр хальмг фольклор, үнтржэх һалд өр өгсн мет, чинэ авад, улм делгрж өсөд цецгрв. Советин йосна, Коммунистическ партин нилчэр һанцхн фольклор биш — Хальмг таһнд эврэ Советск хальмг литератур өсж делгрв. Тавн зун үлүтэ жил хоорнд төрсн "соннь жигтэ Жаңһр" зуг мана цагла, алдр орс келэр дамжад, аризлин хурдар нарт делкэд соңсгдж нер туурв.

Хальмгин жирһл - бээд үзүлсн очеркән Н. В. Гоголь өңгрсн зун жилин һүчдч жилмүдин эклд, Пушкинлэ чирэ үзлцж таньлдсанннь хөөн бичсн. 1831 жилин зунар Пушкин Гоголь хойр өдр болһн гилтэ үзлцж бичжэх үүдэврмүдиннь тускар сүв - селвгөн авлцж күүнддг бээсмн. Пушкининиң

алдсна хөөн ик гидгэр харм төрж зовж гейүрэд Гоголь игж бичсмн. "Бичжэх цаглари би өмнөн һанцхн Пушкиниг үздг билэв... Түүнэ лавта чик, эрднэ мет үтнэ һанд ик төрүц ю чигн эхлдог, бичдго би - төрүц ю чигн эхлдог, бичдго билэв. Түүнэ бээдл өмнөн үзлго нег чигн мөр бичсн уга билэв". (Н. В. Гоголь, дегтрмүдин хураңһу, 11 том, 91 халх).

Күцк А. С. Пушкин хальмг тууж - тууль, хальмгин жирһл сээнэр медж бээсинь олн - амтн соңсж умшсмн.

Дегтрмүдэс хальмгин туск халхсиг эврэннь һарар мартгдшгоһар буулһж бичж авдг бээсин. "Һәрд болн керэ" гидг гүн ухата хальмг туулиг Пушкин "Капитана күүкн" түүкдэн Пугачевар келүлнэ. "Петр хаана тууждн" бас хальмгин туск олн мөр бээнэ. Пушкинэ селвг угаһар нег чигн мөр бичсн уга билэв, — гиж келсн Гоголин бийиннь үт болн Пушкин хальмгин тууж - түүкэр соньмсдг йовдл, "Хальмгуд" гисн очеркән Гоголь, Пушкинэ сүв - селвгэр бичж гиж тоолх учр өгнэ.

Өңгрсн зун жилин һудгч жилмүд, хаана өмнэс боссн декабристриг хан догшн кевэр дарсна хөөн, Эрэсэн туужд ик күнд цаг бээсин. Ямаран чигн сулдхвр нексн ухан бу - селмэр даргдд, прогрессивн седклтэ улс көөгдж засгла харһж, хол киитн Сиврүр туутддг күчр хату цаг ирсн. Эн өөмшг ик сүртэ харңһу цагла Н. В. Гоголь эврэннь үкл уга мөкч произведениестән хату цагин дажрл үзүлж, эгл улсин сэ хээсмн. Эн сүртэ цагиг нер туурсн орс шалһач Добролюбов игж темдглж цөөлһжән: "Цуг жирһлин бээдл официальной рапортмудт бичснлэ эдл элвг тохнята - төвкнүн бээсмн биш. Эн цага жирһл, сээтэ - муутаһан, өөрхн - холтаһан, бөөхөрн барин үтд үзүлгдтхэ гиж седжэсн ухата, үнн цаһан саната зэрм улс, жирһл сээнэр медж илэр һарһж келхэр тигхд зөрлэ. Шишлңг барт эс келдсиг илэр һарһж үзүлсн Гоголь болсмн, теднэ зүткл цөөлһнэ Белинский болсмн. Эн хойриг төгөлж кесг олн билгтэ улс хуржасмн. Эдн цуһар нийһэр эврэннь кергин төлө босж ноолдд, өдгэ цага обществин чирэд, лавта нүүрт йовх обществин жирһлин дегтртин толһачнр болж бийән үзүлцхэв". (Добролюбов, дегтрин хураңһу, 4 том, 50—51 халх).

"Хальмгуд" гисн Гоголин очерк бичгдсн цаг медхлэ — Гоголин зөрг болн седклинь умшачнр лавта сээнэр үх. Тер цага шишлңг барт кен харһнад, дажргддд түржэх хальмгин жирһл, Гоголь мет бичх бээсн? Эн күчр цагла Гоголь Эрэсэн өмн үзгт нойдуд, зээснүд, ямтнр, күвчнрар дажргджасн эгл хальмг улсин жирһлүр хөлөж, өлзэтэ күңкл һарарн мартгдшго, цагин холд геедршго сээхн очеркән, мана хүвэр, бичэд үлдэж. Эн Гоголин бичсн очерк, Пушкинэ мандлсн шүлгүд мет, хальмгин туужд орхнь лавта.

Өдгэ цагт Советин Союзин бичэчнрин Парвля һарджах нертэ бичэч Константин Федин, Гоголин тускар игж бичсмн: "Гоголь! Эсжэх, баһ наста, залу, күүкд күүнэ, одахн бичдг дасн сурһульчнрин болн жирһлин цецниг бийдөн авсн көгшдин оньдин хамдан йовдг хань", (К. Федин, дегтрин хураңһу, 6 том, 552 халх).

Мел чик үгмүд — Гоголь оньдин дөрвн цагт салшго мана хань!

Гоголин очеркдөн үзүлсн муульта күчр цагт хальмг күн өдгэ цагас хөлөцөн хайхларн — нам тиим күчр цаг бөөж гиж иткшго. Эндр хальмг күн биш, мана тег тер цагинлэ дүңгүлхлэ, эврэннь бээдлән сольв.

Алдр орс улсин күңкл үрнэ дегтрмүдин халхд хальмгудин жирһл үзүлгдсиг медсн седкл байрлж, Гоголин нерцд маш ик ханлт өргнэ.

1959 ж.

ОБРАЩЕНИЕ К СЛОВАМ

Когда, летя издалека,
Вы, повинувась тайным срокам,
Опять нахлынете потоком
На пожелтевшие слегка
Страницы чистые тетради,
Слова желанные, — в тот миг,
Поторопитесь, бога ради!
Спускайтесь!

Сами стройтесь в стих!

О, сколько дней — почти что
год! —

Я тосковал без вас, не смея
Ускорить волею своею
Благословенный ваш прилет!
Я знал: вы мне — друзья, как
прежде,

И жадно в воздухе ловил
Шуршанья, шелесты, — в надежде,
Что это — взмахи ваших крыл.

Закон о том, что чувств подъем
Не поддается грубой силе, —
Нельзя, чтобы слова скрутили
И в строки втиснули с трудом! —

К самому красивому тюльпану
Тянется рука сама собой.
Самый смелый погибает рано:
Первым он вступает в смертный
бой...

Постиг едва ль не с детства я
По первым трепетным созвучьям...
Я уваженью к вам обучен,

Жду вас безропотно, друзья!
И все ж вам прилетать пора!..
Тем, кто смятен, — зерно добра,
Кто истомлен, — живую воду,
А тем, кто угнетен, — свободу
Даруют мудрые слова!
Познав законы естества,
Сквозь воспарение наитий
И восхождение ума,
Слова - друзья, скорей летите!
Вас призывает жизнь сама!

Шумящие издалека,
Спешите легкокрылой стайей!
Звучи, мелодия простая!
Шуми, волшебная река,
С природою земной освойся!
Как жизнь — отрадна и свежа —
Заполни, с временем дружа,
Страницы чистые, как совесть!

1970

Затмевать других мне не хотелось,
Думал я, что проживу, как все, —
В меру проявляя ум и смелость,
Не завидуя чужой красе.

*Дава Кугультинов (по памяти и представлению
моему сейчас)*

Г Рокчинский. 1959 г.

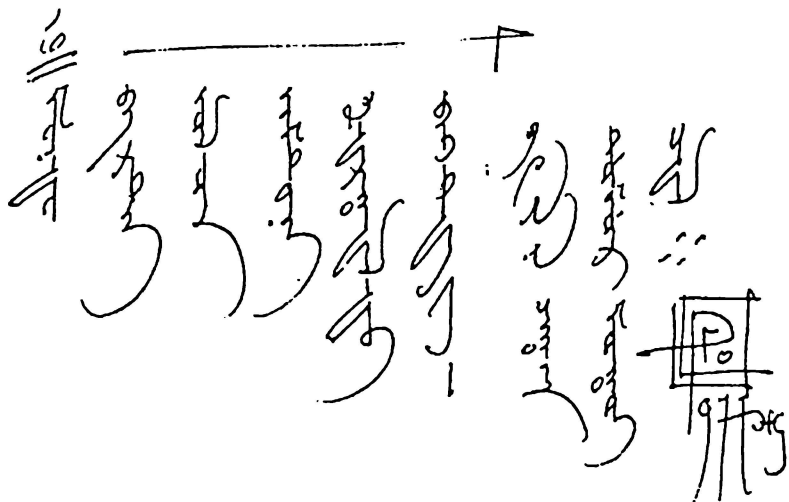
Дорогой Давид Никитич!

От души поздравляю с праздником
весны, труда и мира — 1 мая!

Желаю хорошего здоровья, счастья
силы и больших творческих успехов
на благо нашей Родины.

Пусть всегда сопутствует тебе
успех и радость труда на
радость нам

С уважением Фокшинский Г.О.
30 IV.77.

Ик алта бек Кукута ур
Көштин Давад!

"Уугархд шинь мал Хоңур билэ
Өмүрүд шинь өмр. Хоңур билэ
Дэн талм шинь ^{шинь} Хоңур билэ
Хэвхэ талм шинь түмэг Хоңур билэ
Дар шенг бэрдэ билэ
Дарга шенгэн довтогдэ билэ..."
/Днеанурас/

Мнөшн сеткл байрцуулэ,
Омэтиг тав дорайцуулэ,
Эрэгэн ик алта кер зүүснэгн
Эрүн сатаан сетклээрн
Бэйрлэнг байтаг бээнэв.

Цоон ухаань билгэр
Цахань сетклин корнүгэр
Мөнк гикртэ үүдөр күзэнэ
Хелен үгдэн төмөрта бэлнэ
Олд тусан куранэ
Халемин кер дүүдүнэ,
Халел халткэ пөиринг бактнэ
Эт кае наелнэ
Олк халта уха-сеткл меднэ,
Өрхиллин пөиринг бактншинэ
Эрнэ сурнэ йэрэгэнэв

Бурааг Өрхилсэнэ Нэрэ
декабрь сарин 29 сур 1967 нөөн

Господи, шесть лет спустя после его ареста я впервые вижу своего родного отца, тогда мне было только шесть... Фотографий не было, за долгие годы образ родного отца стерт в памяти. И вдруг явь — отец слабый, беззащитный. Чувствую, как слезы застилают глаза. Плачут все вокруг, почти молча, лишь вздохи — о, господи...

Потом мама впустила их в дом. Соседи еще долго не расходились.

Как враг народа отец был осужден сроком на 10 лет в 1937 году. Простой рабочий, трудяга стал врагом. Сидел в лагерях Котласа и Ухты. Работал на лесоповале. Должен был умереть, но не умер. Активирован по состоянию здоровья, отсидев шесть лет. Вместе с ним был активирован по состоянию здоровья и калмык. Отбывали они срок без права переписки, но когда мама с нами переехала в Караганду, она через НКВД разыскала лагерь, где он находился, и папе при освобождении сообщили место пребывания его семьи. Его же товарища по несчастью никто не ждал. С его слов, у него были сыновья, но где они сейчас находились, он не знал. И вот они договорились, вместе добраться живыми до Караганды, а там что Бог даст. Рассуждали так — поодиночке не выживут. Скучный паек, выданный на дорогу в лагере, надолго не растянешь. Дорога дальняя, с пересадками, военное время. По пути, чтобы не умереть с голоду, нищенствовали, прося милостыню, вконец обносились. Ехали долго. Мама с нами в это время жила на частной квартире у своей подруги по несчастью (муж тоже сидел по ст. 58 - й). Вместе работали, вместе детей поднимали на ноги.

Хозяйка с тремя сыновьями жила в домике из одной комнаты и крохотных сеней. И вот на этой площади оказались две женщины, пятеро детей и двое мужчин. Как мы только размещались?!

Но было лето. Время было хорошее и в том отношении, что в те годы можно было спокойно спать и на улице у дома.

Помню, как преобразились наши мужчины после мытья, когда облачились в чистую одежду, принесенную с миру по нитке, кто что мог. Несли и еду.

А потом запомнились долгие разговоры взрослых до поздней ночи, слезы, их вопросы "а как там на войне?".

Помню, с каким интересом и болью слушали рассказ папиного друга о его далекой Калмыкии. Так мы, дети, проходили все университеты.

И папа, и его друг были тяжело больны. Кожа и кости и плюс дистрофия. Организм не усваивал пищу и их кормили как детей.

Не помню, как долго жил у нас папин друг. Извините, память не сохранила его имени. Мы, дети, его звали дядей. Немного окрепнув, они подрядились вдвоем пасти скот с улицы. Село наше было небольшое и пасти скот, как они говорили, им в радость, да и молоко было для них...

Сейчас - то я понимаю, что они не хотели сидеть на иждивении двух работающих простыми рабочими женщин, получающих гроши. Когда друг папы окреп, мама стала его уговаривать написать письмо в Калмыкию. Тоскует ведь человек, а вдруг да кто - то откликнется. И мама написала на сельсовет.

Наш папа был среднего роста, коренастый. Друг же был ниже его, из-за худобы выглядел совсем небольшим. Мы его жалели и сочувствовали все. Он был так добр и беззащитен. Тосковал по близким, часто плакал. Сам он не умел писать, да и боялся письмом навредить близким. Но мама все же написала. Спустя время пришел ответ и вызов. И он уехал. Потом было письмо, что наш друг доехал благополучно, его встретили. И мы радовались за него.

Прошло столько лет... Папа прожил еще 16 лет. Реабилитирован после XX съезда. Пригласили в КГБ и извинились. Надо было видеть его лицо... Умер в возрасте 59 лет.

Долго ли прожил его друг, мы не знаем. Но когда в доме заходил разговор о нем, то мы всегда радовались, что он у себя дома, на родине...*

Вот и слушала, Давид Никитич, Вашу передачу со слезами на глазах...

Тепло и горько сознавать, что был и в моей жизни "друг степей калмык". Отец и его друг — мои нравственные истоки. В детстве жизнь казалась бесконечной, а вернувшиеся из лагерей отцы — стариками. А ведь папе, когда он вернулся, шел лишь 43-й год, хотя друг был значительно старше. Как коротка человеческая жизнь и как горька и несправедлива она была порой... Вот уж поистине Отечество мое в судьбах людских.

Спасибо Вам за поэзию и за то, что всегда были Человеком!

С уважением, Александра Ивановна

18 марта 1989 г., г. Куйбышев.

---

*От редакции. Два человека — две судьбы. Русский и калмык. Это было летом 1943 г. А в декабре того же года калмыцкий народ весь был сослан. Как сложилась судьба человека, уехавшего домой, нашего сорокадича, нам не известно. Кто он был? Его фамилия, имя, отчество? Откуда он?

Если кто знает что-либо о нем, откликнитесь.

“БЫТЬ СМЕЛЫМ НЕ НА СЛОВАХ...”

Народный поэт Калмыкии Давид Кутультинов всегда проявлял заботу о молодых, помогал и поддерживал талантливых поэтов, многие из которых впоследствии стали известными писателями.

Сегодня мы публикуем интервью, которое взял главный редактор журнала “Теегин герл” Эрдни Эльдышев. Давид Никитич делится воспоминаниями о некоторых именитых ныне поэтах, поддержанных им в самом начале творческого пути, сказал напутственные слова начинающим свой путь в литературе.

— Давид Никитич, Вы были редактором первой книги Джангра Насунова. Как это произошло, ведь Вы не работали в книжном издательстве?

— Джангр Насунов был одним из самых талантливых поэтов, но он не нравился обкому партии, и поэтому ему всячески чинили препятствия. Готова была его первая книжка стихов, которую он сдал в Калмыцкое книжное издательство, но из обкома дали указание — не печатать. Нашли причину — якобы штатные редакторы издательства отказываются редактировать эту книгу. Если автор, мол, найдет другого редактора, то его рукопись, возможно, рассмотрят. Давая такое указание, они были уверены, что никто не согласится. Джангр обратился ко мне, и я выступил редактором его первой книги на общественных началах.

Я рекомендовал Джангра Насунова в Литературный институт.

Давид Никитич показывает мне первую книгу Д. Насунова “Голоса расстояний”, изданную в 1971 г. Читаю дарственную надпись: “Моему учителю, крупнейшему поэту нашего времени Давиду Никитичу Кутультинову! С любовью к Вашей поэзии, с чувством глубокой благодарности за постоянную поддержку и участие в моей судьбе!

Ваш Джангр Насунов.
27/XII - 71 г.”

И далее в его новогодней открытке, адресованной Д. Н. Кутультинову: ... Я считал и считаю себя Вашим учеником, Давид Никитич. И я завоуюю это право — называться учеником и последователем Давида Кутультинова!

Ваш Джангр Насунов.
28/XII - 74 г. г. Элиста.”

— Известно, что Вы помогли и Новелле Матвеевой...

— Сегодня Новелла Матвеева — поэт с мировым именем. Но ее первые стихи были опубликованы в 1958 году у нас в Калмыкии, в газете "Советская Калмыкия". Эти стихи вызвали интерес у главного редактора газеты "Комсомольская правда" Карпинского. А произошло это так. Первым секретарем Калмыцкого обкома ВЛКСМ в те годы был Бушин. В Москве на пленуме ЦК ВЛКСМ он встречается с Карпинским и дает ему газету со стихами Новеллы Матвеевой. Прочитав их, Карпинский воскликнул: "Какие талантливые у вас в Калмыкии поэты!" На что Бушин отвечает: "Автор Новелла Матвеева живет у вас под Москвой, в Чкаловском".

Карпинский немедленно посылает к Н. Матвеевой своего корреспондента, и "Комсомольская правда" сразу дает две полосы ее стихов. Эти стихи очень понравились Маршаку и он мне позвонил. В беседе я ему сказал, что надо поддержать Н. Матвееву. Самуил Яковлевич сразу написал рекомендацию в Союз писателей СССР и письмо, в котором настаивал, что ее надо принять немедленно. И Новелла Матвеева была принята в Союз писателей без книги, по публикациям в газете "Комсомольская правда".

Узбекский поэт Абдулла Арипов. Сегодня он — председатель Союза писателей Узбекистана. В конце семидесятых Союз писателей СССР во главе с К. Фединым и ЦК ВЛКСМ (первым секретарем был тогда Е. Тяжельников) проводили Всесоюзное совещание молодых писателей. Семинар был разбит на творческие группы, которыми руководили известные писатели страны. В нашу группу входили Кайсын Кулиев, Константин Ваншенкин и я. Мне достался Узбекистан — Абдулла Арипов и еще один молодой поэт, крымский татарин. По поводу крымского татарина я сказал, что его можно было бы и не приглашать. Он, крымский татарин, поет о счастье, радуется, восхваляет власть, которая сослала его народ на уничтожение.

Абдулла Арипов, ему было тогда 22-23 года, приехал с подстрочниками. Я взял их пролистать. Начал и полностью прочитал всю книгу. На следующий день я сказал ему на семинаре: "Молодой человек, если бы самолет, на котором вы летели, разбился — не все было бы потеряно. Остались бы ваши стихи". А в Узбекистане его затирали.

— Ситуация схожа с той, в которой оказался Жангр Насунов?

— Да, не нравились его стихи местным чиновникам, а стихи были очень талантливыми. Кайсын Кулиев, Константин Ваншенкин и я написали письмо первому секретарю ЦК Узбекистана Рашидову. Шарафа Рашидовича мы знали лично, он в свое время возглавлял писательскую организацию Узбекистана. Рашидов вызвал к себе Арипова, они познакомились, и Рашидов поручил ему перевести "Божественную комедию" Данте. Абдулла Арипов выполнил эту работу. Потом Шараф Рашидович благодарил нас за открытие прекрасного, талантливого поэта.

— Всем известна Ваша любовь к Пушкину. Недавно Сергей Юрский сказал, что "эпоха Пушкина в России закончилась", то есть те нравственные ценности, которые отстаивал великий поэт, оказались не нужны сегодняшней молодежи. Что вы думаете по этому поводу?

— Надо ведь понимать тех, кто говорит. Когда-то мудрые китайцы в древности изрекли, что большая часть всех войн происходит из неясного понимания и толкования слов. Сергея Юрского я знаю давно как одного из крупнейших актеров, который точно следует заветам Станиславского — нет плохих и хороших ролей, есть плохие и хорошие актеры. Юрский — великий артист, но он не смог найти другие слова, чтобы выразить бесконечность своей трагедии. Если закончилась эпоха Пушкина, закончилась жизнь в России. Это очень страшно. Пушкина нет в той части России, которой он недоступен в силу ее, этой части, ограниченного видения поэзии, как недоступно было знание Поля Дирака, Альберта Эйнштейна во времена Демокрита и Сократа. Юрский в искусстве — Демокрит и Сократ начала трехтысячной эры, но впереди еще есть тысячелетия. Есть время, чтобы дотянуть Демокрита и Сократа до "Юрского" периода.

Пушкин будет жить всегда. Я очень люблю слово "всегда", потому что это слово на нет перечеркивает слово "никогда". Может быть, мне нужно было пройти войну, тюрьмы, каторгу, чтобы так утверждать, чтобы все это отрицать навсегда.

— Как большой мастер слова, что из личного опыта Вы могли бы сказать рассказать молодым литераторам?

— Расскажу о том, как сам я начинал. Мне было лет десять, когда надо мной посмеялись, как над незнайкой. Свидетель этого моего несчастья и сейчас живет в Элисте — женщина моего возраста, ровесница. Отец у нее работал учителем в селе Цорос, и мой отец тоже был учителем. Мы были у них в гостях и интеллигентные гости как бы экзаменовали наши знания по книжке с разноцветными изображениями всякой живности. Показали нечто совершенно мне неизвестное, но "по похожести" я ляпнул — араджин (паук). Все расхохотались, а моя соперница сказала — это цаяха (рак). Может быть, с тех пор стал стремиться как можно больше знать.

Вот это стремление к познаниям должно быть главным для того, кто хочет стать писателем. Человек без знаний — это известная надувшаяся лягушка, воображающая себя быком. Грех наступать на нее, ибо это все-таки живность и потом экология воспротивится, и чистота атмосферы не та будет, и, вообще, это пустая цель — бороться с надутой пустотой.

Я много читал и уже с семнадцати лет удивлял своей начитанностью, как пишет мой учитель Семен Липкин, его, Баатра Басаангова, академика Владимира Андреевича Фаворского. Их не удивляло мое знание русской литературы, мировой художественной литературы, но когда я говорил о фрагментах Демокрита, о его теории об атомах, о Платоне, его спорах со своим учеником Аристотелем, москвичи действительно сияли от радости. Я был доверчив и верил Алексею Максимовичу Горькому, когда он говорил о необходимости быть прежде всего образованным, а потом пытаться открывать нечто новое для читателя. Некоторые говорят, что у каждого века свои требования, забывая при этом, что для самого времени нет ни веков, ни тысячелетий, а есть одно неделимое время, которое мы называем "вечность", и для удобства эту вечность мы делим на века, часы, минуты. А требования к литературе со времен "Махабхараты", "Джан-

гара", Гомера и до сегодняшнего дня одни и те же — сохранить живое дыхание времени, которое и в античной Трое, и на фронтах Великой Отечественной войны было одинаковым.

Надо любить жизнь и быть преданным этой любви в самых высоких ее проявлениях, быть преданным, как говорил Пушкин, "светлой мысли Красоты". Я не хочу говорить о деньгах и тюрьме. О ночи, у которой есть своя прелесть, и тьме, которая прелестна тем, что заставляет тебя, пусть даже ценой смерти, стремиться к свету. Мне кажется, не знавший тьмы не может полностью оценить красоту света. Быть смелым не на словах, а доказать это, когда надо, без слов — поступком. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать за 15 минут.

— Спасибо. Поздравляю Вас, Давид Никитич, с юбилеем, желаю вам крепкого здоровья, бодрости духа, счастья.

4 марта 2002 г.

КҮНДЭ ҮР ЛИЖД

Итклгэ сээхн нөхдтэн
Илжин Лижд зурган,
Санхларн хэлэтхэ гиж,
Седклэсн белгэж бээнэв.
Бахта, байрта таңһчин
Бүрдлһнэ авлта өдрмүд
Мана зүрхнд мартгдгю,
Мөцкнид мөнд сангдгха,
Жирһлчн у болж,
Жилмүдчн уг болтха!

12 май 1957 жил.

ЮБИЛЕЮ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ

6 февраля в актовом зале Элистинского лицея состоялась встреча учащихся и преподавателей лицея с писателями В. Д. Пюрвеевым, Н. Я. Буруловым, В. Н. Лиджиевой и Э. А. Эльдышевым, посвященная жизни и творчеству народного поэта Калмыкии, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР Д. Н. Кугультинова.

Писатели рассказали о своих встречах с Давидом Никитичем, ответили на многочисленные вопросы лицейстов.

ЭКИН ЗҮРКН (Грузин туулин утхар)

Кезэнэ нег дүүвр насндан күрсн баахн залу, модта уулмуд заагт аңһучлж йовад, өндр уулин орад, күмни нүднд үзгдэд уга ке.сээхн өргэ үзнэ. Уулин хурц нарна толь өргэн алтн ораднь тусж һал асад, өндр нарни чидлэр маңдлжахм аль тер өргөһэс келтэ цээж падржахм — күн түүт медхш. Генткн үүдсн жигтэ йовдлг баахн залу алцгтрж һээхжэхлэнь, шус гиһэд өөгүрнь арвн хойр киб цаһан шург нохас гүүһэд һарад одна. Тер шургудин ардаснь, алтар сиилүлгдсн саадган мөрнөннь дел деер бел кеж бәрсн, арвн долан наста, орчлңгд үзгдэд уга көркхн чирэтэ, эвтэхн кевтэ - янзта цогцта сээхлэ, сээхн кер күлгиннь жолаг нигт торһн дел деернь хайж, баахн залун өөгүр давад, бичкн цаһан һарарн дайлж мендлэд, зеегтэ төргр алг хар нүдәрн икл гидг байр чамд өгнөв гиж келсн болад һаңһад һарад одна.

Баахн залун өрчд урднь үзгдэд уга, нарн мет маңдлсн герлтэ ик хүв төрөд, орчлңгин сээхнь, залун цуг жирһлинь өмн бээх сээхнь тер күүкнэ хэлэцд цуглрсн болна. Залу эврәннь күлгән күүкнэ мөрэр залад мөрдж довтлад, давсн күүкиг күцэд:

— Орчлң үүдснэс авн мөңк мана һазрин көкргсн көрс түрүн болж көркхнәрн кеерүлсн теркэ сээхлэ тана неритн медж болхий? — гиж, зөрэд сурна.

— Мини перн — Дурн, — гиж, жөөлн, таалмжта, чикнэ хужр эвлж таалсн дууһар сээхлэ хэрү өгнэ. Көвүн байран өрчдән бәрж ядад:

— Күүкн, мини баһ жирһлдм нарн болад маңдлсн, хаврин ноһан теегт бүчрән өөдән өргж урһсн сээхн цецг болгсн иньг минь, чамаг сурсв, гергм бол! Чамд дурлвв! — гиж баахн залу келнэ.

Күүкн, келсн үгинь соңсад, мусхлэж:

— Уулмуд заагт аңһучлж йовад генткн харһсн чини үг яһж итхв? Дурта болхла дуран батлад наңд күнд үүл күцөһэд үзүл, — гинэ.

— Кел, зак, иньг мини, келсичн байрлж күцәнэв, — гиж көвүн күүкнэ даалһвр күләнэ.

— Кемр чи наңд йосндан, үнэр дурлсн болхла, — ода шудтан хэрэд, эн сөөһин бийднь харһсн экиннь зүрк мини өрөһүр авад ир, — гиж күүкн закна.

Көвүнэ зүркнь менрэд, ухань харһһурад одв, болв өрчднь төрсн дурна чиддд диилгдэд:

— Күлэ, закахичн күцәнэв! — гиж, мөрән эргүлэд, эврәннь гер талагшан довтлад һарв.

Сээхн көгшн экинь өмнөснь байрлж тосад:

— Деэд бурхна ниһүр - нилч бээнэ гидг эн. Һаңцхн мини хэлэсн көвүһим

налвин өмнө гүрмэс гетлгэд герүрнь авад ирвэ. Теңгрт үүлн цугларж салькн эклжэнэ. Чамаһан зеткрлэ харһад одвзго гиһэд зүркм өвдэд бэв. Ю иднэч? — гиж тагчг уха туңһасн көвүнэннь толһа теврэд эңкрлж сурна. Болв, баахн залу нүднэннь өмн һанцхн эндрк сээхлэ үзж, чикндэн жөөлн дууһинь соңсж, "дурта болхла — дураһ батлж үзүл", гиж келсн үгинь сани, шурд гиж ормасн босад, хурц ут утхарн экиннь өрч шааһад, зүркинь керчэд авн һазаран һарна.

Һаза харңһу хар сө. Оһтһу цэклэд, хур шаргад асхад бээнэ. Залу адһж мөрән унад, өдрэ үзсн өргө талагшан, келсн күүкнәннь сурсиг күцэсэн үзүлхэр, нүд чичм харңһуһар, уулин чагчмин иргэр довлана.

Генткн сөөһин харңһуд:

— Кукн минь, болһа! — гиж келсн экиннь зүркнэ ду соңсад, мөрнэсн залу бууһад, хойр - һурв алхад маляннь ишэр өмнән һазр хатхад хэлэнэ. Дорнь йорал уга гүн аңһайг нүкн бээж.

"Экин зүркн иим бээжл", — гиж келэд, гейүрж ууляд, эврәннь һарһсн ик киланцэн яһж тэвүлхв гиж зовад, баахн залу тер гүн аңһайгд һэрэдж унад үкхэр шиидж өөрднэ.

"Арһуд, кукн минь, зовлң деерм зовлңг бичэ нем. Чи бийчн байрта хүвтэ жирһхлэ — мини сакусңд сән болх!" — гиж түңгшсн экиннь зүркнэ ду соңсад, көвүн тамин амнас хооран һарна. Тер цагас авн ода күртл, гейүрэд уульсн залуһин дун шуукрсн салькна дуунд соңсгдж, теңгрэс асхрсн хурин усар нульмсын һазрт ундгж гинэ.

1959 ж.

ХУРЦ УХАТА, ХУРДН КЕЛТЭ ЭРДНЬ ӨВГН

(Моңһл туулин утхар)

Кезэнэ бээж. Цеңкр уснаннь дольгаһар көвөһән цоксн Орхн холин көвэд көкрсн сээхн теңгр дор, көрстэ элвг һазр деер, туужин утд туурсн Моңһлин орн - нутгд, керсү хурц ухаһарн нертэ болсн угата көгшн өвгн Эрднэ эмгтөһән хоюрн түрү - зүдү үзэд олн жилд бээж.

Тер кемд Моңһлин цаһан хан Дамб болн Китдин шар хан Замб хойр хоорндан, олһа хурдн керсу цецн ухата залу кенэ алвта бээдгинь олхар марһа кенэ.

Долан - долан дөчн йисн хонгт жойр хаани алвтас цуглуулсн миңһн цецн өвгд хааудин тэвсн сурврмуд, тээлвртэ туульмудт хэрү өгч чадлго ярһчин сүкэс цаажла харһж толһа уга үлднэ.

Моңһлин цаһан хан Дамб, Орхн холин көвэд ухаһарн нарт делкэд туурсн угата хөөч өвгн Эрднэ бээдгж гисн зэңг күрнэ. Хаана тээшмүд өдрин бийднэ өвгиг олад, өндр цаһан өргөһүр чирэд авад ирнэ.

Хаана ахлгч тээшнэ Эрднэ өвгнд иигж келдг болна:

— Кемр хойр хаана сурврмудт цецн сән хэрү олад, медел - ухаһан олһа кевэр үзүлхлэ — көгшрсн насндан эврәннь үклэр үкхч, эс тигхлэ энлж, ярһчин күнд цө сүкэс буурл - цаһан толһачн гүрмән үзж күзүнэсн салх.

Түмн цаһан темэнэ нооснас түүж булинь шүүһэд, орчлңгин эрдмтэ гисн урнар делдгдсн өргән алтн шивән өмн Эрднэ өвгн ирэд:

— Шар нарн дор бөөх орчлңгин хаадудас деед бурхни нилч - нийүрэр
йилһрсн кишгтэ хойр хаана зака соңсжанав! — гиж келнэ.

Моңһлин цаһан хан түрүн сурвран игж төвнэ:

— Һазр деер бээдг һурвн холиг нерэд, — гиж.

Хаана эн сурврт түрд гиж ухалад, Эрднь өвгн иим хэрү өгнэ:

— Үксн күүнд нарн хол.

Муурсн мөрнд гер хол.

Өлн күүнд өдрин чилгчнь хол.

Хойр хан хоорндан күүндж өвгнэ хэрүг цецн гиж шииднэ. Китдин
Шар хан Замб, көгшн Эрднин чирэ хэлэж:

— Орчлңгин һурвн цаһаниг нерэд, — гинэ.

Удан ухалл уга, ухананнь гүүнэс Эрднь иим хэрү өгнэ:

— Өсжэх көвүнэ шүдн цаһан.

Көгшржэх залуһин үсн цаһан.

Үксн күүнэ хумхарсн ясн цаһан.

Хойр хан хоорндан күүндж, Эрднин хэрүг олһаа цецнд тоолна. Моңһлин
цаһан хан Дамб иим сурвр төвнэ:

— Орчлңгин һурвн көк өңгтэг нерэд, — гиж.

Эн хаана сурврт Эрднь өвгн иим хэрү өгнэ:

— Мадн деер мануртсн теңгр көк.

Теетг шатсн арһсна утан көк.

Орхн холин усн көк.

Хойр хан эн хэрүг бас олһаа цецнд тоолна. Китдин шар хан Замб:

— Һазр деер бээдг һурвн хурциг нерэд, — гиж эрг - дүрг гиһэд үргләд
одсн Эрднь өвгнд келнэ. Эн сурвртнь Эрднь өвгн түрд гилго даруһнь иим
хэрү өгнэ:

— Өлсжэхин шүдн хурц.

Үкжэхин хэлэц хурц.

Үүлн заагас һарсн нарни толь хурц.

Өвгнэ ухана олһаа хурциг хойр хан өврэд эн хэрүһинь бас эндү утад
тоолна. Моңһлин цаһан хан Дамб иим сурвр төвнэ:

— Орчлңгд һурвн эс бээсиг нерэд, — гинэ.

Эн сурврт невчки зуур ухалад, Эрднь өвгн, мусг - мусг гиж, иим хэрү
өгнэ:

— Теңс деер ора эс бээсмн.

Теңгр тулсн бахнс эс бээсмн.

Уулмуд орасн бүс эс бээсмн.

Тагчгар нег - негнүрн хэлэж хойр хан өвгнэ келсн чик гиж батлна.

Китдин шар хан Замб иим сурвр төвнэ:

— Һурвн иткж болшгог нерэд, — гиж.

Эрднь өвгн эн сурврт иим хэрү өгнэ:

— Ирхиг зогсахв гисиг иткж болшго.

Угатян байжсн зүүд иткж болшго.

Көдөн жирлһ иткж болшго, — гидг.

Китдин шар хан Замб, Моңһлин цаһан хан Дамб:

— Манаһар болхла, цецн үг, — гихлэнь:

— Манаһар болхла, бас тиим, — гиж хан Дамб келнэ.

Моңһлин цаһан хан Дамб иим сурвр төвнэ:

— Орчлцгнн хурвн хурдниг нерэд, — гиж.
Эн сурвртнь Эрднь өвгн түдл уга иим хэрү өгнэ.
— Хаврин салькн теегт хурдн.
Сэн мөрнэ гүүдл хурдн.
Цецн залуһин ухан хурдн, — гидг.
Хаадуд эн хэрүг олмаһад тоолна. Китдин шар хан Замб:
— Орчлцгд хурвн байниг нерэд, — гинэ.
Түрд гиж ухалад Эрднь өвгн иим хэрү өгнэ:
— Эмдин эк — һазр байн.
Олн үртэ бүл байн.
Ик медрлтэ цецн байн, — гидг.
Хойр хан хоорндан, цуг һазр мана, бүлмдн то уга, медрлмдн зах уга
гиж өвгнэ өгсн хэрүг бас цецн хурцд тоолна. Моңһлин цаһан хан Дамб
иим сурвр тэвнэ:
— Орчлцгд хурвн өндр - өргн, күцж болшгог нерэд, — гинэ.
Тагчг тоолад ухалжаһад, Эрднь өвгн иим хэрү өгнэ:
— Күмни седкл өнр - өргн, күцж болшго.
Күңкөн уха даасн дегтр өндр - өргн, күцж болшго.
Чидлтэ йосна догшнь өндр - өргн, күцж болшго, — гидг.
Хойр хан күүндэд, мана йосна чидл күцж болшгонь лавта үнн гиж,
хэрүг цецнд тоолна. Китдин шар хан Замб иим сурвр тэвнэ:
— Орчлцгд хурвн зах угаг нерэд, — гинэ.
Эрднь өвгн дотран мусхлэж, иим хэрү өгнэ:
— Көк теңгр зах уга.
Күмни ухан зах уга.
Бас күмни муцхг зах уга, — гиж.
Ман хойрин үлмэд бээх эмтнэ муцхгд зах угань үнн гиж хойр хан эн
хэрүг олмаһа цецнд тоолна. Моңһлин цаһан хан Дамб иим сурвр тэвнэ:
— Орчлцгд хурвн догшниг нерэд, — гиж.
Эрднь өвгн эн сурвртнь хэрү зөвэр удан ухалж, зөрэд иигж келнэ:
— Төмр көрөдсн көрэ — төмрт догшн.
Хаанас зака авсн тээш — эгл улст догшн.
Шарлжн заагт бултсн моһа догшн, — гиж.
Хойр хан хоорндан күүндэд нег шиидвр олж ядад, хойр ахлгч тээшэн
дуудна. Хойр тээшинь хоорндан күүндэд, хаадудт, тана зака күцэхлэрн мадн
эмт хармндговдн гинэ. Хаадуд тер учрас өвгнэ өгсн хэрүг бас цецнд тоолна.
Китдин шар Замб хан иим сурвр тэвнэ:
— Орчлцгд хурвн бив гисн деегүриг нерэд, — гинэ.
Эрднь өвгн эн сурврт иим хэрү өгнэ:
— Уулин орад урһсн модн деегүр.
Тохмта бүлэс һарсн бер деегүр.
Сэн нохата мал деегүр, — гиж.
Эн хэрүг хойр хан үг угаһар олмаһад тоолна. Моңһлин цаһан хан Дамб
иим сурвр тэвдг болна:
— Орчлцгд хурвн болшгог нерэд, — гиж.
Эрднь өвгн игж хэрү өгнэ:
— Нег модн түлэн болшго.
Нег күүнэс жирһл төрүлж болшго.

Муңхг хан мөцк болшго, — гиж.

Ман хойр мөцк болхвдн гиж хойр хан өвгнэ келсиг цецнд тоолна.

Китдин шар хан Замб:

— Орчлңгд хурвн ирхиг нерэд, — гинэ.

Эрднь өвгн эн сурвртнь иигж хэрү өгнэ:

— Киитн үвлин хөөн хавр ирх.

Күмн удан күлэсн байр ирх.

Күн болһнд үкл ирх, — гиж.

Үнн гиж хаадуд сүл сурвран иигж тэвнэ:

— Орчлңгд хурвн ахлхиг нерэд.

Эн сурвртнь Эрднь өвгн иим хэрү өгнэ:

— Экин үрдэс эрт төрсн эр киистэнь ах.

Ө - шуһу моднд өндрнь ах.

Орчлңгин оln хаадудас ухатань ах.

Хойр хан эн хэрүг чик гигэд, өвгиг хэртхэ гинэ.

Өвгиг өргөһэс харм дару хойр хан хоорндан ман хойрас кень ахлхм гинэ, Китдин шар хан Замб "Би", Моңһлин цаһан хан "Би" — гинэ, керүл һарһад, нег - негэн цоһдэд, цус махан асхад, кесг зун жилмүдт цүүтэ кеж.

Тигжэтльн Моңһлин орн - нутгт цецн гүн ухата Сүк - Баатр, Китдин орн - нутгт гүн ухата Мао Цзе - Дун баатр, орчлңгд күңкөһэрн нер һарч туурсн алдр Ленин баатрас сурһмж авад, оln сай улсан хаадуд, төөшнр, баячудин өмнэс босхад, бэрдэ кеһэд, Моңһл Китд хойр орн - нутгиг мөцк сээхн хүвтэ, ни - төвкнүн жирһлүр күргж гинэ.

Хурц хурдн олһа келтэ, цецн гүн ухата, үкл уга Эрднь өвгн мана цаг күртл оlnа зүркнд эмд бээһэд, оlnи сэ күцсн зүткһнд тусан күргэд, амулңд меңд бээдгж гиж келгддг болна.

1959 ж.

18 марта в Яшкульской средней школе № 1 состоялся литературно - художественный вечер, посвященный юбилею Д. Н. Кутультинова.

Ученики читали стихи Д. Н. Кутультинова, рассказали о жизни и творчестве народного поэта. На встрече выступили поэты Э. Эльдышев и И. Бадма - Халгаев, которые говорили о выдающемся вкладе Д. Н. Кутультинова в развитие калмыцкой и мировой литературы, прочитали его стихи.

Во встрече приняли участие и выступили учителя, библиотекари, директор школы Е. К. Хагышева.

Вечер был подготовлен учителем калмыцкого языка и литературы А. В. Оргаевой.

Сказка о славном юноше Маньвархане и прелестноликой Венчике Небесного Лотоса

У подножия высокой горы Манхган, в благоуханной долине реки Шильте-Зандан, несущей в своих водах жемчуга и кораллы, вокруг озера Шикир-Лу расположена обетованная страна Бумба¹.

Счастливым народ Бумбы вот уже тысячу лет не знал войны и, достигнув изобилия во всем, жил в постоянной радости, ничего не деля на «мое» и «твое».

Пятисот мудрейших белобородых старцев страны, восседавших на широких ширдыках² почета, правили течением жизни. Последнее слово при решении важных дел принадлежало пятисотлетнему ясновидящему старцу Цецену, ибо только он один мог читать Сокровенную книгу судеб и обладал тайнами волшебства.

С восходом солнца все мужчины страны уезжали в степи — перегонять скот на новые пастбища или в леса — на охоту за диким зверем, посостязаться в силе, ловкости, храбрости. В селениях оставались только многоопытные старики, учившие детей тому, как быть счастливым, да женщины, занимавшиеся домашними делами.

С наступлением сумерек на окраинах селений раздавались призывные звуки трубы — бюшкюры. Обрадованные юноши, быстро вскочив на лошадей, торопились на надан — игрище, где девушки пели волнующие песни любви, юноши вихрем взлетали в воздух, подобно вспугнутому тушканчику, в такт мелодиям страстной домбры. А взрослые мужи вечерами собирались у костров и с великим наслаждением слушали вдохновенные песни певцов — джангарчи³ о ратных подвигах предков.

Все реки и моря, долины и горы принадлежали народу. И только на берегах священного озера Шикир-Лу с незапамятных времен не ступала нога человека. Закон запрещал это. Никто из жителей страны Бумба не видел Шикир-Лу, ибо каждый знал, что узревший его будет несчащен на всю жизнь.

Но однажды строгий запрет был нарушен. И вот как это случилось. Жил в стране Бумба юноша, по имени Маньвархан. Он был так

---

¹ Бумба—волшебная страна.

² Ширдык—кошма.

³ Джангарчи — певцы, исполнители калмыцкого героического эпоса «Джангар»

хорош, что уже четвертый год девушки не выходили замуж, мысленно избирая в супруги Маньвархана. Старухи, говорят, целыми днями сидели молча, вспоминая свои восемнадцать лет и вздыхая: «Ах, почему этот юноша не встретился мне тогда!»

Лик Маньвархана излучал сияние алмаза эрдени, а могучее тело его вобрало силу всех двенадцати времен года. Он был так умен, что постиг мудрость девятина девяти наук о сущности бытия. Удача сопутствовала ему.

Как-то раз Маньвархан вышел на охоту. Он догонял все, что видели его глаза. Вдруг из-под куста выскочил заяц. Только Маньвархан стал наступать зайца — выскочила золотистая лиса. Юноша погнался за лисой — выскочил дымчато-серый волк. Он погнался за волком. Стал наступать волка — выскочил из лесу марал. Он стал наступать марала — открылось перед ним изумительное озеро Шикир-Лу. Вода его была настолько прозрачна и чиста, что можно было сосчитать мельчайшие песчинки на гладком дне. Высокие бамбуковые камыши шепотом передавали друг другу новость: на берегу появился человек. Эту новость услышали волны и понесли глубинным водам.

Маньвархан, затаив дыхание, глядел на несказанную красоту озера, любовался разбегом стеблей великолепных лилий и лепестками белых лотосов.

Голубые воды озера благоухали запахами весенних цветов. Завороженный Маньвархан, вместо того чтобы бежать обратно к людям, забыв о строжайшем запрете, подошел вплотную к воде с единственным желанием вкушать ее сладость. В это время он услышал чудесное пение. Дивный хор пел, казалось, где-то над ним. Маньвархан поднял свой взор вверх:

по светлому поднебесью величаво плыли три серебристо-белых лебедя, словно три перистых облака. Они сделали небольшой полукруг над озером и стали плавно опускаться на берег. Коснувшись земли, лебеди взмахнули крыльями и превратились в трех девушек-красавиц. Оставив на берегу свои лебединые одеяния, девушки вошли в воды озера.

Цвет их волос был похож на цвет солнца, цвет глаз — на небо, цвет кожи — на цвет коры юной березы. Когда они смеялись, их нежные голоса напоминали звон колокольчиков или звон ручейка, падающего со скалы.

«Откуда эти девушки? — думал Маньвархан. — Из какой страны они прилетели?» Чем дольше смотрел на них юноша, тем яснее чувствовал, что отныне в его жизни наступает новая пора — пора, полная тревог и радостей.

Искупавшись, девушки вышли на берег, снова превратились в лебедей и, прощально взмахнув крыльями, улетели в сторону заката.

Только после того как солнце зашло за горизонт и наступили сумерки, Маньвархан вспомнил, что нужно возвращаться домой. Он удивился этому. Ему казалось, будто он вечно стоял на берегу изумительного озера, наблюдая за купанием девушек-лебедей.

Он нехотя пошел домой.

Угрюмым молчанием встретил Маньвархана тихий весенний вечер. Яркие звезды, как прежде, сияли на низком небе, но не слышалось волнующего пения девушек, не слышался рокот домбры. Кто-то видел

днем, как Маньвархан, увлекшись погоней за маралом, переступил запретную черту. Весь народ был встревожен известием: впервые за много сот лет в стране появился обреченный. Закон Бумбы гласил: тот, кто видел священное озеро, изгоняется из родного края—он не должен смущать умы людей рассказами о недоступном человеку.

Маньвархан же был весел. Ему казалось, что солнце перебралось в его грудь и оттого так светло на душе. Нарушая вечернюю тишину и траур скорбящей о нем страны, он запел могучим голосом ликующую песнь о своем счастье, о синих, как небо, глазах, о волосах золотистого цвета, о любви.

— Ты жив, родной мой! Жив!—встретила его мать со слезами и, словно не веря себе, оглядела с ног до головы.

Мать знала: последнюю ночь спит ее сын под родным кровом. Утром ясновидящий Цецен прочитает перед всем народом приговор Совета Мудрейших, и не станет у нее сына. Скорбной тенью он будет скитаться по белому свету, без друзей, без родины, проклиная час своего рождения, и негде будет ему приклонить свою голову. С восходом солнца мать должна была повести сына на Суд Старейшин.

Ночь в стране прошла беспокойно. Во всей Бумбе, безмятежно улыбаясь, спал только один человек: Маньвархан. Во всех кибитках был слышен взволнованный шепот девушек и женщин. Они думали-гадали, как спасти Маньвархана. «Пусть лучше солнце померкнет,—говорили они,—только бы Маньвархан остался среди нас. Лучи, исходящие от лика Маньвархана, дарят нам счастье, в то время как солнце дает нам лишь свет и тепло».

Ясновидящий мудрец Цецен, как только получил весть о нарушении запрета юношей по имени Маньвархан, вошел в Кибитку Размышлений и погрузился в думы. Следуя в глубь веков по родословной юноши, он установил, что Маньвархан—его потомок в двадцать пятом колене. Это открытие заставило старика торопливо подняться с места и дрожащими руками извлечь Сокровенную книгу судеб, взглянуть на таинственные знаки. Они гласили, что его, Цецена, сменит юноша по имени Маньвархан. С именем этого юноши начнется родство сынов земли и дочерей далекой звезды Алтан.

— Как совершится это родство?—спросил у железных страниц Сокровенной книги изумленный Цецен, почтительно опускаясь на колени и вздымая высохшие желтые руки.

Все силы своего немощного тела он превратил во внимание. В совершенной тиши синеватого полумрака Кибитки Размышлений явственно послышался торопливый бег мгновений, невнятный шелест сменяющихся веков, медленные сдвиги тяжелых пластов тысячелетий.

— Как же совершится это родство?—еще раз тихо, но настойчиво спросил Цецен.

Книга ответила:

«У южного мыса озера Шикир-Лу растут три высокие ветвистые сосны. Под средним деревом хранится волшебная салма—аркан, обладающий свойством задерживать все, чего коснется. Она свита из нежного пуха золотого верблюжонка; и ею, когда настанет срок, овладеет юноша Маньвархан. Он женится на средней из трех девушек-лебедей».

После этого необыкновенного откровения Цецен не смог уснуть и пробродствовал до утра.

К восходу народ страны Бумба стал стекаться со всех концов к се-
мибашенному дворцу Совета Мудрейших. Широкая площадь перед
дворцом почернела от людей.

Все ждали. Тихо открылась дверь Кибитки Размышлений, плавно
поднялся шелковый полог, и вышел оттуда, держа в руках Сокровен-
ную книгу судеб, ясновидящий Цецен. Он поклонился народу до земли
и сказал:

— Великий запрет нарушен юношей Маньварханом.

— Поступить согласно закону!—не дав договорить Цецену, зло вык-
рикнул мужчина, выбежавший из толпы. Он был зол на Маньвархана.

— Если будет изгнан Маньвархан, все девушки и женщины покинут
Бумбу—такое наше твердое решение!—воскликнули три девушки,
вышедшие из рядов женщин.

— Мы не хотим ухода своих жен и сестер!—закричали мужчины,
потрясая кнутовищами.

Ясновидящий Цецен поднял руки. Тревожный гул на площади стал
постепенно стихать.

— Сокровенная книга судеб,—сказал он в наступившей тишине,—
предсказывает необыкновенное будущее сыну нашей страны—юноше
Маньвархану. Он останется в стране!

Услышав столь неожиданное решение Совета Мудрейших из уст
высокоотчимого Цецена, народ облегченно вздохнул и благоговейно опу-
стился перед ним на колени.

— Я скоро уйду от вас в другой мир,—продолжал Цецен,—и Со-
кровенная книга судеб будет передана в руки юноше Маньвархану, ибо
только ему одному из смертных дано постичь таинственные знаки все-
ведущей книги...

— Да будет так!

— Слава мудрому Цецену!

— Слава Маньвархану!—кричал восторженно народ. А Маньвар-
хан, не шелохнувшись, стоял на месте. Радостная улыбка озаряла его
лицо. Взор был устремлен на небо. Он видел перед собою девушек-
лебедей—глаза, похожие на лазурь, волосы, похожие на солнце,—слы-
шал чудесное пение и веселый плеск серебристых волн, ударявшихся о
белые плечи красавиц. Он не понимал того, что происходило вокруг.
Юноша жил в другом мире—в мире мечты.

— Маньвархан,—окликнула его счастливая мать. Сын повернулся к
ней.

— Теперь ты равный в Совете Мудрейших,—сказала мать и повела
его к ясновидящему Цецену.

— Садись, сын мой,—с уважением пригласил Маньвархана Цецен.—
Я счастлив сообщить тебе великую радость: средняя из трех девушек-
лебедей, купающихся в священном озере Шикир-Лу, станет твоей же-
ной,—сказал мудрец, почтительно кланяясь Маньвархану.

Он рассказал о том, что поведала ему в эту ночь Сокровенная книга
судеб.

— Можно ли мне сейчас же идти за волшебной салмой?—спросил
Маньвархан, поднимаясь с места.

— Иди!—благословил его Цецен.

Маньвархан мгновенно оказался у южного мыса Шикир-Лу, где
росли три высокие ветвистые сосны. Под корнем средней он обнару-

жил сундук из сандалового дерева, обитый серебряными гвоздями. В нем лежала волшебная салма, свитая из нежного пуха золотого верблюдонка.

Священное озеро Шикир-Лу было беспокойно, серебристые волны тревожно бились о берег.

Маньвархан пришел на берег озера, вошел в густые заросли камыша, с нетерпением стал ждать появления девушек-лебедей. Когда солнце поднялось к полудню, в небе послышалось знакомое пение. Три лебеди, будто три перистых облака, стали тихо опускаться на берег. Они сбросили свои одеяния, преобразились в девушек и молчаливо, оглядываясь друг на друга, настороженно вошли в воду.

— Что-то не хочется мне сегодня купаться,—грустно сказала средняя сестра, не решаясь отойти от берега.

— Для чего же мы тогда столько летели?—спросила старшая сестра, тоже не решаясь отойти от берега.

— Лучи солнца так жгучи в вышине! Купайся!—пригласила младшая сестра.

Глядя на купание трех сестер, Маньвархан чуть не забыл о своей волшебной салме. Только тогда, когда девушки, закончив купание, стали подплывать к берегу, он вспомнил Цецена. Старательно набрал он в свои легкие воздуха и нырнул в сторону девушек. В зеленовато-желтой прозрачной воде он увидел над собой три гибкие фигуры плывущих сестер.

— В воде плавает чудовище!—воскликнула старшая сестра и быстро стала выходить из воды.

Кончиком указательного пальца она коснулась своего волшебного одеяния и превратилась в лебедя.

На одну четверть не достигла берега средняя сестра—ее ноги коснулась салма Маньвархана.

Она пыталась вырваться, но нежная салма, обвивая ее с ног до головы, превратилась в красивый шелковый наряд земной девушки. Два лебедя в тоске кружили над ними. Светлые слезы лебедей падали на землю каплями дождя.

— Отпусти меня, чудовище!—плача и дрожа от страха, закричала девушка.

— Я не чудовище, я человек, я люблю тебя!—тихо произнес Маньвархан, готовый отпустить девушку.—Я ждал тебя всю жизнь. Посмотри на меня,—сказал он, слегка касаясь ее локтя пальцами.

Услышав голос, в котором звучало столько ласки, веры, надежды, девушка невольно взглянула на Маньвархана... и замерла. Ей казалось, что она давно знакома с этим юношей. Не однажды он приходил к ней во сне и она взволнованно слушала его ласковые речи. Она не знала, откуда он, куда зовет, но была счастлива при мысли уйти с ним куда угодно. И вот этот юноша стоял перед нею: ясноликий, долгожданный.

— Меня зовут Маньварханом. Как зовут тебя, скажи мне, любимая!—говорил юноша, глядя в лучистые голубые очи красавицы.

Она опустила длинные ресницы, как бы боясь того, что юноша прочтает ее заветные, сокровенные мысли.

— Я отпущу тебя, лишь прикажи!—прошептал Маньвархан, прижимая ее маленькие белые руки к своей мощной груди.

— Зовут меня Венчик Небесного Лотоса,—ответила девушка неж-

ным голосом,—и отпускать меня, если можно, не надо,—сказала она, краснея.

Маньвархан, как пушинку, поднял на руки Венчика Небесного Лотоса и бережно понес домой.

Народ страны Бумба во главе с Советом Мудрейших встречал их у подножия горы Манхган, на живописном берегу шумной реки, несущей в своих водах жемчуга и кораллы.

Пятисотлетний мудрец Цецен под всеобщий гул одобрения принес свой знаменитый йорел¹, который с тех дней до сих пор повторяется калмыками.

Он сказал:

— Да будет вечной ваша любовь, ибо любовь—солнце нашей жизни. Да будут вечно счастливы дети и внуки ваши, ибо человек рождается для счастья. Да будет непоколебимой Бумба, ибо радость народа—в благодеянии отечества.

— Да будет так!—отвечал дружным хором ликующий народ.

Так поженились славный сын земли Маньвархан и прекрасная дочь далекой звезды Алтан—Венчик Небесного Лотоса. Семью семь—сорок девять дней праздновал народ Бумбы великую свадьбу. Семью семь—сорок девять дней слышались веселые песни шумных пиров.

По совету ясновидящего Цецена народ Бумбы соорудил для молодых высокий дворец, который был всего на три пальца ниже небесного купола. Дворец был так красив, а золотые башни так сверкали, что иные путники не могли определить, отчего так ярок день: оттого ли, что солнце светит в небе, или оттого, что есть на земле дворец славного Маньвархана.

Каждый день, с утра, Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса сидели на коней и уезжали в степь. Пролетит ли над ними птица или свистнет над порою суслик—Венчик Небесного Лотоса поднимала указательный палец и спрашивала:

— А что это?

Она вслушивалась во все степные шорохи, все хотела знать, ко всему относилась восторженно.

— Не соскучилась ли по дому?—иногда спрашивал Маньвархан.

— Дома нет моего Маньвархана!—улыбаясь, отвечала Венчик Небесного Лотоса.

— Недавно я хотел вспомнить свою жизнь до встречи с тобой и не смог. Будто я не жил,—признался как-то Маньвархан.

— Вся наша жизнь—путь к счастью,—слегка задумавшись, отвечала на признание Маньвархана Венчик Небесного Лотоса.

Но недолгим было счастье Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса.

Однажды, возвращаясь с озера Шикир-Лу, они увидели на башнях дворца Совета Мудрейших развевающиеся черные знамена войны. Впервые за последнее тысячелетие тишина Бумбы была нарушена звуками военных труб.

Глашатаи мчались из конца в конец страны, созывая всех, кто способен носить оружие, на защиту отечества. Под боевыми знаменами собрались воины, облаченные в стальные и медные доспехи. На Бумбу

---

¹ Йорел—благотжелание.

неожиданно напал коварный враг.

Маньвархан застал мать в слезах. Она уже приготовила сыну оружие, вытащила чешуйчатые стальные панцири предков. Меч и копье блестели, ожидая хозяина.

— Сын мой,—говорила мать,—не посрами имени своего! Венчик Небесного Лотоса недоуменно смотрела вокруг. Она не понимала, что все это значит.

— Маньвархан, на какую охоту собираешься?—спросила она своего мужа.

Только тут Маньвархан вспомнил, что ей неведома война.

— Враги напали на нашу родину. Мы должны защищать ее, иначе все мы погибнем,—сказал он.

— Кто же наши враги? Бури, ветры или владыка бурь семиголовый змей Мус?—спросила она.

— Нет,—ответил Маньвархан,—они такие же люди, как мы.

— Они могут убить тебя?—с тревогой спросила Венчик Небесного Лотоса.

— Да,—коротко ответил Маньвархан.

— Что же я им сделала плохого?—в слезах произнесла Венчик Небесного Лотоса.—За что они хотят отнять тебя?

В это время на улице протрубила труба, вызывавшая Маньвархана.

— Матушка,—сказал он, прощаясь с матерью,—больше жизни люблю я Венчика Небесного Лотоса. Берегите ее. Если будет угрожать опасность, дайте ей лебединое одеяние.

Он долго не мог оторваться от своей любимой—она не отпускала его. Второй посыльный еще раз напомнил Маньвархану о походе.

Все мужчины страны Бумба ушли на войну. Столько полков ушло на войну, что дороги на девять локтей¹ опустились ниже. Много месяцев шла кровопролитная битва на границе Бумбы. Имя Маньвархана, овеянное славой первого героя, гремело по стране.

В это время девушки и женщины Бумбы, пользуясь отсутствием Маньвархана, решили отомстить Венчику Небесного Лотоса за то, что, как они говорили, она похитила самого прекрасного юношу вселенной. Они решили убить Венчика Небесного Лотоса. Когда мать Маньвархана узнала об этих коварных замыслах, она стала оберегать невестку, как самое дорогое свое дитя. Свекровь никуда не выпускала Венчика Небесного Лотоса, а на ночь запирала на все замки стальные двери дворца.

Однажды девушки и женщины Бумбы вырыли глубокую яму под стальным дворцом Маньвархана, сбросили туда пять тысяч телег угля и подожгли. Когда дворец накалился и нечем стало дышать, мать Маньвархана вытащила лебединое одеяние Венчика Небесного Лотоса и дала ей, приказав спастись. Коснувшись своей волшебной одежды, девушка снова превратилась в лебедя и вылетела через окно дворца. Она пролетала над головами девушек и женщин, собравшихся у стального дворца.

— Ведьма! Ведьма!—закричали они, заметив над собой пролетающего лебедя.

Венчик Небесного Лотоса видела, как тонкие языки желтоватого пламени, извиваясь, поднимались все выше и выше. Дворец, в котором Венчик Небесного Лотоса познала счастье, рушился на ее глазах. В нем

¹ Локоть—старая мера длины.

страшной смертью погибала та, кто дала жизнь ее любимому, несравненному Маньвархану, — добрая старая мать Маньвархана. Сердце Венчика Небесного Лотоса сжалось от боли и горя, и так она заплакала, что слезы ливнем залили землю. Потоки слез Венчика Небесного Лотоса погасили пылающие угли и охладили раскаленный дворец. Мать Маньвархана была спасена.

Венчик Небесного Лотоса решила вернуться к своим родным. Крылья поднимали ее вверх, но неодолимая сила тянула ее вниз, на землю. Она хотела передать свои последние слова Маньвархану и опустилась у Кибитки Размышлений, где вот уже несколько дней сидел мудрейший Цецен, погруженный в думы. Он размышлял о будущем своей отчизны. Страна, которая совсем недавно благоденствовала, была разорена. Обмелели озера и реки. Венчик Небесного Лотоса вынуждена была несколько раз дернуть за полу халата Цецена, чтобы вывести его из состояния размышления.

— Мудрейший Цецен, — сказала она, — я покидаю эти края. Передайте моему возлюбленному Маньвархану, что без него не будет мне счастья. Но нельзя оставаться здесь. Пусть не забывает меня мой Маньвархан. Передайте ему вот это кольцо со священным черным камнем эрдени. Душа моя будет всегда черна, как этот камень, от тоски. Скажите ему, чтобы не искал меня, ибо он, найдя меня, потеряет жизнь.

С этими словами она вышла из Кибитки Размышлений и улетела.

Войска страны Бумба под водительством славного, бесстрашного Маньвархана, победив врага, возвращались домой. Последний недруг Бумбы был покорен, и теперь никто не угрожал великой державе.

Воины ликовали, предчувствуя радостные встречи. Маньвархану казалось, что пешком он быстрее добежал бы до своего стального дворца, в котором ожидала его прелестноликая Венчик Небесного Лотоса. С песнями под звуки победных труб по зеленым лугам весело мчались домой воины-победители. Достигнув горы Манхган, где обычно проводились торжества, воины были удивлены тем, что никто не вышел встречать их. Холодно и неуютно стало на душе у всех. Воины увидели на каждой кибитке вывешенное древко печали. У семибашенного дворца Совета Мудрейших лежал доживавший последние дни старик Цецен. Он сказал, что враги напали с другой стороны, опустошили землю, разрушили дворец Маньвархана и убили Венчика Небесного Лотоса.

Чернее черной тучи молча стоял Маньвархан.

— Где они, враги? — глухо спросил он Цецена. Цецен молчал.

— Где они? — еще раз спросил Маньвархан, поднимая Цецена. Цецен молчал.

— Мудрейший! Мы тебе доверили страну. Как же ты допустил это? — произнес Маньвархан, опуская старца на землю.

Женщины и девушки страны Бумба, проходившие мимо, опускали долу взгляды, стыдясь своего поступка. Мать Маньвархана беззвучно вытирала катившиеся слезы.

Маньвархан вскочил на своего коня и ускакал в степь. Обуянный великим горем, он один оплакивал его в пустыне. Люди и звери содрогались, слыша его неутешный плач. Реки и озера наполнились слезами Маньвархана, и с тех пор вода стала впервые соленой в морях и океанах. Так тяжело вздыхал Маньвархан, что вздохи его бурей прокатывались над землей, срывая с деревьев листья.

— Как же я не уберег тебя, Венчик Небесного Лотоса!—говорил Маньвархан, проливая горькие слезы.

Долго скитался Маньвархан по степям и пустыням. Вдруг он увидел коршуна, который распростер свои крылья над гнездом с птенцами жаворонка.

— Чем ты, коршун, занят?—спросил его Маньвархан. Коршун отвечал:

— Да вот мать улетела в поисках корма, а я оберегаю птенцов от палящих лучей солнца.

Отъехав на некоторое расстояние, Маньвархан обернулся и увидел, как коршун поедает птенцов. «Оказывается, на свете существует ложь»,—подумал Маньвархан.

На другой день он увидел пролетающую ворону, которая несла в когтях рака.

— Для чего ты несешь рака?—спросил у вороны Маньвархан.

Смутившись, ворона отвечала:

— Переносу его с грязного болотца в чистое озеро.

Отъехал Маньвархан немного, а потом обернулся и увидел, как ворона расклевывает рака. «Значит, на свете много лжи»,—подумал Маньвархан.

На третий день Маньвархан проезжал мимо одного озера и увидел людей, которые тянули невод.

— Что вы делаете?—спросил людей Маньвархан. Люди ответили:

— Озеро от тины очищаем, чтобы рыбам просторнее было плавать.

Отъехал Маньвархан, а потом обернулся и увидел, как люди вытаскивали из невода рыбу. «Значит, на свете очень много лжи,—подумал Маньвархан.—А вдруг Цецен сказал мне неправду?.. А вдруг Венчик Небесного Лотоса жива?»—подумал он тут же, и эта мысль целиком овладела им. Маньвархан видел перед собой образ дорогой матери в час прощания, вспомнил свою последнюю просьбу беречь Венчика Небесного Лотоса. Он на мгновение представил, как мать передает Венчику Небесного Лотоса ее лебединое одеяние.

После многих дней скитаний Маньвархан повернул своего коня в сторону родного селения.

В это время у кибитки умирающего Цецена собрались все девушки и женщины страны и вместе с матерью Маньвархана молили его возвратить Маньвархана. Они глубоко раскаивались в своем злом поступке.

— Я вижу, как Маньвархан возвращается домой,—сказал слабым голосом Цецен,—но горе его сделалось еще глубже, ибо он узнал о существовании лжи. Сейчас он должен прибыть сюда.

Обернувшись, женщины и девушки увидели всадника, который спускался с зеленого холма на исхудавшем и уставшем коне. Маньвархана нельзя было узнать. От прежнего цветущего юноши остались кости и кожа. Лишь глаза светились по-прежнему. Он слез с коня и пошел к Цецену.

— Я усомнился в твоих словах, старик,—хмуро сказал Маньвархан.

— Ты видел коршуна, ворону и рыбаков, которые тебе солгали,—отвечал ему Цецен.—Но почему они солгали? Ведь им легче было бы правду сказать. Ты подумал об этом? Но от их правды тебе не было бы

легче. Они солгали, чтобы ты чувствовал себя лучше: Добра тебе желали. Значит, чего больше в мире: добра или зла?.. Перенеси меня в кибитку,—попросил Цецен Маньвархана.

В синеватом полумраке Кибитки Размышлений Цецен передал в руки Маньвархану Сокровенную книгу судеб.

— Я сейчас усну,—еле слышно сказал ясновидящий,—а Венчик Небесного Лотоса жива. Вот кольцо, которое она передала для тебя... Когда я усну, ты трижды оклихни меня и, если не отзовусь, выйди на улицу. Там тебя будет ждать крылатый волшебный конь. Садись на этого коня, и он поможет тебе найти Венчика Небесного Лотоса.

Старик умолк. Сомкнулись желтые веки. Маньвархан трижды окликнул Цецена. Он не отвечал.

Весть о том, что Венчик Небесного Лотоса жива, вмиг преобразила Маньвархана. Будто солнце осветило его мрачную душу. Он поклялся найти Венчика Небесного Лотоса, только бы она была жива. Выполняя повеление Цецена, Маньвархан вышел на улицу. На привязи гарцевал золотистый крылатый конь. Конь бил о землю твердыми, словно камни, копытами и высекал искры. Он наклонял стройную журавлиную шею с густой шелковистой гривой вправо и касался пушистой челкой серебряной дужки стремени правой ноги, наклонял влево—касался серебряной дужки стремени левой ноги. Могучая крутая грудь говорила о выносливости коня, стремительно вытянутый корпус говорил о быстроте, острые бархатные уши говорили о чуткости, сверкающие глаза говорили о зоркости.

Нежными хлопьями ваты падала на землю розовато-белая пена. Только коснулся стремени, только вскочил в седло, только слегка натянул Маньвархан золотые поводья—волшебный конь, словно тушканчик, вспрыгнул и плавно стал подниматься в небеса. Его могучие крылья подобно веслам разгребали прозрачную синь воздуха. Под ними мелькали голубые реки и высокие горы, темные леса, моря и океаны. Они неслись в сторону заката солнца, откуда прилетали сестры-лебеди купаться в священных водах Шикир-Лу.

Много дней летел Маньвархан. Однажды на вершине белого кургана он увидел сайгак, который наблюдал за ним. Маньвархан опустился ниже и обратился к сайгаку:

— У тебя точеные ноги, которые быстрее ветра. У тебя несравненные всевидящие глаза. У тебя гордый орлиный нос. Ты похож на владыку птиц, царицу воздуха. Может, ты так же тоскуешь в поисках любимой, как я? О прекрасный, помоги мне! Не видел ли ты мою жену—Венчика Небесного Лотоса?

Польщенный сайгак ответил:

— Недавно она пролетала здесь. Мне показалось, что недалеко оталось ей лететь. Она полетела в сторону заката.

Маньвархан выслушал его и продолжал свой путь в том направлении, какое указал сайгак. Летел он, летел и через день пути увидел огненные ворота. Волшебный золотисто-рыжий конь взмахнул всеми крыльями, рванулся вверх, и Маньвархан оказался за воротами. Перед ним расстилались голубые просторы. Вдали виднелись отроги небесных гор. Голубые травы были нежны и благоуханны. Повсюду цвели яркие цветы.

Маньвархан решил дать отдых коню и себе. Снял седло, стреножил

золотисто-рыжего и пустил пастись. Сам он положил голову на подушку седла и вздремнул. В это время с запада показалось восходящее солнце. Только стал засыпать Маньвархан, как до его уха донесся плеск воды. Открыв глаза, он увидел девушку, которая с восхищением смотрела на него, держа на плечах кувшин с водой. Она впервые видела такого красивого юношу. Лицо Маньвархана излучало свет благородного камня эрдени, на лбу отражалась мудрость девятина девяти наук о сущности бытия, в могучих руках чувствовалась мощь всех двенадцати времен года. «В какой стране, какая мать родила его? Какая счастливая, в какой стране любима этим прекрасным витязем?»—думала девушка. Позабыв свои дела, она простояла у колодца очень долго, но, спохватившись, торопливо убежала домой. Потом девушка с кувшином снова пришла к колодцу и, как в первый раз, простояла, любуясь Маньварханом, до вечера.

Маньвархан спросил девушку:

— Ты пришла утром и простояла здесь до обеда. Пришла после обеда и простояла здесь до вечера. Кто ты и куда ты носишь воду?

Услышав голос Маньвархана, девушка потеряла дар речи, потом, оправившись, смущенно ответила:

— Вернулась дочь нашего повелителя, прекрасная Венчик Небесного Лотоса, и вот уже несколько дней мы отмываем ее после долгой дороги.

— Как же вы это делаете?—спросил Маньвархан, скрывая свою несказанную радость.

— Я тонкой струйкой лью из кувшина воду на одно и то же место, пока оно не отмоется,—отвечала девушка.

— Это делается не так,—сказал Маньвархан с видом знающего человека,—правда, сначала нужно лить тонкой струйкой, но под конец всю воду нужно выплеснуть сразу. Дай-ка кувшин, я тебе зачерпну,—предложил он свои услуги.

Девушка охотно отдала свой кувшин. Маньвархан зачерпнул воды и незаметно для нее опустил в кувшин кольцо Венчика Небесного Лотоса. Девушка поблагодарила Маньвархана и ушла во дворец.

Она стала мыть свою хозяйку так, как учил Маньвархан. Сначала лила воду тонкой струйкой, потом выплеснула всю сразу. Из кувшина выпало кольцо с черным камнем эрдени. Лицо Венчика Небесного Лотоса озарилось неописуемой радостью. Она вскочила с места и, взволнованно пожимая руки своей служанки, плача и смеясь, спросила:

— Ты его видела? Скажи, он там?

— Да,—ответила девушка.—Я не думала, что могут быть такие красивые юноши! Он сейчас у колодца.

— Приведи его сюда, да чтобы никто не видел,—попросила Венчик Небесного Лотоса.

Пока шел этот разговор между двумя молодыми женщинами, голубые сумерки вечера сменились синей ночью.

Служанка Венчика Небесного Лотоса с радостью побежала исполнять приказание своей госпожи. Она незаметно провела Маньвархана в покои хозяйки.

— Никуда я теперь тебя не отпущу!—плача, шептала Венчик Небесного Лотоса.

— Любимая,—говорил в ответ Маньвархан,—когда я узнал, что ты жива, я поклялся: хоть умереть, но найти тебя!

Так, позабыв обо всех печалях на свете, они проговорили до утра. Каждый из них говорил о своей любви, и она была светла, как солнце, беспредельна, как вселенная. Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса казалось, что страшное горе не омрачало их счастливую жизнь.

Утром Венчик Небесного Лотоса сказала со слезами на глазах:

— Милый мой, родители очень сердиты на тебя за то, что ты задержал меня. Они тебе никогда не простят этого и не благословят нас.

— Тогда улетим обратно!—горячо сказал Маньвархан.

— Нет,—подумав, ответила Венчик Небесного Лотоса,—я поговорю с отцом и матерью. Может, мне удастся уговорить их. Если они не простят тебя, я согласна бежать с тобой даже под землю!

Пошла Венчик Небесного Лотоса к родителям и сказала:

— Милый мой отец, милая моя мать, я вас очень люблю и очень скучала без вас, но я несчастлива здесь!

— Родная моя, что с тобой?—взволнованно спросил отец.

— Скажи, что мешает быть тебе счастливой?—с тревогой спросила мать.

— Как бы вы поступили,—отвечала им дочь,—если бы вдруг явился мой муж, без которого мне жизнь не мила?

— Слишком тяжка его вина перед нами, чтобы простить,—сказал отец.

— Он столько горя нам принес, едва ли можно простить,—несмело сказала мать.

— Разве он виновен в том, что полюбил меня?—грустно начала говорить Венчик Небесного Лотоса.—А сам он, Маньвархан, так хорош, что не полюбить его нельзя. Лицо его излучает нетленный свет благородного камня зрдени, на лбу отражается мудрость девяности девяти наук о сущности бытия, его могучие руки вобрали мощь двенадцати времен года. Когда я сплю, сияние его красоты делает счастливым сновидение; когда я бодрствую, его присутствие делает мою жизнь светлой. Простите его!

— Если он так хорош, как говоришь ты, прежде чем принять решение, надо подумать,—сказал отец.

— Ваша правда,—согласилась мать.

— Вы его сегодня увидите!—решительно сказала Венчик Небесного Лотоса и ушла.

...Мать и отец видели, что дочь их вернулась совсем другой. Они заметили ее постоянную грусть и задумчивость.

Поговорив между собой, родители Венчика Небесного Лотоса решили убить Маньвархана, ибо он причинил им слишком много горя. К тому же, рассуждали они, пока он жив, дочь все время будет думать о нем.

А Венчик Небесного Лотоса велела Маньвархану оседлать своего золотисто-рыжего и промчаться под окнами дворца, чтобы ее родители посмотрели на него. Отец Венчика Небесного Лотоса незаметно приготовил свой длинный меч и стал ждать появления Маньвархана.

Вдруг раздался свист летящей стрелы, и мимо окна промчался Маньвархан. Старик взмахнул мечом, но на три пальца не достал до хвоста коня. Однако он успел заметить все достоинства зятя. Мать Венчика Небесного Лотоса была очарована Маньварханом.

— Мне он понравился,—сказал отец.

— Я рада за тебя,—сказала мать.

— Я увидел его ум и красоту, но мощь и отвагу нужно еще испытать,—добавил отец.

— Где ум и красота, там должны быть и отвага и мощь,—слабо возразила мать.

Родители попросили дочь, чтобы она привела Маньвархана к ним. Маньвархан надел свое лучшее платье и явился во дворец.

После того как они побеседовали и узнали друг друга, отец сказал:

— Звездочеты и прорицатели моей державы установили, что там, где солнце садится за горизонт, растет ветвистое черное дерево. На нем—гнездо семиглавого змея Муса, который должен причинить зло моей дочери. Если ты действительно любишь мою дочь, ты должен найти гнездо этого змея и убить его.

— Я готов,—ответил Маньвархан.

— В доказательство того, что ты убил змея Муса, привези с черного дерева три листика.

— Привезу,—твердо сказал Маньвархан.

— В дорогу возьми вот это,—сказал отец Венчика Небесного Лотоса, подавая ему три лепешки,—воздух на полудневном пути от черного дерева отравлен ядом Муса. Когда подъедешь на это расстояние к дереву, съешь одну лепешку. Вторую лепешку съешь, когда будешь вступать в бой с Мусом-змеем, третью лепешку съешь, когда победишь его.

Маньвархан простился со всеми и отправился в путь.

Отец Венчика Небесного Лотоса дал Маньвархану меч своего деда. Только этим мечом можно было убить страшного Муса-змея.

Через семь дней пути Маньвархан заметил, как начинает блекнуть голубая трава долин, а еще через день пути началась выжженная ядом змея желтая пустыня. Воздух был наполнен едкой гарью. Маньвархан вытащил из кармана лепешку, половину съел сам, другую отдал коню. Далеко на горизонте он увидел огромное черное дерево, с ветвей которого поднимались коричневые клубы яда. Маньвархан вытащил меч и вихрем помчался к дереву. Шурша сухой чешуей, навстречу ему полетел семиглавый змей. Все семь голов его извивались в разные стороны и дышали пламенем.

— Прежде чем убить, я хочу знать, кто осмелился выйти против меня!—громко подобным голосом спросил змей.

— А ты назови себя!—дерзко отвечал ему Маньвархан.

— Я в своей груди несу смерть! И никому не дано меня победить! Хо-хо-хо!—самодовольно рассмеялся змей Мус.

— Я несу в своей груди любовь! Я сын земли Маньвархан!—сказал храбрый юноша, вступая в поединок.

Он быстро вытащил вторую лепешку, половину съел сам, другую дал коню. Услышав, что Маньвархан сын земли, змей Мус задумался, но потом, подняв все семь голов, бросился навстречу. Маньвархан взмахнул своим мечом и снес змею сразу три головы. Тогда Мус схватил юношу, почти оторвав от седла. Волшебный золотисто-рыжий конь так взмахнул крыльями, что сразу отсек змею еще две головы. Маньвархан вторым ударом меча снес оставшиеся две головы и изрубил змея на мелкие части. Потом вытащил третью лепешку и поделился ею с конем.

После этого Маньвархан взял три листика черного дерева, все дерево с гнездом и останками Муса спалил, а сам уехал к жене.

Вся держава встречала Маньвархана как знаменитого героя, избавителя от жестокого чудовища. Многие отваживались на битву со страшным Мусом, но никто не побеждал его. Каждый год страна платила дань Мусу лучшими девушками царства.

Семью семь—сорок девять дней праздновали победу над Мусом и свадьбу Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса. Самый прославленный мудрец сказал:

— Слава героям во веки веков! Слава сыну земли и зеленой земле. Слава любви, преодолевающей все преграды!

— Слава любви, преодолевающей все преграды!—повторили, ликуя, все жители, звери и птицы, травы и ветры. И золотым эхом, как чудесная музыка, пролетели эти слова над землею и месяцем, над солнцем и звездами.

Отец и мать Венчика Небесного Лотоса, провожая своих детей, просили прощения у Маньвархана за свои недобрые намерения.

Много подарков сделал народ Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса. Но не драгоценные камни, не бриллианты, не золото и серебро радовали сердца молодых. Много платьев с лебедиными летающими крыльями преподнесли в дар Маньвархану и Венчику Небесного Лотоса, в дар далеким друзьям.

Весть о прибытии Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса быстрее ветра разносилась по всей Бумбе. Ликованию народа не было конца.

Все жители Бумбы встречали Маньвархана и Венчика Небесного Лотоса, молодым трудно было пробираться сквозь толпу восторженного народа. А когда всадники оказались перед коленопреклоненным Советом Мудрейших, волшебный конь вдруг стал как вкопанный и тихо произнес человеческим голосом:

— Устал.

— Где же мудрейший Цецен?—спрашивали люди Маньвархана, после того как он и Венчик Небесного Лотоса сошли с коня.

— Не знаю,—отвечал Маньвархан, удивляясь тому, что у него спрашивают о мудром Цецене.

— Здравствуй, народ мой?—воскликнул вдруг Цецен, поднимаясь с того места, где стоял золотисто-рыжий конь.

— Цецен!—закричал изумленный народ.

— Цецен!—закричали Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса, обнимая древнего доброго старца.

Семью семь—сорок девять дней праздновала Бумба великий праздник. Маньвархан, Венчик Небесного Лотоса и их счастливая мать прощали женщинам и девушкам Бумбы злое деяние, совершенное от любви к самому красивому юноше вселенной. Снова жизнь потекла так же радостно, как в былые времена. Люди зажили, как прежде, ничего не деля на «твое» и «мое», не ведая ни войны, ни болезней, не зная ни зла, ни вражды.

Много лет жили счастливо Маньвархан и Венчик Небесного Лотоса, окруженные любовью и почетом народа. Много у них было детей, внуков и правнуков.

И с тех пор, говорят, в жилах людей течет могучая кровь сынов земли и нежная кровь дочерей далекой звезды Алтан. И потому в людях всегда живет стремление к манящим высотам, к звездам!

СИРОТКА ОЛЬЗЕТЕ

Когда - то, давным - давно, счастливо жили старик Эренцен, его старуха Киште да их дочь Ользете. Жили небогато, но в достатке. Три коровы давали вдоволь молока на сыр и масло. Но вот пришел черный день, и умерла старуха Киште. Осиротели Эренцен и Ользете, дом словно опустел. Повдovel Эренцен год - другой и решил жениться. Взял женщину по имени Догшон. Родилась у них Ярка. Переменился старик. Хотя он и не лишился глаз, но ничего ими не видел, кроме того, что показывала ему Догшон, хотя и остались при нем его уши, но он ими ничего не слышал, кроме того, что говорили ему Догшон. Так случается с людьми, у которых слабы слух и зрение сердца. Всем хозяйством правила Догшон, а старик Эренцен ни во что не вмешивался. Знакомые перестали бывать у них в гостях, ибо им было стыдно за Эренцена.

Особенно плохо пришлось маленькой Ользете.

Мачеха заставляла падчерицу пасти коров, но есть не давала. Маленькая Ользете любила своих коров. Она выбирала им самые сочные пастбища и находила в степи самую чистую родниковую воду. За это любили ее коровы, никуда в сторону не уходила, не заставляли бегать за собой. Ользете часто разговаривала с ними, будто они понимали ее язык.

— Ах, милые мои коровушки, — говорила она им, жалуясь на свою судьбу, — если бы вы знали, какая у меня злая мачеха, как она меня голодом морит и бьет ни за что ни про что.

Часто плакала голодная девочка. Так хотелось есть, что у нее кружилась голова, и она чуть не падала. Однажды подошла к ней пестрая корова, у которой недавно зарезали теленка, сказала человеческим голосом:

— Пойди, девочка, вон на тот курган. Там тебе приготовлен обед.

Ользете не поверила своим ушам, но все - таки взобралась на курган. Видит: на коврике расставлены молоко, сметана, пряники. Обрадовалась девочка: впервые, после смерти матери, досыта наелась.

Много лет, зимой и летом, пасла она коров, выросла и стала красивой девушкой. Она была такой чудесной, что при сиянии ее лица мужчины могли ночью стеречь табуны лошадей, а женщины заниматься рукоделием. Удивляется злая мачеха, думает: я не кормлю падчерицу, а она с каждым днем хорошеет — в чем дело?

Вот как - то она спросила Ользете:

— Отчего ты стала такой красивой? Кто тебя кормит?

Падчерица молчала, и мачеха избила ее до полусмерти.

Не выдержав мучений, Ользете созналась:

— Меня кормит пестрая корова.

На другой день мачеха послала пасти коров свою родную дочь. Ярка, которая всю жизнь просидела дома, ничего не умела делать. Она не знала, где сочные пастбища, где хорошая вода. Целый день продержала коров непоеными и голодными. Во второй и в третий раз вышла со стадом в степь, однако пестрая корова ее не кормила. Ярка подурнела, стала хуже, чем прежде. Рассердилась Догшон, велела зарезать пеструю корову.

Горько заплакала сиротка Ользете, прибежала к стаду и сказала пестрой корове:

— Тебя хотят сегодня зарезать, — а у самой слезы льются ручьем.

— Ты не печалься, — отвечает ей пестрая корова, — после того, как меня зарежут, ты возьми мои рога и зарой на том кургане, где обедаешь.

Не стало доброй пестрой коровы. Погнала Ользете оставшуюся пару в степь. Видит диво: на том кургане, где она закопала рога пестрой коровы, вырос белый дворец. Подошла она к дворцу и услышала голос:

— Заходите, пожалуйста, Ользете, мы давно вас ждем.

Вошла Ользете во дворец и онемела от изумления. Все было так красиво, так богато! Эдакое и во сне не снилось. Тот же голос говорит ей:

— Садитесь, пожалуйста, Ользете, отведайте нашего кушанья.

На ковре были расставлены всякие яства. Ользете пообедала здесь и стала лучше прежней. Радостная пошла она в степь.

В это время, неподалеку, охотился молодой богатырь Очир - Дордже. Увидев красавицу - пастушку, он позабыл об олене, за которым гнался, и остановился, заглядевшись на девушку.

— Чья ты? — спросил он Ользете. — Скажи, где ты живешь?

Очир - Дордже очень понравился девушке. Она назвалась и сказала, где живет. Очир - Дордже направился к ее родителям.

— Ваша дочь рождена быть моей женой. Я пришлю сватов, — сказал он родителям Ользете.

Когда Ользете пригнала коров, он уже уехал.

Мачеха зло сказала ей:

— Радуйся, дура, богатырь тебя сватает, — а сама думает: "Почему он посылал девушку, которая всю жизнь пасла коров, но не ту, которая росла в доме, в неге и ласках?"

Утром Догшон сказала падчерице:

— Сегодня приедут сваты. Пойдем на озеро Коке - нур. Я тебя как следует обмою.

Хотя Ользете и догадывалась о злых намерениях мачехи, но ничего не могла поделать. Пришлось пойти с ней. По пути к Коке - нуру мачеха столкнула падчерицу в воду. Ользете утонула. Обрадовалась мачеха. Ну, думает, теперь я выдам за богатыря родную дочь Ярку.

А воин Очир - Дордже уже ждал ее с людьми и богатыми подарками. Он говорит:

— Я приехал за вашей дочерью, как обещал.

Догшон вывела свою родную дочь. Видит Очир - Дордже на правой щеке Ярки черную родинку величиной со шмеля, на левой щеке родинку величиной с суслика. Но раз мужчина дал слово, он обязан его выполнить. Пришлось, волей - неволей, увезти с собой эту уродливую девушку.

Пожил некоторое время Очир - Дордже с молодой женой. Вдруг высохло озеро Коке - нур. Высохли пастбища вокруг озера, нечем стало питаться скоту. Поднялось все кочевье, погрузило кибитки на верблюдов и ушло на новое место. Вслед за караванами с берегов Коке - нура побежал маленький белый верблюжонок. Никто не знал, откуда он вдруг появился.

После того, как стали люди кочевьем на новом месте, молодая жена Ярка заболела. Очир - Дордже спрашивает:

— Чем тебе можно помочь?

— Когда мы откочевали с берегов Коке - нура, — отвечала больная, — за нами бежал белый верблюжонок. Я вылечусь, если буду пить бульон из мяса этого верблюжонка.

Не теряя времени, пригнали белого верблюжонка и тут же хотели зарезать. Но больная приказала завести верблюжонка в кибитку и резать так, чтобы ни одна капля кровинки не упала в сторону.

Постарались в точности выполнить приказание Ярки, но одну каплю все же потеряли: вылетев через дымоход, она упала направо от кибитки. На другой день на том месте выросло развесистое сандаловое дерево. Такого никто и никогда не видел, и о таком чуде никто и никогда не слышал. Люди решили, что это диво — предостережение от бед, и собрались уходить отсюда. Ни один ясновидец, мудрец, прорицатель не смог разгадать тайны: почему на ровном месте ни с того ни с сего выросло громадное дерево. Молодая жена Очир - Дордже приказала всем оставаться здесь. Тайну дерева она разъяснила так:

— Сандаловое дерево ниспослано судьбой для колыбели будущему сыну богатыря Очир - Дордже.

Она вызвала лучшего в крае мастера - плотника и повелела:

— Сруби то сандаловое дерево и смастери колыбель для будущего нашего сына. Да смотри при этом, чтобы ни одна щепка не отскочила в сторону.

Мастер срубил дерево, смастери колыбель для будущего сына богатыря. Но маленькая щепочка все же отскочила и попала за пазуху плотника. Вечером старик - плотник пришел домой и у треножника стал раздеваться. Вдруг из-за пазухи выпала трубка, отделанная белым серебром и украшенная чернью: к мундштуку трубки прикреплена золотая щепочка. Испугался мастер, подумав, что случайно захватил трубку Ярки. Он трижды помолился и лег спать. Трубку решил отнести утром. Проснулся плотник с мыслью отнести во дворец трубку. Но трубки на месте не оказалось, а перед ним сидела молодая красивая девушка. Поднялся старик с постели и спрашивает удивленно:

— Девушка, девушка, чья ты, откуда?

— Я хотела бы быть дочерью тех, у кого нет детей. Родственницей тех, у кого нет родственников, — отвечала девушка.

Старик - плотник и его старуха, у которых не было детей, так обрадовались, что вырывали друг у друга девушку и, сажая на правое колено, целовали в правую щеку, сажая на левое колено, целовали в левую щеку. Стала эта девушка дочерью плотника. Так она прожили некоторое время.

Однажды Ярка решила собрать во дворец двести девушек — шить богатырю соболиную шубу. Две ее служанки обходили кибитки всех, у кого были дочери. Когда они дошли до кибитки плотника - мастера, одна из служанок говорит:

— Не будем сюда заходить. У них нет дочери.

— А я слышала, что есть, — настояла другая, и они зашли. Увидев девушку, служанки сказали хозяйке:

— Хозяйка, посылайте свою дочь во дворец шить шубу богатырю.

Жена плотника стала говорить, что дочь еще молода для такой важной работы.

— Отпустите меня, познакомлюсь с девушками, подруг заведу, — стала просить дочь.

— Ну, иди, — отпустила мать.

Двести девушек собралось во дворец. Сама Ярка раскроила соболиную шубу и всем раздала доли. Дочери плотника достался рукав. Когда шуба была почти готова — не хватало только рукава, — Ярка набросилась на дочку плотника с бранью:

— Ах ты, лентяйка! Ты пришла только затем, чтобы поесть с нашего стола!

Девушка в сердцах отбросила рукав — он упал на свое место и сросся с шубой. Шуба вышла такая ладная, нарядная, что сам Очир - Дордже не мог наглядеться. На радостях он решил угостить девушек за хорошую работу. Созвал множество народа. Семью семь — сорок девять дней пировали. И как - то сказал молодой богатырь Очир - Дордже:

— Кто из вас может рассказать сказку с небывалыми чудесами?

Все молчали. Поднялась дочь плотника.

— Батюшка рассказывал мне сказки, когда я была маленькой, — начала дочь плотника, — одну из тех сказок я вам расскажу.

Рассказала она вот эту сказку, которую я вам рассказываю. Молодой богатырь Очир - Дордже узнал в дочери плотника свою первую невесту, несравненную Ользете, которую за трудолюбие и доброе сердце до сих пор охранял дух пестрой коровы. Обрадовался Очир - Дордже и воскликнул:

— Ользете!

А в это время раздался свист летящей стрелы. Стрела, выпущенная злою Яркой, долетела до груди Ользете, но тут во дворец ворвался вихрь, и стрела ушла в сторону. Ярка, боясь кары за свои злые поступки, тут же убила себя.

Стали сиротка Ользете и богатырь Очир - Дордже жить в счастье и благоденствии, всем людям на радость, ибо они делали только добрые дела.

ХАН И СОБСИД

Давно это случилось. Вдали от людских кочевий, среди белой, ковильной степи, жил богатый человек по имени Собсид. Когда он смеялся — изо рта его сыпались жемчуга и бриллианты. Была у него жена — красавица. Собсид любовался ею целыми днями и был счастлив.

Услышав об удивительном подданном, хан решил вызвать его к себе и, рассмешиив, пополнить казну драгоценностями.

Не хотелось ехать Собсиду, но жена сказала:

— Орел не хватает добычу дважды, а хан подданным дважды не приказывает. Как бы не навлечь на свою голову гнева повелителя.

— Ты права, — ответил Собсид и стал собираться в путь — дорогу.

— Только вы долго не гостите у хана, — попросила его жена, — путь ваш далек и тревожно будет моему сердцу. Нарисуйте мне перед отъездом свое изображение. Взглянув на ваш образ, моя душа наберется сил, чтобы пережить тяжкую разлуку.

Послушался Собсид, нарисовал свой портрет, словно живого себя изобразил. Распростился с женой и поехал. Когда кибитка скрылась из глаз, он принял облик другого человека и стал продолжать свой путь. На подорожье встретился ему мужчина средних лет на хорошем гнедом коне. Поздоровался с ним Собсид, спросил, далеко ли едет.

— Слухи до меня дошли, — ответил ему мужчина, — будто Собсида хан к себе вызвал. А когда — то я любил его жену, и она меня любила. Вот и еду теперь к ней.

Больно стало Собсиду от таких слов, но он не подал виду и пожелал путнику счастливого пути. Когда тот отъехал, Собсид коня и себя превратил в шелковую нитку, прилип к плечу мужчины и вместе с ним возвратился домой.

Завидев путника, выскочила из кибитки жена Собсида, бросилась к нему навстречу, стала обнимать, целовать.

— Милый ты мой, единственный, любимый! Я уж думала, помру и тебя не увижу! — говорила жена Собсида.

Быстро она зарезала барана, приготовила горячий дотур,¹ поставила перед гостем еду и налила ему чашку крепчайшей арзы, которую сам Собсид пил только по большим праздникам. Смеется жена, радуется, обняв голову чужого мужчины, тербит его волосы и такие песни поет, какие Собсид никогда от нее не слышал, такие ласковые слова говорит, какие Собсид и от матери не слышал.

— Вот он шулмус, враг моего счастья, — сказал захмелевший мужчина, глядя на портрет Собсида, — встретился бы он мне, так я бы его вот как, вот как! — и, взяв острый нож, выколол на портрете глаза.

— Ах, а мне — то какво с ним жить каждый день, за нелюбимым ухаживать, — сказала жена Собсида, — была бы я в силах, так я бы его вот как! — и, схватив портрет, разорвала его, кинула в огонь, под радостный смех любимого мужчины. Свет померк в глазах Собсида от обиды: тихо выскользнул он из кибитки и поехал к хану, не зная, что предпринять, как скинуть с плеч такое горе. Любил он свою жену — красавицу, верил ей

---

¹Дотур — национальное блюдо, приготовленное из ливера.

и потому решил сделать вид, будто ничего не знает, чтобы лучше обдумать, как быть дальше.

Хан, к приезду Собсида, созвал всех шутов своей державы, всех, кто умел веселить сердце человека острым словом, пригласил множество гостей. Невиданное веселье — надан было объявлено во дворце хана. Арза и арака текли рекой. Гремели застольные песни. Шуты грозного хана так уморительно плясали, так острили, рассказывали такие смешные истории, что от хохота стекла выпадали из окон дворца, а стены шатались. Только один Собсид ни разу не улыбнулся, только он один грустно смотрел на все это веселье. Сердце его обливалось кровью при мысли о том, что никогда он не был любим, и не знать ему теперь счастья.

Хан, видя Собсида таким, решил, что не умеют шуты рассмешить человека. Сам пошел плясать с ханшей. Так неуклюже он плясал, что у людей, глядевших на него, животы разболелись от смеха. При этом хан случайно задел голову своей жены рукавом своего халата. Горькими слезами залилась ханша, будто ее сильно побили. Пуще прежнего хохотали гости. Не улыбнулся только Собсид.

Рассердился хан, прекратил веселье и велел на ночь привязать Собсида к столбу во дворе, чтобы прочувствовал он, какое наказание ждет его за неуважение к ханской милости. Время было уже осеннее, ночи стояли холодные, и скоро Собсид так продрог, что зуб на зуб не попадал. К тому же мысли о жене не давали покоя. Даже заплакал от обиды. Вдруг услышал он, как скрипнула дверь в ханских покоях. Крадучись и оглядываясь, вышла оттуда жена хана и побежала куда-то мимо Собсида. Навстречу ей, кучи собранных кизяков, вышел конюх повелителя.

— Ах ты негодная, заставила меня столько прождать на холоде! — закричал он ханше и стал нещадно бить ее толстой палкой по чем попало.

— Не моя вина, мой милый, едва уснула своего глупца и к тебе, — ответила ханша, — бей меня, все равно только одного тебя люблю, — говорила она, целуя и обнимая конюха в ответ на его побои.

Вспомнил Собсид, как ханша расплакалась, когда муж ее случайно задел рукавом халата по голове, и так ему смешно стало, что не сумел он сдержаться и расхохотался. Посыпались на землю жемчуга и бриллианты. Потом он с горечью подумал, что все женщины одинаково лживы, и снова овладела им печаль.

Утром хану доложили, что Собсид, видимо, много смеялся, потому, что высыпал целые пригоршни изумительных камней прямо на землю.

Сначала хан обрадовался, но потом грозно нахмурился.

— Чака, — закричал он в гнев, — на увеселении не улыбался, а привязанный к столбу расхохотался! Я ему покажу, как надо мной смеяться! Палача! — и велел он отрубить голову Собсиду, чтобы не смел впредь глумиться над своим владыкой.

Когда Собсиду сообщили о приказе хана, он стал умолять, чтобы выслушал хан причину того, почему он не смеялся на увеселении и почему рассмеялся, будучи привязанным к столбу. Хан согласился, и тогда Собсид рассказал о том, как провожала его в дорогу любимая жена и как в тот же день приняла своего друга. Рассказал и о том, что он видел ночью, привязанный к столбу.

— Теперь мне понятно, почему так скупа на ласки моя супруга, — сказал хан, выслушав Собсида, и велел его отвязать.

— Милостивый хан, — молвил в ответ Собсид, — видно, все женщины

на свете лживы и коварны. Будь это в моей власти, я бы приказал их всех истребить.

Гневный хан решил, что Собсид прав и слова его полны мудрости. Первой лишили жизни ханшу, а потом поехали к Собсиду и так же наказали его жену за неверность.

После этого они пустились в путь по свету с твердым намерением уничтожить весь женский род. Встретился им на пути семидесятилетний старик, который пас отару овец. Он сгнулся под тяжестью железного сундука, лежавшего на спине, и ронял из воспаленных красных глаз мутные слезы. Поздоровались они со стариком и спросили с удивлением:

— Что заставляет тебя нести на спине такой тяжелый сундук?

— Слышал я, — отвечал старческим голосом пастух, — что наш хан и Собсид сошли с ума и решили весь женский род уничтожить. Так я спрятал в сундук свою старуху, чтобы не убили ее эти безумцы.

Рассердились хан и Собсид и повели старика открыть сундук. Подчинился он силе. Открыл сундук, но старуха в нем умерла уже своей смертью. Горько заплакал тогда старик, стал свою длинную бороду рвать и причитать:

— Ах ты, радость моя единственная, любовь моя ненаглядная! Сколько счастья ты в жизни мне принесла! И все теперь унесла с собой!

Подивились хан и Собсид таким словам, не поняли они горя старика и поехали дальше.

Встретился им на пути другой странный старик: белая борода по земле волочится, в глазах огонь сверкает.

— По каким делам и далеко ли направились? — спросил старик путников. Хан рассказал, по какой причине решили они и начали уже истреблять женский род.

Посмотрел на них старик так, будто огненными стрелами пронзил, и спросил:

— Который из шестидесяти шести перевалов - эргеней вы миновали, гупцы?

Никого не боялся хан в своем обширном владении, ибо он обладал властью казнить и миловать любого из своих подчиненных. В мире нет силы выше, чем власть, думал он. Никого не боялся и Собсид, ибо у него было столько сокровищ, что мог любую власть подкупить. В мире нет силы выше, чем богатства, думал он. Но страшно стало вдруг обоим от пронзительного взгляда странного старика. Собсид посмотрел на хана, как бы говоря: "И ты испугался?" Спихнулся тут хан, вспомнил свою власть и привскочил на стременах:

— Это мы гупцы? Да кто ты таков? — визгливо вскрикнул, подняв плеть, чтобы ударить дерзкого старика.

Старик в ответ лишь усмехнулся и махнул правой рукой. Плеть с поднятой рукой хана застыла наверху и не опускается. Хан и так и эдак, а плеть висит над его головой, не шевелится. Увидев это, Собсид в ужас пришел, прищипил коня, решив бежать. Но старик снова взмахнул рукой — конь Собсида застыл в воздухе, на землю не опускается и с места не двигается, словно каменный повис.

— Который из шестидесяти шести перевалов - эргеней вы миновали, гупцы? — еще раз спросил белобородый старик - чародей, грозно насупив густые брови.

— Тридцать третий! — сказали хан и Собсид, трясаясь от страха.
— Сколько женщин вы успели убить? — спросил он еще грознее.
— Только своих жен, — отвечали хан и Собсид, еле ворочая языками.
— Так слушайте, безумцы, что я буду говорить, смотрите на то, что буду показывать, — приказал странный старик.

Хан и Собсид безмолвно повиновались ему.

— Людям и всему сущему вечно добро несущее, над миром плывущее легучими тучами время могучее, сделай благо степи, на тысячу лет отступи! — воскликнул белобородый чародей, широкой грудью молитвенно припав к степи.

И случилось чудо. Срежь ясного неба сверкнула молния, грянул гром, закружился желтый огненный вихрь, черная тьма обволокла землю. Хан и Собсид зажмурились глаза, прикрыв лица руками. Все это свершилось в мгновение ока, и тут женаступила немая тишина.

— Опустите руки, поднимите веки, глядите и слушайте! — сказал им старик, стоявший рядом с ними.

Опустив руки и взглянув вокруг, хан и Собсид изумились тому, что открылось их взору. Степь простиралась вроде знакомая и незнакомая. Только три гряды из шестидесяти перевалов — эргеней, словно крестцы жирных коров, пролегли вдали. Паслись овцы и верблюды. Скакали какие-то всадники в одеждах чужих племен. Летали в небе орлы. Рядом молодая женщина невиданной красоты, с печальными глазами, сидя на коленях, небольшим ножиком копала землю — возле нее образовался маленький холмик.

— Ты думаешь, хан, что, обладая властью казнить и миловать, ты превыше всего на земле. Но подумай, что такое власть в твоих руках, если сам ты подвластен крохотному наконечнику стрелы, лезвию ничтожного ножа, каре малой болезни, разрушениям мгновенных десятилетий? Ты думаешь, Собсид, что, обладая богатствами, ты превыше всего на земле. Но знаешь ли ты истинную цену своим богатствам и сокровищам? За миску собачьей похлебки с радостью ты, если умен, их отдашь в день голода, а если глуп, помрешь вместе с ними, — начал свой сказ белобородый старик — чародей. — Вы, обиженные женами, в гордыне своей решили истребить весь женский род, будто все женщины виновны в том, что ваши жены не любили вас, ибо вас не за что любить. Вместо добродетелей, украшающих человека, вы выпячивали свою презренную власть или презренные богатства.

— Верно, верно, — робко подтвердили хан и Собсид.

— Сейчас вы находитесь в своей степи, но время отступило на тысячу лет назад. Тогда и я был моложе. Вы видите юную женщину, которая копает ножиком землю, видите возле нее маленький холмик. Но она не женщина, а девушка из нашего хотона и зовут ее Лоллой. У нее был добрый нрав. Она лечила травами больных зверей и птиц, и те любили ее. Лолла полюбила юношу по имени Наран, и он ее полюбил. Оба они были так хороши, что от ста держав приезжали к нам послы. Те ханы, у кого были дочери, зятем хотели иметь нашего юношу; те ханы, у кого были сыновья, в невестки хотели взять нашу девушку. Но ни он, ни она не давали своего согласия.

Возмутились ханы ста держав, пошли на нас войной, разорили наш цветущий край, убили юношу Нарана, любимого прекрасной Лоллы. Долго она тосковала, горевала. Звери, к которым она была так добра, сказали

ей, где находится земля с живой водой, а птицы по капле принесли ей в клювах живую воду и наполнили заветный пузырек. С тех пор Лолла неустанно копает ножичком землю. Три перевала - эргеней возвышенностей успела она сделать, пока вы ее не увидели, еще шестьдесят три сделает, лишь бы найти тело любимого, окропит его живой водой и вернуть к жизни. Но жестоки были злобные ханы — прах Нарана они развеяли по белу свету. Вот какова любовь женщины, хан и Собсид, любовь, которая дается человеку во имя жизни, во имя ее продолжения на земле. Но Лолла любовь любила больше жизни, и вот что с ней случилось...

— Людям и всему сущему вечно добро несущее, над миром плывущее летучими тучами, время могучее, к законному ходу вернись! — снова припав к земле, воскликнул старик.

Снова сверкнула молния, среди ясного неба грянул гром, закружился желтый огненный вихрь, черная тьма обволокла землю. Хан и Собсид снова зажмурили глаза, прикрыв лица руками.

— Опустите руки, поднимите веки, глядите и слушайте! — сказал им старик те же слова, что и раньше.

Опустив руки и взглянув, хан и Собсид увидели, что они стоят там же, где встретились со странным стариком - чародеем. Однако сейчас мимо них туда и обратно проносился со стоном и визгом желтый вихрь и в нем был ясно виден темный силуэт сморщенной старухи, рвущей костлявыми руками космы жестких седых волос на голове, раздирающей сухую коричневую кожу, обтянувшую кости лица.

— Это она, Лолла, — грустно прошептал старик, — любя свою любовь в себе превыше всего, она отказалась выйти замуж, дала обет безбрачия, и за это жизнь, которую Лолла не продолжила, отказала ей в смерти. Вот и мучается, бедная! — воскликнул он, махнув правой рукой. Желтый вихрь умчался вдали.

— Вы видели, как может любить женщина и какую кару способна нести во имя своей любви: А вы говорите, что какой - то палкой били влюбленную и она не плакала. Нет на свете силы, которая была бы сильнее любви. Ни закон, ни богатство, — ничто не властно над любовью. Женщина велика в любви, и пред нею ваша сила — пыль и суета. Вы подняли руку на женский род, дарующий жизнь человеку. В наказание отлучаю вас от власти, богатства и любви! — громовым голосом произнес белобородый старик - чародей.

Трепещущие от страха хан и Собсид упали ниц и просили прощения. Но старика уже не было — он исчез.

Поднявшись на ноги, хан и Собсид увидели, что они вдвоем в степи и никого больше нет. Глянули друг на друга — радостно стало им.

— Что же с нами случилось? — расхохотался Собсид. Но жемчуга и бриллианты уже не сыпались.

— Ты мне дал неразумный совет уничтожить женский род! — в гневе воскликнул хан. Но Собсид смеялся над ним — он понял: хан уже не был ханом.

Бывший хан и бывший богач продолжали жить на земле. Но они были очень несчастны. Мужчины презирали их, ибо они ничего не умели делать. Женщины брезгливо кормили хлебом и солью, ибо, глядя на них, мужья сильнее любили жен. Но в смерти бывшему хану и бывшему богачу не было отказано, ибо они все - таки приносили какую - то пользу своим существованием.

72 НЕБЫЛИЦЫ

(Пересказ)

Говорят, очень давно жил в калмыцких степях хан, который любил слушать всякие небылицы. У него были на выданье три дочери. Но никто их не сватал. Для ханских сыновей они были не так хороши, а за простолюдинов не хотел отдавать их сам хан. Так прошло много лет, и его дочери стали стариться. Тогда хан объявил по всем державам, что в приданое каждой дочери выделяет треть своих владений. Однако и на этот раз ни один ханский сын не пожелал прислать сватов. Испугался хан за своих дочерей и снова объявил, что каждой дочери в приданое он отдает треть своих владений и что выдаст за лобого человека, который расскажет 72 небылицы. Много сыновей знатных людей приходило рассказывать небылицы, но никто не мог состязаться с сыном ханского пастуха. Вот что он рассказывал:

— Я родился на девяносто девять лет раньше отца и пас табун своего деда. Однажды, в ясный летний день, когда на небе сияла полная луна, мой табун куда-то исчез. Как, думаю, быть? Я сделал длинный шест из тонкой березы, которая никогда не поднималась с земли, прикрепил к его концу аркан из несвитой веревки в пальшиной зной, когда на лету замерзли птицы, оседлав неродившегося солового коня, отправился на поиски потерявшегося табуна. Много дней я проехал, пересек неизмеримые пространства. Мок под дождем, который не шел, мерз в такую пургу, что все кругом корчилося от жары. Так я изнемог в пути, что почувствовал свою близкую, неминуемую смерть. Как-то раз я оглянулся во все стороны, в надежде где-нибудь увидеть колодец, и смотрю: на крутом склоне высокой горы плещется круглое, синее озеро. Ударил я плеткой своего солового коня и галопом пустился к озеру. Странная вещь: прибрежная вода кипит, пар поднимается, дотронуться невозможно, а середина охвачена толстым слоем льда. Отъехал я немного назад, разогнал солового и — прыг! Оказался прямо на середине озера, на синем сверкающем льду. Ударил плеткой об лед — лед не разбивается. Топнул ногой об лед — лед не разбивается. Тогда я, недолго думая, снял голову и — бац! Из круглой дыры, образовавшейся во льду, выступила холодная прозрачная вода. Наклонился я и с удовольствием напился холодной воды. Сразу стало легче. Перепрыгнул обратно на берег, отъехал на некоторое расстояние, верст так на тысячу, и решил закурить. Вытащил я свою кленовую трубку, величиной с голову верблюда-самца, прикрепил к ней мундштук, величиной с берцовую кость быка, положил в трубку несколько охапок табаку и только поднес ко рту, а рта не оказалось на месте. Что, думаю, за оказия? Ах, вспомнил тут я, ведь голову-то я забыл там, где пил воду. Хочешь не хочешь, а пришлось возвращаться. Моя голова заметила меня еще издали и расплылась в довольной улыбке.

— Что, дружище, — кричала она мне, — и не закуришь без меня! А я-то нарочно смолчала, когда ты отъехал. Пусть, решила в шутку, проедет немного без меня! Теперь ты в другой раз не забудешь меня.

— Батюшки, — испуганно закричал я в ответ, — что с тобой случилось?

На макушке моей головы, вонзив жала, сидели тысячи мух, а шея примерзла ко льду. Тянул я, тянул свою глупую голову, а оторвать не

смог. Тогда я, рассердившись, со всей силы пнул ее ногой. Она отскочила в сторону и покатилась к прибрежной кипящей воде. Еле догнал ее, стряхнул с макушки мух, дважды ударил по левой щеке, трижды ударил по правой щеке, чтобы впредь не смела так шутить со своим хозяином, и водворил на место, где ей следует быть всегда. Немного успокоившись, вложил в рот кленовую трубку, взял кусочек льда вместо огня, горсточку воды вместо трута, высек искру, добыл огонь, затянулся сладким дымом и выпускал его, смешивая с облаками. Так, роняя на землю столько серого пепла, что за мной вырастали холмы, продолжал свой путь дальше. Что ни шаг — пятнадцать верст оставалось позади.

Проехал я еще много дней и однажды, спускаясь с невысокого пригорка, увидел внизу зеленую долину, услышал страшный шум и гвалт, чье-то крики, перебранку. Спустившись вниз, я разглядел тысячи мух, которые подняли этот шум. Они то расходились группами, то снова сходились, суегились, поднимая невообразимую суматоху и пыль.

— Что у вас тут происходит? — спросил я у первой встречной мухи.

— Да вот делимся и никак не можем разделиться, — отвечала мне молодая муха, у которой под правым глазом чернел огромный синяк, видимо, от крепкого кулака.

Заметив меня, все мухи ринулись ко мне.

— Ты человек посторонний, — обратилась ко мне муха-старик, поглаживая следы бороды, оторванной в драке, — рассуди нас, раздели, никого не обидев. Ты должен быть справедливым.

Сосчитал я их хозяйство и, никого не обидев, не обделив, помог им мирно разойтись в разные стороны. Поехал дальше. Отъехал некоторое расстояние и слышу сзади крик:

— Погодите, остановитесь, почтенный муж!

Оказывается, предварительно поспорив меж собой, выделили мне четырехгодовалую молодую муху, в знак благодарности за мою справедливость. Три года она ходила яловой и на крестце накопила жира в четыре пальца, а под передними лопатками — в три пальца. Принял я заслуженную мною муху, заарканил ее, конец аркана привязал к задней луке седла и продолжал свой путь. К вечеру решил переночевать, предварительно выбрав место в низине, где меньше дул ветер. Развел костер. Еще не зарезав, я снял с мухи шкуру, не сняв шкуру — распотрошил, не распотрошив — опустил в котел, не опустив в котел — вскипятил, не вскипятив — вытащил из котла, не вытащив — съел, не съев — наелся и, вытерев руки о правый сапог, лег спать.

Еще не уснув, я проснулся от страшного шума. Какие-то двое барахтались в темноте, задевая мои руки и ноги. Пригляделся: то дрались меж собой два моих сапога.

— Разве не мы с тобой одинаково высыхали от знойного ветра, задыхаясь горячей пылью дорог, страдали столько лет? Однако почему-то хозяин накормил тебя, а не меня. Ябедничаешь? Так вот тебе! — кричал левый сапог, нанося каблуком удар в носок правого сапога. Правый сапог норовил нанести удар в переносицу левого.

— Замолчите, — сердито приказал я, поднимаясь с места, — иначе я вас так накажу, что не увидите завтрашнего дня!

Испугались сапоги, притихли. Перед рассветом снова меня разбудил такой же шум. На этот раз дрались меж собой мои ножны и нож.

— Не я ли, оберегая тебя от дождя и ветра, от зноя и холода, несущая все тяжести нашей совместной жизни? Не от меня ли зависит гордость твоя — острота нежного лезвия? А жирным мясом хозяин накормил тебя!

Наушничкаешь! — закричали ножны, замахиваясь ребром на лезвие ножа.
— Замолчите! Иначе я вас... — снова пригрозил я им.

Ножны и нож притихли, испугались.

Так и не выпавшись как следует, я поднялся вместе с солнцем. Поднявшись, обнаружил пропажу: исчезли нож и сапог. "Куда они могли пропасть?" — подумал я и вспомнил старую калмыцкую поговорку: "Где свадьба — туда катится и кость, десять лет пролежавшая на ветру". Вспомнил, что в соседнем селении сегодня играют свадьбу. Направился к дому, где шел пир горой, заглянул в окно. Мой нож был старшим над расставленными на ковре яствами и важно расхаживал меж рядами жирных туш баранины и говядины, то и дело отваливая громадные куски мяса, а мой сапог бежал по кругу гостей, весь блестел от жира, преподносил чаши хмельной араки и, прежде чем подать полную чашу, взявшись за правое ушко, пел благопожелание. Заметив меня, нож и сапог подмигнули мне. Поняв их намек, я незаметно вошел в дом и тихо присел у дверей. Не успел я еще как следует устроиться, мой нож и сапог, проскакивая меж ногами стоящих, проскальзывая под мышками сидящих, подбежали ко мне, прихватив с собою целую бортоху араки и ляжку коровы. Выпил я араку, съел мясо и приказал беглецам идти за мной. Отправился я искать свой пропавший табун. Повстречал сусликов, которые собирались на торжества около церкви. В открытые двери церкви я заметил горящую лампаду из сухого стебля травы.

— Не встречали ли вы мой пропавший табун из пегих коней? — спросил я их.

— Видели, видели, — запищали в ответ мне суслики, — твой табун пробежал в сторону севера.

Поехал я в сторону севера, поднялся на вершину одной горы и увидел тьму-тьмущую зайцев. Каждый из них держал в лапах большие ножницы и стриш другого.

— Не видели ли вы мой табун пегих коней? — спросил я у них.

— Твой табун побежал в сторону юга, — отвечали мне зайцы, указывая направление длинными ушами.

Выпросил я у них немного шерсти на чулки и поехал в сторону юга. Встречается мне в пути один муравей - работяга, взваливший на спину два мешка пшеницы.

— Муравей, муравей, — обратился я к нему с вопросом, — далеко ли идешь?

— Иду на базар, — весело отвечал мне муравей.

Направился я на базар, вслед за муравьем. До вечера бродил я по базару, разглядывая разные диковинные вещи. Ведь очень интересно на базаре. Вдруг вижу: около мешка пшеницы валяется пьяный муравей.

— Что с тобой, приятель? — с укоризной спросил я у муравья.

— А твое какое дело! — куражился муравей. — Продал мешок пшеницы, встретил друзей-приятелей и вот, как видишь, веселюсь. Пшеницу - то я сам наживал, собственным горбом! — закричал он, наскакывая на меня.

Грустно мне стало от этого зрелища, и я решил продолжить поиски своего пропавшего табуна. Проехал до полуночи, доехал до какого-то полусгнившего деревца, привязал коня и лег спать. Просыпаюсь утром — беда! Полусгнившее дерево село верхом на моего еще не родившегося солового коня и уже скрылось за горизонтом. Не догнать его. Погоревал-погоревал, — делать нечего, пришлось идти пешком. Прошел я пешком полдня и вижу: пасется в степи стадо дудаков с обледеневшими крыльями,

хотя и жара стояла несносная. Поднял я с земли палку и одним ударом повалил штук шесть огромных дудаков. Привязал их к своему поясу, думаю, пригодятся в пути, и продолжаю идти дальше. Вдруг я почувствовал, что начинаю подниматься в воздух. То ожили оглушенные дудаки и подняли меня высоко в небо. Обрадовался я. С высоты всю землю видно. Всмотриваюсь вниз — ищу табун. Только мы стали достигать облаков, тут не выдержал тяжести мой пояс, лопнул, и я камнем полетел вниз. Ну, — мелькнула мысль, — вот и конец мой пришел! Да на мое счастье внизу бежал огромный серый волк, и я, не коснувшись земли, оказался на нем верхом. Прижал я его бока коленями, схватился за холку и ну поддавать духу! Испуганный волк не бежит, а летит. Мне это не страшно — я почти до облаков долетал! Вдруг я заметил на высохшем стебле прошлогодней полыни уздечку, которую потерял три года тому назад. Ловко пригнувшись, я схватил свою потерю и положил за пазуху. Еду дальше. Думаю, авось встречу свой табун, тогда и соскочу с волка. Все-таки лучше, чем пешком идти. Тут я заметил — что-то зацепилось за ногу. Наклонился — то, оказывается, ремешок я рукоятки плетки, которую я потерял два года тому назад. Только я нагнулся взять плетку, да хватил мимо и слетел с волка. Попечалился — попечалился, да делать нечего, пришлось пешком идти. Время клонилось к вечеру, захотелось есть, и я с грустью вспомнил прибитых мною дудаков. Тут мне подвалило счастье. Между двумя небольшими никогда не росшими кустарниками я заметил спящего зайца, прикрывшего себя листом прошлогодней травы. Поднял я его криком, пустил вдогонку своего свирепого, борзого пса черно-серой масти, который подох десять лет назад. Мой черно-серый свирепый пес нагнал зайца, схватил его за спину. Но еще не родившийся заяц так брыкнул задними ногами, что прочь полетели коренные зубы моего свирепого пса, подохшего десять лет тому назад, и он пустился науек от зайца, десять дней боясь оглянуться назад. Пришлось самому гнаться за зайцем. Не догнав, я его ударил, не ударив — убил, не убив — коснулся, не коснувшись — схватил, не схватив — положил в карман. Пошел я мимо большой глубокой реки, которую воробьи вброд переходили. Впереди меня показалась маленькая черная точка, которая, приподнимаясь и приседая, пружинистыми шагами двигалась мне навстречу. Когда я подошел ближе — узнал в ней пожилого серого паука, давно жившего в этих местах, до некоторой степени моего приятеля. Как-то, лет десять тому назад, укрываясь у него от метели, разыгравшейся в степи, за чашкой чая мы проговорили до утра. В это время его сыновья присматривали за моим табуном. Сейчас паук в передних лохматых лапах держал концы паутины — невода и на моих глазах, без особого труда, вытащил ведра три разной рыбы. Мелочь он выбросил обратно в реку, которую воробьи переходили вброд, а покрупнее — отложил в кучу, что лежала рядом. На глаз я прикинул — тут было возов десять сазанов, окуней, осетра и другой всякой рыбы.

— Менде! — приветствовал я его. — Бог помочь, удачной вам путины!

— И вам удачи, добрый путник! — ответил мне мой старый знакомый паук и кивнул в сторону кучи. — Возьми на дорогу одну рыбину помельче, пуда в два.

И в самом деле, думаю, лишняя толика пищи в пути не помешает. Взял осетра пуда четыре весом, положил в карман, поблагодарил гостеприимного паука и пошел дальше. Тут я услышал страшной силы грохот. Оглянувшись — забавляясь, боролись две горы. "Вот я тебе!" — грохотала, смеясь, одна из гор. "Только без подножки!" — гремела хохоча вторая. Решил

подальше отойти от такой забавы. Незаметно я пришел к берегу моря и отпрянул назад, так, примерно, верст на тысячу. Меня опалило огнем пылающего моря: горела вода. Только и успел заметить, как на языках пламени плясали обрадованные рыбы, восклицая: "Хоть раз в жизни погреемся как следует!" Потеряв всякую надежду найти свой табун, я возвратился домой. Развел огонь и думаю: вот уж наемся! Полез в правый карман — зайца нет. Полез в левый карман — осетра нет. Тут я заметил на кромке правого кармана комара, со рта которого торчали ноги зайца, а на кромке левого кармана заметил блоху, со рта которой торчал хвост четырехпудового осетра. Взял я за правое ухо комара, за левое ухо блоху и поднял вверх. Взмолились они, запищали: "Никогда больше не будем так делать!" В это время раздался шум у дверей моей кибитки: кто-то кричал: "Я пройду первым!", другой перебивал его: "Нет, я пройду!" Выглянув, я увидел бок полусгнившего деревца, которое увело моего солового коня. Его отталкивала в сторону голова моего солового коня.

— В чем дело? — спросил я у них сурово.

— Давно мы нашли табун! — радостно закричали оба.

— А кто ты есть? — спросил я у деревца.

— Меня триста лет тому назад, еще до рожденья твоего деда, посадил твой отец. Все искало повода отблагодарить ваш род, и вот он выпал, — сказала деревцо и скрылось с глаз. Так, после трудных поисков, нашел я свой пропавший табун. И если во всем, что я рассказал, есть хоть одна неправда, небылица, да утонуть мне в пламени пылающего моря, да посадят на моей могиле лозу неросшего сандала, да отслужит молебен во успокоение моей души неродившийся гелюн - священник!

Так закончил свой рассказ сын пастуха хана, у которого было на выданье три дочери. И что же вы думаете, отдал за него свою дочь хан? Нет, не отдал. Он сказал:

— Я велел рассказать семьдесят две небылицы, а ты рассказал семьдесят три.

Не отдал хан свою дочь за сына пастуха, потому что сын пастуха был самым правдивым человеком на свете — сказочником, а самым лживым человеком на свете был сам хан.

Подписной индекс 73913.

**Редакция журнала
«Теегин герл»**

Бүрдәһәчнр: Хальмг таңһчин барин болн олнд зәңглһнә эв-арһин министрств болн «Теегин герл» журналын редакц.

Учредители: Министерство печати и средств массовой информации Республики Калмыкия и коллектив редакции журнала «Теегин герл».

Журнал зарегистрирован в Калмыцкой региональной инспекции по защите свободы печати и массовой информации. Регистрационный № Э-0060.